Загадка 37 года

ВЛАДИМИР ЖУХРАЙ

Личная спецслужба СТАЛИНА

ЭКСМО

«АЛГОРИТМ»

ЗАГАДКА 37 ГОДА

ВЛАДИМИР ЖУХРАЙ

ЛИЧНАЯ СПЕЦСЛУЖБА СТАЛИНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В 1948 году автор книги В. М. Жухрай в звании генерал-майора возглавил аналитический отдел личной секретной службы Сталина, о существовании которой многие не имеют никакого представления. Со своим отделом молодой (чтобы не сказать «юный») генерал курировал стратегическую разведку и контрразведку на «фронтах» глобальной холодной войны, был, разумеется, особо приближен к «отцу народов», знал великое множество наиболее строго охранявшихся секретов того времени.

Чем занималась личная спецслужба генералиссимуса? Кто входил в число ее главных противников? На эти и другие вопросы читатель найдет, возможно, несколько неожиданные для него ответы в представленной книге В. М. Жухрая. Умершего совсем недавно — в начале 2011 года…

- ВЛАДИМИР ЖУХРАЙ
  - Стальная маска
    - «МК» прикоснулся к тайне неизвестных детей «отца всех народов»
    - «Ты, махновский бандит!»
    - По глобусу Хрущева
    - Экспонат из охраны
    - Смерть Чингисхана
    - Шашлык по-сталински
  - ЛИЧНАЯ СПЕСЛУЖБА СТАЛИНА
    - Дела авиаторов и моряков
    - Встреча с творческой интеллигенцией
    - Тайная война
    - Арест Полины Жемчужиной
    - Охота на Берию
  - ПРОСЧЕТ АДОЛЬФА ГИТЛЕРА
    -
    - «Русский человек — неполноценен»
    - Великий полководец
    - После победы. Новые испытания
  - ПРИЛОЖЕНИЕ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36

ВЛАДИМИР ЖУХРАЙ
ЛИЧНАЯ СПЕЦСЛУЖБА СТАЛИНА

Стальная маска

«Московский комсомолец» от 20 мая 2008 г.

«МК» прикоснулся к тайне неизвестных детей «отца всех народов»

К 55-й юбилейной годовщине со дня смерти Сталина был проведен опрос среди молодежи: как они относятся к «отцу народов»? И выяснилась парадоксальная вещь — наши юные соотечественики больше не считают его тираном.

Сталин сегодня — один из величайших политиков XX века, символ России, ее имперского могущества. «Без Сталина мы бы не победили в войне», — уверены нынешние двадцатилетние.

А ведь еще десять лет назад никто и помыслить не мог о подобной интерпретации этого образа.

Но времена меняются, меняются люди.

Нам удалось разыскать человека, который утверждает, что лично знал Иосифа Виссарионовича и даже не раз являлся к нему на доклад, переодетый в рясу монаха.

Сейчас его зовут Владимир Жухрай, он писатель. Но кем он был прежде, при жизни вождя, почему его мать запросто могла привести его за руку к Сталину в кабинет для воспитательной беседы и почему все, кто знаком с Жухраем, уверяют, что у него одно лицо с «отцом всех народов».

Генерал-полковничья форма висит на дверце шкафа в квартире на Ленинском. Высокие потолки под стать 82 летнему хозяину. Старик грозен и грузен.

И похож на многочисленные портреты у себя за спиной.

На фото — Сталин.

Передо мной — он же, только без оспин и без усов.

Переживший самого себя лет на десять и избавившийся от кавказского акцента.

— «Говорят, я был самый доверенный человек у вождя.

— Пусть так, для моего самолюбия эта сказка сверхприятна», — изучая меня, негромко произносит собеседник.

Кто передо мной — профессор, историк, один из многих, кто пишет о том времени. Или…

«Ко мне из ФСБ приходили — говорят, признайтесь, что вы — сын Сталина, генерал Марков, легендарный летчик, в 17 лет ставший Героем Советского Союза. Нет, говорю, я — писатель Владимир Жухрай. Других чинов мне не надобно».

Он согласился со мной встретиться только для того, чтобы продиктовать свои взгляды на некоторые аспекты Великой Отечественной войны и о роли в победе великого Сталина. Не более…

Имени этого человека не найти ни в одних мемуарах. Но там, где надо, о нем знают.

Хотя его биография кажется невероятной даже для вымысла.

Неужели вот этот седой старик, когда ему было 22 года, командовал вытянувшимися в струнку генералами?

Он, по личному приказу Генералиссимуса ставший главой аналитического отдела его контрразведки?

А может, это и есть сказка?

Как и чем объяснить головокружительный взлет и странную близость к вождю, не доверявшему никому, и последующее полувековое молчание?

Только в документальных книгах, которые писатель Жухрай сегодня пишет, нет-нет да и проскользнут сенсационные бумаги из личного сталинского архива.

Который никто никогда не увидел.

«Ты, махновский бандит!»

— Мне этот архив сразу после смерти Сталина дал Александр Джуга,[1] мой большой друг, кстати говоря, и самый дорогой человек в жизни, — говорит Владимир Жухрай. — Он передал все документы, расшифровки, донесения наших и чужих агентов с 41-го по 45-й год. На агентурных донесениях на обороте было указано: кто источник, где работает. Поэтому я предупредил, чтобы эти бумаги, когда я их верну, немедленно сожгли. У себя я их держать тоже не мог, чтобы не продали. Но Саша Джуга сказал: поскольку ты будущий писатель, тебе надо их знать, напишешь потом хорошую книгу.

— *А кто он такой — Александр Джуга?*

— Начальник сталинской контрразведки. Вся агентура его стояла над членами Политбюро: его приказ — и их бы пристрелили как бешеных собак. Но сам нигде не фигурировал. Он был родным сыном Сталина, что не скрывалось, — произносит он и как отрезает: — Давай так. О личном — не задавать.

— *Ну, извините, Владимир Михайлович, но как тогда объяснить, что мы публикуем вашу точку зрения о войне, чем она интересна, ежели не сообщить, что вы работали с Иосифом Виссарионовичем?*

Будто и не слышит.

— В годы «холодной войны» в недрах западных разведок были изложены пять основных антисоветских мифов, призванных оболгать историю Великой Отечественной войны, — начинает мне диктовать. — В результате в средствах массовой дезинформации она стала подаваться как пиррова победа, — говорит отрывисто, четко, не оставляя времени на вопросы. — При помощи этой грязной клеветы наши идеологические противники хотели очернить историческое прошлое советского народа и преуменьшить его значение в воспитании будущих поколений». Записала?

— *Записала. Владимир Михайлович, а когда вы познакомились с товарищем Сталиным?*

— Первый раз я увидел Сталина в Волынском, на его даче, — неожиданно отреагировал он. — В 40-м году. Мне было 14 лет. Я ударил десятиклассника стулом по голове, и тот три часа не мог прийти в чувство. Меня за этот бандитизм из школы выгнали, и мать привезла меня к Сталину, чтобы Отец народов прочитал мне нотацию.

— *Школьника-хулигана — к первому человеку страны?..*

— Моя мама была не простая женщина, а акушер-гинеколог

Кремля — в третьей группе, где обслуживали семьи членов Политбюро. Мать была ближайшим другом Сталина, он к ней относился удивительно просто и нежно. Даже не знаю почему. Мама вообще вела себя как царица, никого не признавала. Отец наш великий все для нее делал.

А я был зеленый сопляк. И надо было меня оторвать от улицы, от дружков — поэтому меня мать с собой на врачебные вызовы брала. Пока она осмотр вела, я гулял. Я с матерью на разных машинах к членам Политбюро ездил — например, у Лазаря Кагановича она принимала роды у дочери, дома, в Кремле. И тот ей ручки целовал. У Аллилуевой роды не она принимала — та, дура, убежала куда-то на конец города, и ее искали с собаками. Абсолютно больная женщина, совершенно при этом несчастная. Она не обращала внимания на детей, они ее забыли на третий день после ее самоубийства… Мне Николаев, близкий сотрудник Сталина, рассказывал, как тот еще при жизни жены жаловался: «Я не могу уделять своим детям время, сплю по два-три часа, а Надежда ими заниматься не хочет».

Так что я к издержкам материной профессии привык. Но не знал, что в тот раз она везла меня не к пациентке, а к Сталину за выволочкой. Приехали — забор огромный, мы без проверки в ворота въехали. А там он — памятник! Отец народов. ЖИВОЙ! У меня аж ноги подкосились. Вошли в комнату, где Политбюро заседало, а с левой стороны — его спальня. Колоссальных размеров стол накрыт накрахмаленной скатертью, на нем чайник электрический и коробка шоколадных конфет. Он мне протягивает: «На, ешь!» И бросил журнал со своими снимками — чтобы я их смотрел, значит, пока он сам с матерью ушел на конец комнаты разговаривать, где портрет Ленина висел. Когда они вернулись, Сталин мне заявляет: «Ты, махновский бандит, долго еще будешь драться по улицам? — А затем, поворачиваясь к матери: — Почему ты его упустила?! Что ты прячешься за свою работу? Вот твоя работа!» И на меня указывает. Мать сидела как мышка, пока меня Сталин отчитывал.

«Все, с завтрашнего числа едешь в «Артек» на две смены. Дадут тебе красное знамя — будешь носить его на всех выходах, оправдай». Провожая, он по одной щеке вот так меня погладил, а по другой — вот так похлопал. Ну, думаю я, значит, мое дело еще не совсем гиблое…

По глобусу Хрущева

— Ну что, объяснил я тебе про свое знакомство со Сталиным? Давай по делу…

Это все вранье, что якобы из-за так называемых массовых репрессий наши Вооруженные силы остались без командования. Говорят, что 40 тысяч командиров были расстреляны к 41-му, и именно поэтому немцы дошли до Москвы.

На самом деле они были не расстреляны — уволены, а после январского пленума 39-го года 18 тысяч из них вернули обратно.

Еще один миф, что Советский Союз выиграл войну, потому что ему помогали Соединенные Штаты и Англия. И самая главная неправда — что Сталин не был великим полководцем, что он воевал по глобусу, как ляпнул Хрущ…

— Кто, простите?

— Хрущев. Этот враг народа… Принимал меня после смерти Сталина четыре с половиной часа. Его интересовало: знаю ли я, где находятся сталинские архивы? На что я ответил, что не архивариус и такие вещи мне неведомы. Я убежден, что он был настоящий вредитель. Хотя меня он и опасался. Когда председатель КГБ Шелепин на меня справку сочинил, Хрущев его тут же продал: «Это, — говорит, — не я — это Железный Шурик. А лично я вас люблю и уважаю». Но сам Хрущ разложил партию, отменил диктатуру пролетариата, завалил травопольную систему Вильямса… А Сталин — это гений, какого земля больше не рождала. В Гражданскую Ленин посылал его на самые ответственные операции: Царицын — Сталин, Колчак — Сталин, Юденич — тоже Сталин… Где Жуков эскадроном командовал, Сталин командовал фронтами. В Отечественную он выезжал на самые трудные участки, изучал на месте топографическую карту предстоящего боя и давал указания, как строить оборону. И в 41-м году — тоже. Он лично смотрел, как рассредоточились 19-я, 20-я и 22-я армии, проверил, как укрепляется Можайская линия. После этой инспекционной поездки было дополнительно направлено на фронт шесть стрелковых дивизий, шесть танковых бригад и десять артиллерийских полков. Вот вам и личное участие Сталина в обороне Москвы.

Спрашивали у Василевского: «Выезжал ли Сталин на фронт?» Он говорит: «Не знаю…» А я знаю из его документов, что Сталин был на всех фронтах. Мне они попадались в больших папках-скоросшивателях, отпечатанные на машинках. Так что не надо мне говорить, кто войну выиграл.

— Но в самый страшный и безысходный момент, 22 июня 41-го

года, весть о нападении фашистской Германии все же зачитал Вячеслав Молотов…

— Потому что у Сталина началась ангина. Температура 40. Он говорить не мог. Это его самое слабое место — горло. В 48-м, когда на финской границе мы английского резидента брали, я тоже сильно простудился и свалился в горячке. И вождь просидел у моей постели целую ночь.

А врачи Четвертого управления и охрана его в передней топтались, не смея войти. Я ему объясняю: «Товарищ Сталин, нельзя вам тут быть, у вас горло». — «Опять поучаешь?.. Я сам знаю, где мне быть и что делать». Вот такой он был — Чингисхан! А все остальные, кто вокруг, — букашки. Жуков — у того вообще военного образования не было, он краткосрочные трехмесячные курсы кончал.

— *Вы и Жукова не любите?*

— Я таких коммунистов не знаю. Был у него после Победы секретный обыск на даче, где обнаружили, кажется, шестнадцать норковых шуб, вывезенных из Германии. И еще четыре тысячи метров всякого барахла типа панбархата, сорок редких гобеленов. МГБ этим занималось по приказу товарища Сталина.

— *Представляю, что вы скажете про Берию…*

— Ничего не скажу: жалкая тварь, сифилитик. Его размазали по стенке, как комара, бывшие же друзья-товарищи, но в войну он сыграл великую роль. Авиация, металлургия — это все Берия. Поэтому ему Сталин и маршала дал, хотя я в принципе был против. И еще одну сказочку развенчаю — по поводу того, что он женщин к себе в особняк насильно отвозил. Ничего подобного: все они — и школьницы, и дамы — ехали к нему по доброй воле и в твердой памяти. И сами с ним там оставались — вот это правда.

Экспонат из охраны

— Воевать я начал в 17 лет. До войны учился в аэроклубе, и одна из маминых пациенток была женой начальника этого аэроклуба. В 14 лет начал с планеров летать, и он мне дал «медвежью программу»: там, где по норме положен был новичку один полет, мне — сразу двадцать.

На фронт я попал несовершеннолетним по личному указанию Сталина; меня в «первоначалку» не взяли, потому что учить меня было нечему — я и так летал лучше всех. Василий Сталин был истребитель, а я — бомбардировщик. Пикирующий бомбардировщик. В 44-м году меня с Малой земли выдернули, после осколочного ранения, и вызвали в Кремль, где учили по индивидуальной программе лучшие наши работники. У меня в друзьях была Аэлита, полковник госбезопасности; в сталинской охране она проработала семь лет. Она еще жива, кстати. Красавица писаная, прелестное создание — я когда ее первый раз увидел в 47-м году, в Зеленой Роще в Сочи, то поразился, что такие женщины существуют на свете. А Саша Джуга еще пошутил: «О, какие экспонаты тут водятся!»

В 22 года, в 48-м, я был назначен начальником аналитической службы сталинской контрразведки. Я был генерал-майором — не по заслугам, а по должности. У меня 11 генералов находилось в подчинении. Сталин мне полностью доверял. Первые три месяца присматривался, а потом подписывал после меня документы не читая. Однажды был такой момент: я сидел и работал, а Сталин зашел. Он говорит: «Ты пиши, а я здесь побуду». Два часа провел рядом, молчал, потом похлопал меня по спине и ушел. Акцент у него был сильный. Вот такой примерно… *(Показывает.)* Похож?

— *Похож.*

— Профессор Воскресенская сказала, что отличить мою речь от сталинской невозможно. Потом, у меня же одинаковый с ним почерк. Вещи удивительные происходят. Их ничем, кроме мистики, не объяснишь. Внешне мы в молодости были одно лицо с Васей Сталиным. С ним нас свел Джуга. Отца Василий страшно боялся, за него и пострадал. После смерти Сталина он плакал: «Мне не жить…» И точно: сразу эти сволочи его посадили. Отыгрались на сыне. Я Хрущеву в личной беседе заявил: «Зачем вы так? Ведь у вас тоже дети имеются. Не ровен час, жизнь — такая сложная штука…» Но он его и выпустил из тюрьмы — через год после этого разговора где-то.

— *А Яков Джугашвили с Василием Сталиным — разные?*

— Вася был хороший человек, добрый, душевный, особенно как выпьет. А Яков — дерьмо. Это не просто так, что Сталин за сына не переживал, когда тот в плену сгинул; была ситуация, после которой я могу сказать, что Якова можно лишь презирать. Но в чем его вина — я рассказывать не стану. И вам настоятельно советую больше меня не перебивать…

И последняя ложь, что мы совершенно не были готовы к отражению гитлеровской агрессии, что по вине Сталина немцы дошли до Москвы, что, несмотря на все донесения разведки, наши границы в июне 41-го были открыты настежь. Это не так.

К началу войны советские Вооруженные силы имели мощного противника, на которого работала вся порабощенная Европа.

СССР же еще не закончил перевооружение своих сил. И если бы мы выставили наши новые танки под Брестом, то к моменту столкновения под Москвой от них бы ничего бы не осталось. А так, после крушения замысла блицкрига, именно немцы подошли к нашей столице с истрепанной в боях техникой.

Сталин все предусмотрел. На два месяца он сохранил танки и большую часть армии. Вместо того чтобы через две недели штурмовать Москву, немцы были вынуждены вести изнурительные бои в районах Минска, Киева.

А главные сражения Великой Отечественной — Сталинградская битва, Курская дуга — произошли уже тогда, когда технически мы смогли совершить прорыв.

В конце войны гитлеровцы имели против наших 14 тысяч — свои 2 тысячи самолетов; у нас было 11 тысяч танков, а у них — четыре.

Газета «Шварцкопф» тогда писала: «Как будто какой-то невидимый волшебник лепит из уральской глины в любом количестве советских солдат и вооружение»…»

Смерть Чингисхана

— 9 мая я встретил в Москве. К сожалению, это был первый раз в жизни, когда я выпил. В войну я курил только. Был такой табак «Золотое руно», у нас на пикировщиках была прекрасная кормежка, а за то, что я трезвенник, мне вручали лишнюю пачку курева.

Полтора месяца спустя, на Параде Победы, я выпил второй раз: все промокли, потому что пошел дождь, и Саша Джуга меня уговорил глотнуть коньячку. Они налили мне тонкий стакан — и все, больше ничего не помню. Приехал домой — мать говорит: «Ты — сумасшедший».

— *Есть мнение, что разведчики много пьют и не пьянеют. Вы же разведчик, то есть контрразведкой руководили.*.

— Руководил Сталин. Я при сем присутствовал и выполнял его указания. Неплохо выполнял, как говорят. Мы так работали, что нас никто не знал. Есть МГБ, ГРУ, но о существовании нашего аналитического отдела мало кто ведал. Мы должны были подготавливать товарищу Сталину докладные записки о произошедшем в мире и в стране. Жил я не в Кремле. На дачу к Сталину являлся загримированным под монаха, и комендант дачи Орлов докладывал, что приехал монах с Нового Афона — лечить вождя. Являлся я к нему раз в десять дней.

— *Это уже чересчур…*

— Он стал очень подозрительным последнее время. Инсульт сказался на самочувствии. У него с головой что-то началось. Последние полгода мы не общались, потому что у нас возникли разные взгляды на то, что в стране тогда происходило, — на дело космополитов мы по-разному смотрели, к примеру. Я считал, что все наветы специально идут с Запада, чтобы развалить страну, что нельзя в каждом видеть врага, я был против еврейского дела. Но он даже и слушать меня не стал. Потом, незадолго до смерти, позвонил: «Скоро я тебя вызову. У меня на тебя виды». И все.

— *Владимир Михайлович, вы верите в то, что Сталина отравили?*

— Нет. Это невозможно. Потому что некому. Просто побоялись войти, когда он упал. По инструкции, существовавшей в охране, никто без его разрешения в его апартаменты заглянуть не мог. На всех стенах были звонки — вот позвонит, тогда можно. Одна только уборщица Матрена Бутусова пользовалась его безграничным доверием и могла с тряпкой ходить где угодно.

Лозгачев, заместитель коменданта Ближней дачи, и Старостин оставили мне свои докладные записки о случившемся.

Они до хрипоты спорили о том, кому туда идти, — как смертники. Хотя уже знали, что он там лежит без помощи и без движения. Но это сейчас все распускают языки, что надо делать и как, а тогда Сталин был Чингисханом, ребятки, — при одном его виде все падали. И они войти не рискнули.

— *И все-таки его любили…*

— Любили. Но и боялись. И то и другое было искренним и от всего сердца. Я в своей жизни два раза только переживал. Когда умерла моя мама и когда не стало товарища Сталина. Такой жесткий у меня характер. Видимо, генетика.

Шашлык по-сталински

Писатель Жухрай ведет меня в кухню, где мясо кипит на плите. Мясо — по рецепту кремлевского повара. С перцем, томатом и травами. Жухрай говорит, что этот самый повар когда-то предрекал ему шикарную ресторанную карьеру. Но какие уж тут рестораны, когда Родина в опасности.

— Извините, Танечка, что я вас немного эксплуатирую, — пододвиньте мне этот стул, пожалуйста, у меня радикулит страшнейший разыгрался…

— *Я — Катя.*

— Ах да, Катенька. Так на чем мы остановились? Я во всех академиях свои лекции о войне прочитал, там потолки падали. Так мне офицеры аплодировали. Потому что время пришло. Нельзя было допускать, чтобы Союз развалился, и нельзя было допускать, чтобы все границы стали нараспашку, чтобы люди что хотели, то и творили. Надо, надо восстанавливать старые порядки. Я думаю, что это время еще наступит. Если бы Сталин тогда не умер — все бы по-другому пошло. Я знаю, какие у него были планы. На меня и на Джугу. Он преемника себе воспитывал. Настоящего, а не как эти… Кто потом его на съезде охаживал. Суки и перерожденцы. Не успел.

— *А что Джуга?*

— Когда Сталина не стало, он исчез. Поговаривали, что уехал к Энверу Ходже в Албанию. Году в 68-м я его видел — он приезжал в Москву, у него умерла любимая жена, Лариса-Лилиан. Он вывез ее за границу еще до 53го. Такая красавица! Но после ее ухода он совсем потерялся, уговаривал меня, что надо делать революцию, иначе этот бардак не закончится…

— *А вы?*

— А что я? У меня другая жизнь. И я его методы не приемлю. Кто же знал, как все потом обернется… Я ведь был консультантом у Брежнева — зачем он меня взял, не знаю — по политическим вопросам, на общественных началах; деньги я у него не получал, но на пайке кремлевском находился, путевки мне давали, машину. Книги у меня регулярно выходили. Лет сорок я уже пишу. Псевдоним себе взял — по фамилии комиссара Жухрая из «Как закалялась сталь». Самая первая — «Владимир Ильич Ленин — вождь Великого Октября». Она была издана 100-тысячным тиражом. Я — обычный человек, профессор, член Союза писателей. Других чинов мне не надо!

… После порции мяса писатель Жухрай подобрел. Он уже не требовал, чтобы я не разгибаясь писала под его диктовку. С

удовлетворением выслушал, что по итогам соцопроса среди российской молодежи, проведенного в марте 2008-го к 55-летию со дня смерти Иосифа Сталина, выяснилось, что наши мальчики и девочки в отличие от поколения их пап и мам Отца народов очень даже уважают и считают едва ли не величайшим деятелем XX века…

Я все же решилась задать ему самый главный вопрос:

— Владимир Михайлович, но почему вы так похожи на Сталина? Вы — его сын?

— Я не буду ничего объяснять. Для меня это было бы счастьем. Но сам Сталин мне ни разу ни о чем подобном не говорил. Только однажды, когда мой отчим, Мироненко, который меня воспитывал, председатель лечкомиссии ЦК, попал в переделку и под трибунал, я пришел к Сталину. А я тогда не знал, что Мироненко мне не родной. «Как же так, — говорю, — он мой отец!» — «Он тебе не отец!» — ответил вождь. «А кто мой отец?» — «Посмотри в зеркало».

ЛИЧНАЯ СПЕСЛУЖБА СТАЛИНА

Дела авиаторов и моряков

Однажды Сталин пожаловался полковнику Джуге, что он, больной и старый человек, которому давно пора отойти от дел, вынужден распутывать всевозможные интриги, бороться с изменниками, очковтирателями, карьеристами и казнокрадами.

Огорчения Сталина начались с дела авиаторов.

В 1946 году к Сталину из Главного Управления контрразведки «Смерш» поступили сведения о многочисленных катастрофах самолетов и гибели летчиков в авиационных частях. Сообщение было более чем неприятное для него, который всегда лично интересовался развитием авиационной промышленности, качеством выпускаемых самолетов и моторов.

Через неделю после вручения сообщения о вредительстве авиаторов заместитель наркома обороны, начальник Главного Управления контрразведки «Смерш» генерал-полковник Абакумов в кремлевском кабинете Сталина докладывал ему о результатах расследования по этому делу.

— Установлено, — говорил Абакумов, — что на протяжении войны руководители Народного Комиссариата авиационной промышленности выпускали и, по сговору с командованием Военно-Воздушных Сил, протаскивали на вооружение Красной Армии самолеты и моторы с большим браком или серьезными конструктивно-производственными недоделками.

В результате в строевых частях ВВС происходило большое количество аварий и катастроф, гибли летчики, а на аэродромах в ожидании ремонта скапливались крупные партии самолетов, часть из которых приходила в негодность и подлежала списанию.

С ноября 1942 года по февраль 1946 года в частях и учебных заведениях Военно-Воздушных Сил по причине недоброкачественной материальной части имело место более сорока пяти тысяч невыходов самолетов на боевые задания, семьсот пятьдесят шесть аварий и триста пять катастроф.

Нарком Шахурин и другие работники наркомата в погоне за цифровыми показателями по выполнению плана систематически нарушали решения правительства о выпуске качественной продукции, запускали в серийное производство самолеты и моторы, имевшие крупные конструктивные недоделки.

По вине Шахурина также запускали в серийное производство самолеты и моторы, не прошедшие государственных и войсковых испытаний. Ответственные работники ЦК ВКП(б) Будников и Григорян, отвечавшие за авиационную промышленность, знали об этом, однако никаких мер, товарищ Сталин, к прекращению этой

антигосударственной практики не принимали и в ряде случаев помогали Шахурину протаскивать бракованные самолеты и моторы на вооружение Военно-Воздушных Сил.

По соглашению с Шахуриным Главнокомандующий ВВС главный маршал авиации Новиков, стремясь быстрее пополнить большие потери боевой техники в авиационных частях, принимал на вооружение бракованную технику. Прошу вашего разрешения, товарищ Сталин, на арест Шахурина, Новикова и их соучастников, — закончил доклад Абакумов.

Сталин, как всегда, молча слушал докладчика: умение слушать и быстро улавливать главное — было одной из самых сильных сторон Сталина. Прохаживаясь по ковровой дорожке, он спросил:

— Вы считаете Шахурина и Новикова вредителями?

— Скорее карьеристами, товарищ Сталин, впрочем, это одно и то же, — ответил Абакумов.

По делу авиаторов были арестованы: народный комиссар авиационной промышленности генерал-полковник инженерно-авиационной службы Шахурин, командующий ВВС Красной Армии главный маршал авиации Новиков, заместитель командующего ВВС, главный инженер ВВС генерал-полковник инженерно-авиационной службы Репин, член Военного Совета ВВС генерал-полковник Шиманов, начальник Главного Управления заказов ВВС генерал-лейтенант инженерно-авиационной службы Селезнев, начальники отделов Управления кадров ЦК ВКП(б) Будников и Григорян.

В первых числах мая 1946 г., незадолго до Дня Победы, Абакумов доложил Сталину выдержки из показаний арестованных, полученные в ходе следствия. Сталин внимательно читал показания Шахурина, Новикова, Шиманова, Репина, Селезнева, Будникова и Григоряна.

> *Шахурин:* «Я признаю, что антигосударственная практика поставок Военно-Воздушным Силам дефектных самолетов и моторов действительно существовала. Она приводила к тому, что в серийное производство запускались самолеты и моторы с серьезными конструкторскими недоделками, которые при массовом выпуске продукции устранить не удавалось, вследствие чего процент поставок ВВС дефектной материальной части увеличивался».

Новиков: «Между мной и Шахуриным существовала семейственность и круговая порука.

Шахурин неоднократно сговаривался со мной о том, чтобы я

принимал от него бракованные самолеты и моторы, и эти просьбы Шахурина я в большинстве случаев удовлетворял».

> *Репин:* «Я не только не вел должной борьбы за высокое качество поставляемой Народным Комиссариатом авиационной промышленности самолетов и моторов, но в силу существовавшей в руководстве Военно-Воздушных Сил и Народном Комиссариате авиационной промышленности круговой поруки, семейственности и моих близких отношений с Шахуриным, способствовал последнему протаскивать на вооружение ВВС бракованную авиационную технику».

Прочитав показания Репина, Сталин спросил:

— Как конкретно Репин помогал Шахурину протаскивать бракованную технику?

— Репин, товарищ Сталин, будучи заместителем командующего ВВС и главным инженером ВВС, еще занимал и пост начальника научно-испытательного института ВВС и, используя эту свою должность, преступно проводил государственные испытания новых образцов самолетов.

Сталин недовольно посмотрел на Абакумова:

— Нельзя ли без общих слов? Я хочу знать, в чем конкретно выражались преступные действия Репина!

— Репин, товарищ Сталин, принимал на государственные испытания новые образцы самолетов без статистических испытаний, то есть без предварительной проверки данных образцов. Некоторые самолеты, из-за имевшихся в них серьезных конструктивных недоделок, фактически государственных испытаний не выдерживали, однако научно-испытательный институт ВВС давал заключения о запуске этих самолетов в серийное производство при условии устранения выявленных испытателями дефектов.

В результате в ходе серийного производства в конструкцию самолетов вносились многие изменения, и, несмотря на это, оставаясь недоработанными, самолеты поступали на вооружение ВВС.

Сталин продолжил читать показания арестованных.

> *Селезнев:* «В практике совместной работы между руководством Военно-Воздушных Сил и Народным Комиссариатом авиационной промышленности создалась атмосфера круговой поруки. Именно в этих условиях родилась антигосударственная практика, при которой Шахурин выпускал недостаточно качественные

самолеты, а руководители ВВС в лице Новикова, Шиманова и особенно Репина и меня протаскивали бракованную продукцию авиационной промышленности на вооружение ВВС».

Прочитав выдержку из показаний Селезнева, Сталин встал и некоторое время в задумчивости ходил по кабинету.

Абакумов, затаив дыхание, пытался уловить реакцию вождя на представленные материалы.

Но, как всегда, лицо Сталина было непроницаемо. Остановившись против Абакумова и смотря, как обычно, своим пронзительным горящим взглядом в глаза собеседнику, он проговорил:

— Если поверить генералу Селезневу, а он известный специалист в области авиастроения, то непонятно, как мы победили немцев и почему наши самолеты были лучшими в мире. Если поверить его показаниям, то подавляющая часть нашей боевой авиации должна была погибнуть еще до вступления в бой с немецко-фашистской авиацией.

Сталин помолчал, после чего добавил:

— По-видимому, в ходе ведения следствия проглядывается явное преувеличение вины обвиняемых. Часть выпускаемой Шахуриным и принятой Новиковым авиационной продукции действительно, вероятно, была бракованной. Основная же часть ее во время войны была великолепной. И в этом я вижу большую личную заслугу обвиняемых. Поэтому предавать их военному суду считаю пока преждевременным. Еще раз тщательно перепроверьте все материалы: нет ли здесь натяжек, не желают ли выслужиться на громком деле следователи? Я хотел бы познакомиться с конкретными фактами карьеристско-вредительской деятельности обвиняемых.

В расстроенных чувствах Абакумов покинул Кремль.

Через несколько дней он снова был в кабинете Сталина в Кремле, вооружившись теперь более основательно.

— Вы приказали, товарищ Сталин, доложить о конкретных фактах антигосударственной деятельности по делу Шахурина и других. Вот некоторые, наиболее характерные из них, — начал свой доклад Абакумов. — В годы Великой Отечественной войны Шахурин и компания протащили трижды не выдержавший государственные испытания истребитель «Як-9у» с мотором «ВК-107а». Самолет был заявлен Шахуриным только по результатам заводского испытания опытного образца. При этом Шахурин сообщил правительству, что самолет «Як-9у» выдержал испытания и показал скорость 680 км в час, тогда как первые 16

самолетов, выпущенных заводом № 61, оказались совершенно непригодными к боевому использованию в авиации.

Зная, что Сталин хорошо разбирается в авиастроении, Абакумов подготовил сообщение о конкретных технических недостатках самолета «Як-9у».

— Самолет имел следующие недостатки: крылу не хватало прочности, что неизбежно влекло к авариям и катастрофам; не имел пылефильтров, что приводило к преждевременному износу и выходу мотора из строя; не был оснащен радиомачтой, из-за чего почти вдвое уменьшался радиус действия связи; плохо вентилировалась кабина летчика, что приводило к повышению в ней температуры до 45° и затрудняло работу летного состава. Кроме того, самолет не давал заданной правительством скорости.

Будников и Григорян, зная об этом, не приняли мер к прекращению выпуска этих самолетов и скрывали от правительства преступные действия Шахурина. Скрывали от наркома обороны истинное положение с этим самолетом.

В 1944 г. Шиманов и Селезнев выезжали на завод № 301, где военпредом было забраковано около 100 самолетов «Як-9у», и распорядились продолжать приемку самолетов с рядом недоделок. В воинские части было направлено около 4000 таких бракованных самолетов. На 2267 самолетах «Як-9у», поступивших в ВВС, из-за конструктивных и производственных недоделок были запрещены полеты. Допрошенный в качестве свидетеля начальник отдела технической эксплуатации 2-й воздушной армии инженер-подполковник Гребенников Н. Б. показал: «За период с апреля 1945 г. по март месяц с. г. включительно в частях 2-й воздушной армии эксплуатировались 113 самолетов «Як-9у» с мотором «ВК-107а». При эксплуатации из-за конструктивных недоработок и производственных дефектов имели по самолету — 179 случаев дефектов и отказов, из которых 170 случаев привели к невыходу в полет и 2 случая к поломке самолетов, по мотору — 31 случай дефектов и отказов, которые привели к двум авариям самолетов, преждевременной съемке 21 мотора, 8 невыходам в полет».

В 1943 г. Шахурин запустил в серийное производство с крупными недоделками самолет «Як-3» с мотором «ВК-105 ПФ», который не проходил войсковых испытаний, а также не был испытан на прочность, вследствие чего в частях ВВС, вооруженных самолетами «Як-3», происходили аварии и катастрофы с человеческими жертвами.

Инженер-подполковник Жуков, начальник отдела эксплуатации и войскового ремонта 16-й воздушной армии, показал: «Крупными дефектами конструктивно-производственного порядка на самолетах «Як-3» явилось

отставание верхней обшивки крыла. Подобные дефекты имели место на 40 % самолетов, имевшихся на вооружении в частях. Наличие таких дефектов у самолетов приводило к вскрытию обшивки в воздухе и неизбежно, в таких случаях, к аварии, поломкам, вынужденным посадкам и в ряде случаев катастрофам».

То же показал другой свидетель, инженер-майор 278-й истребительно-авиационной дивизии Сальников.

В 1945 г. полеты на самолетах «Як-3» были запрещены.

В конце 1945 г. Шахурин обратился к Новикову с предложением принять на вооружение ВВС изготовленные авиационным заводом № 31 около 100 дефектных металлических самолетов «Як-3» с мотором «ВК-107». Новиков приказал принять 40 таких дефектных самолетов, из которых 28 поступило в авиационные части.

На находившихся на вооружении ВВС самолетах «Ил-2» в 1942–1943 гг. была обнаружена непрочность обшивки крыльев из-за нарушения авиационной промышленностью технологии процесса производства. Кроме этого, была выявлена недостаточная прочность стыковых узлов крыльев самолета, в результате чего в частях ВВС при эксплуатации самолетов «Ил-2» были случаи, когда в воздухе у самолетов этого типа отваливались крылья и происходили катастрофы, сопровождавшиеся гибелью экипажей. Свидетель — заместитель главного инженера 15-й воздушной армии, инженер-подполковник Бодров показал: «Июнь — июль 1943 г. — в период подготовки нашего наступления, имел место массовый выход шасси самолетов «Ил-2» по причине течи гидросмеси из амортизационных стоек и трещин в стыковых гребенках. Для устранения этих дефектов были вызваны бригады с материалами и самолеты отремонтированы. Если бы вовремя это не было бы вскрыто и устранено, то в период нашего наступления армия оказалась бы, по существу, без штурмовой авиации».

Другой свидетель — начальник 7-го отдела Управления формирований и боевой подготовки ВВС полковник Мельников — показал: «Самолет-штурмовик «Ил-2» поступил на вооружение в 1941 году. За время его эксплуатации только в строевых частях произошло 485 катастроф и аварий. И на этом типе самолета аварийность из-за конструктивно-производственных дефектов из года в год возрастала. Если в 1941 г. было 8 случаев катастроф и аварий, то в 1942 г. — 74 случая, в 1943 г. — 147 случаев, в 1944 г. — 133 случая, и в 1945 г. — 123 случая».

— Я направил вам, — сказал Абакумов, — через товарища Поскребышева собственноручно написанные на ваше имя

Шахуриным, Новиковым и Шимановым письма, в которых они полностью признаются в совершенных преступлениях и просят о помиловании.

— Я прочитал их письма, — задумчиво проговорил Сталин. — Получается, что они действительно виноваты. Хорошо. Направляйте дело в Военную Коллегию Верховного Суда. Но передайте Ульриху, что наказание их, учитывая заслуги подсудимых в войне, должно быть, по возможности, минимальным. — Помолчав, он добавил: — Можно было бы, конечно, их помиловать, но по вине этих людей погибли наши боевые летчики — молодые люди. А вот этого прощать нельзя. У вас есть еще что доложить?

Осторожно бросив исподлобья испытующий взгляд на Сталина, Абакумов продолжил свой доклад:

— Маршал авиации Новиков в ходе следствия обращается к вам с собственноручно написанным письмом, в котором утверждает, что всю войну он и Жуков вели антисоветские разговоры, в которых в похабной форме критиковали действия Советского правительства.

Якобы Жуков заявлял: «Сталин завидует моей славе. Не забыл мою способность в первые месяцы войны резко возражать ему и спорить с ним, к чему он не привык». Жуков лживо заявляет, что все основные планы военных операций во время Великой Отечественной войны разработаны им, Жуковым, а Сталин как был штафиркой,[2] так им и остался. Новиков утверждает, что это не только беспардонная и лживая болтовня, но что Жуков может возглавить военный заговор. Это подтверждает и арестованный органами государственной безопасности близкий к Жукову генерал-лейтенант Крюков, заявивший во время допроса, что Жуков имеет бонапартистские наклонности.

В кабинете Сталина воцарилось молчание. Сталин задумался. Он отчетливо вспомнил безобразную выходку, которую по отношению к нему, Верховному Главнокомандующему, допустил Жуков во время наступления немецко-фашистских войск на Москву в 1941 году.

Вот как вспоминает этот эпизод Кузьмин, майор в отставке, офицер для поручений у Жукова: «4 декабря 1941 года Жуков проводил совещание в бомбоубежище штаба с командующими армиями фронта, ставил задачи перед комсоставом на период контрнаступления.

В это время позвонил Сталин. Жуков находился в напряжении. Во время разговора со Сталиным у Жукова лицо стало покрываться пятнами и заходили на щеках желваки. Это уже было не к добру и предвещало ссору.

Выслушав Сталина, Жуков отпарировал: «Передо мной 4 армии противника и свой фронт. Мне лучше знать, как поступить. Вы там в Кремле можете расставлять оловянных солдатиков и устраивать сражения, а мне некогда этим заниматься». Верховный, видимо, что-то возразил Жукову, который потерял самообладание и выпустил обойму площадной брани, а затем бросил трубку на рычаг. Сталин после этого не звонил сутки».[3]

Тогда Сталин проявил поистине государственную мудрость в интересах страны: не снял Жукова с должности и не расстрелял его за такой недопустимый по военным законам ответ Верховному Главнокомандующему. Более того, впоследствии прославил его на весь мир, сделав трижды Героем Советского Союза.

Неожиданно Абакумов попросил:

— Разрешите мне, товарищ Сталин, арестовать маршала Жукова. Я смогу доказать, что он агент иностранной разведки.

— Вы что, лишились разума, генерал? — удивленно вскинул брови Сталин. — Какой еще шпион? Жуков — малограмотный в политическом отношении человек, плохой коммунист, во многом даже просто хам, плохо воспитанный человек, большой зазнайка, но никакой он не шпион. Это бред сумасшедшего. Я провел с Жуковым всю войну и хорошо к нему присмотрелся.

— Но тогда почему, — осмелился возразить Абакумов, — Жуков так трогательно обнимался с нашими теперешними злейшими врагами, такими, как английский фельдмаршал Монтгомери и генерал Эйзенхауэр, уже превратившийся из командующего американскими вооруженными силами в президента США и заявляющий, что всерьез думает о войне с Россией? Что у коммуниста Жукова общего с этими лицами? Вот посмотрите, пожалуйста, товарищ Сталин, на фотографии из альбома, изъятого нами во время секретного обыска на квартире Жукова на улице Грановского, где он снят с английскими и американскими деятелями.

Взяв из рук Абакумова альбом с фотографиями, Сталин начал их внимательно рассматривать. Действительно, создавалось впечатление, что Жуков на них в кругу близких друзей. Возвращая альбом Абакумову, Сталин, не объясняя причин своего решения, приказал:

— Арестовывать Жукова категорически запрещаю. Наблюдение и изучение его связей продолжайте. Письмо Новикова с вами?

Получив утвердительный ответ, Сталин сказал:

— Оставьте его мне.

Оставшись один, Сталин внимательно прочитал письмо

Новикова и, достав из ящика письменного стола папку с надписью «Жалобы», начал читать письма на его имя маршалов и высокопоставленных генералов, жаловавшихся Сталину на безобразные выходки его заместителя, маршала Советского Союза Георгия Жукова. В письмах утверждалось, что Жуков настолько зазнался, что окончательно потерял над собой всякий контроль. Впадая в гнев, без причины срывает погоны с генералов, унижает их человеческое достоинство самой безобразной в их адрес матерщиной, обзывает оскорбительными кличками и даже в ряде случаев дошел до рукоприкладства. Авторы писем утверждали, что работать с Жуковым стало невозможно.

Окончив читать письма, Сталин позвонил полковнику Джуге и приказал:

— Займись повнимательней Жуковым. Посмотри, не задумал ли Абакумов поссорить нас с руководством вооруженных сил.

Через неделю Сталин получил следующее сообщение.

«Сов. секретно.
Только для товарища Иванова.

Арестованный органами государственной безопасности бывший главный маршал авиации А. Новиков признался, что вместе с Жуковым состоял в антиправительственном заговоре.

В частности, в заявлении на имя товарища Сталина Новиков пишет:

«Я счел необходимым в своем заявлении на Ваше имя рассказать о своей связи с Жуковым, взаимоотношениях и политически вредных разговорах с ним, которые мы вели в период войны и до последнего времени».

Такого рода разговоры между Жуковым и Новиковым действительно велись. В то же время Жуков заявляет: «Я никогда не желал государственной власти. Я военный, в армии — мое прямое дело».

Арестованный органами государственной безопасности генерал-лейтенант Крюков также показал, что вместе с Жуковым участвовал в антиправительственном заговоре, а также о присвоении Жуковым в больших количествах трофейного имущества.

Что касается показаний Новикова и Крюкова, то они верны лишь в деле присвоения немецкого трофейного имущества. Показания же их об участии вместе с ними Жукова в антиправительственном заговоре результат карьеристских ухищрении Абакумова, запугивания и активных допросов.

В настоящее время Министерство государственной безопасности активно работает по разработке дел, связанных с «заговором Жукова». Всего по этому делу проходит 75 человек. К апрелю 1946 года все они за хозяйственные преступления (в основном присвоение трофейного немецкого имущества) арестованы. В беседах со своими близкими маршал Малиновский говорит: «Жуков еще себя покажет. Он всех возьмет за горло».

С 1942 года в доме по улице Грановского, 3, под видом ремонта отопительной системы, в квартирах, которые занимают Жуков, Тимошенко и Буденный, установлена аппаратура подслушивания. Жуков ожидает ареста и даже держит наготове чемоданчик с бельем. Полагал бы Жукова с должности заместителя министра обороны сместить и направить командующим одного из военных округов. Учитывая его заслуги в Великой Отечественной войне, не арестовывать и к уголовной ответственности не привлекать. Жуков находится под моим постоянным негласным наблюдением.

А. Джуга».

В Кремле состоялось расширенное заседание Политбюро, на которое были приглашены все маршалы. Открывая заседание, Сталин сказал, что к нему поступило много жалоб на Жукова, который унижает человеческое достоинство подчиненных. «В то же время Жуков так зазнался, что заявляет: все важные операции Великой Отечественной войны разработаны, якобы, им одним лично. В то время как присутствовавшим хорошо известно, что они результат коллективного разума Ставки Верховного Главнокомандующего. Поскольку присутствующие здесь маршалы заявляют, что работать с Жуковым не могут, ЦК хотел бы знать их мнение.

Присутствующие резко критиковали Жукова, в то же время просили ЦК учесть большие заслуги его в Великой Отечественной войне. Жуков ничего в свое оправдание сказать не смог и своим молчанием лишний раз подтвердил справедливость критики в свой адрес.

Расширенное заседание Политбюро единодушно поддержало предложение об освобождении Жукова от должности заместителя наркома обороны и направлении его командующим одного из военных округов. Вскоре на Пленуме, проходившем в Свердловском зале Кремля, Жуков был за недопустимое обращение с подчиненными и зазнайство выведен из состава ЦК.

10 и 11 мая 1946 г. Военная Коллегия Верховного Суда СССР

в составе председательствующего, председателя Военной Коллегии Верховного Суда, генерал-полковника юстиции Ульриха и членов: генерал-майора юстиции Дмитриева и полковника юстиции Сольдина, при секретарях — подполковнике юстиции Почиталине и майоре юстиции Мазуре в закрытом судебном заседании рассмотрела дело по обвинению Шахурина, Репина, Селезнева, Новикова, Шиманова, Будникова, Григорьяна.

Входе судебного разбирательства подсудимые свою вину признали полностью.

Шахурин: «Показания в ходе предварительного следствия я полностью подтверждаю. Я совершил приписываемые мне преступления в погоне за выполнением плана и графика, в погоне за количественными данными. Имея сигналы с фронтов Отечественной войны о дефектности наших самолетов, я не ставил в известность Председателя Государственного Комитета Обороны, и в этом самое мое тяжкое преступление. Я признаю, что 800 самолетов оказались совершенно негодными».

Репин: «Фронт требовал самолеты, и дефекты устранялись на месте. А там в результате гибли летчики».

Шиманов: «Бракованных самолетов за время войны было принято около пяти тысяч.

Шахурин создавал видимость, что авиационная промышленность выполняет производственную программу, и получал за это награды.

Вместо того чтобы доложить народному комиссару обороны, что самолеты разваливаются в воздухе, мы сидели на совещаниях и писали графики устранения дефектов на самолетах. Новиков и Репин преследовали лиц, которые сигнализировали о том, что в армию поступают негодные самолеты. Так, например, пострадал полковник Кац».

Селезнев: «Масса моторов выходила из строя. Беру на себя вину, что военпреды сдавали в части формально «годные», а на самом деле дефектные самолеты».

Новиков: «Командовал ВВС с апреля 1942 года по март 1946 г. Порочная система приемки самолетов существовала до меня.

На фронтах ощущался недостаток в самолетах, и это обстоятельство меня вынудило не реагировать на различного рода дефекты. В итоге я запутался. К тому же я не инженер, в силу чего ряд технических вопросов я просто недоучитывал.

Основным преступлением я считаю, что, зная о недостатках в самолетах и что эти недостатки накапливаются, я не доложил Ставке и Наркому обороны и этим самым покрывал антигосударственную практику Шахурина».

Григорьян: «Будучи заведующим отделом ЦК ВКП(б) по

авиационному моторостроению, я знал, что бывший нарком авиационной промышленности Шахурин *в погоне за количественными показателями* (выделено мною. — В. Ж.) выполнял планы выпуска авиационной техники, не обеспечивая ее надлежащего качества, в результате чего авиационная промышленность выпускала значительное количество недоброкачественных самолетов и моторов, имевших серьезные конструктивные недоделки и производственный брак.

Я виноват в том, что, зная, что Шахурин выпускал и поставлял на вооружение ВВС бракованные самолеты и моторы, не принимал мер к пресечению этой деятельности.

Различными поощрениями и подарками поставили меня, как и других работников авиационных отделов ЦК ВКП(б), в зависимое положение. Получил отдельную квартиру, представлялся Шахуриным к награждениям».

Будников: «Получал сигналы, в частности во время подготовки наступления на Орловско-Курском направлении.

Дефекты были скрыты и выявлялись только на фронте.

Шахурин не занимался работой. Он не занимался с директорами. Он не занимался с людьми. Не было борьбы с браком».

Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила: Шахурина — к семи годам тюремного заключения, Репина — к шести годам, Новикова — к пяти годам, Шиманова — к четырем годам, Селезнева — к шести годам, Будникова — к двум годам, Григорьяна — к двум годам.

Был наложен арест на имущество, лично принадлежавшее осужденным. Гражданский иск к ним был определен в сумме 520 031 рубль. По ходатайству Военной Коллегии Верховного Суда СССР Президиум Верховного Совета СССР 20 мая 1946 года лишил Шахурина, Репина, Новикова и Селезнева воинских званий. Осужденные были лишены правительственных наград.

Сталин с приговором Военной Коллегии Верховного Суда СССР и решением Президиума Верховного Совета СССР согласился.

В связи с делом авиаторов был освобожден от должности второго секретаря ЦК ВКП(б) Георгий Маленков и, оставаясь формально заместителем Председателя Совета Министров Союза ССР, направлен Сталиным в длительную командировку на периферию. Вторым секретарем ЦК ВКП(б) стал ААЖданов.

До конца 1947 года Маленков участия в работе ЦК не принимал. Потом Сталин вернул его снова в Москву, вопреки протесту против этого решения Джуги, ставшего к этому времени генералом. На неоднократных докладах Сталину Джуга не

называл Маленкова иначе, как презрительно — Маланья, намекая на его женоподобную внешность, утверждая, что Маленков скрытый, затаившийся антисоветчик и что этот дворянчик себя еще покажет.

Впоследствии, после смерти Сталина, так оно и случилось. Тем не менее в 1948 году Маленков вновь стал секретарем ЦК и возглавил Оргбюро, осуществлявшее кадровую политику, вскоре получил и право подписи за Сталина.

Именно Маленков в 1953 г. на Июльском Пленуме ЦК КПСС начал кампанию о культе личности Сталина, что впоследствии и аукнулось в августе 1991 г., так дорого обошедшемся народам бывшего Советского Союза.

В начале 1947 г. генерал Лавров доложил Сталину: получено сообщение, что во время Великой Отечественной войны руководство Народного Комиссариата ВоенноМорского Флота — адмиралы Кузнецов, Галлер, Алафузов и Степанов без разрешения Государственного Комитета Обороны и Советского правительства передали англичанам секретную документацию на изобретенную в Советском Союзе парашютную торпеду, чем усилили мощь английского военно-морского флота. Об этом же говорилось и в письме, ставшем известным И. В. Сталину, офицера Минно-торпедного управления Министерства Военно-Морского Флота капитана первого ранга Алферова. Сталин приказал тщательно проверить полученную информацию.

Когда факт передачи секретной документации англичанам подтвердился, постановлением Совета Министров СССР, подписанным Сталиным, Кузнецов, Галлер, Алафузов и Степанов были преданы «суду чести».

Министр Государственной безопасности Абакумов, упорно стремившийся в карьеристских целях в конце 1947 г. и начале 1948 г. создать «дело маршалов», решил, что было бы неплохо к утверждениям о существовании военного заговора в стране пристегнуть к имеющимся у него на этот счет «материалам» и «дело моряков». Абакумов начал убеждать Сталина: если он позволит ему арестовать Кузнецова, то он сумеет «доказать», что тот английский шпион. Одновременно Кузнецов обвинялся в недооценке атомных подводных лодок и ракетного вооружения флота.

Но замысел Абакумова испортили начальник личной контрразведки Сталина генерал Лавров и его помощник полковник Джуга, доложившие, что никакого военного заговора в стране не существует, что это бредни министра МГБ. Что Кузнецов никакой не шпион, а просто добродушный растяпа, по халатности разгласивший секретные сведения о парашютной

торпеде. В то же время Джуга доказал — «обвинение» Кузнецова в недооценке атомных подводных лодок и ракетного вооружения флота не соответствует действительности. Джуга показал Сталину выдержки из программы судостроения, представленной Кузнецовым в Правительство, которые подтвердили: постройка атомных подводных лодок и оснащение военноморского флота ракетами предусмотрены.

В результате Кузнецова, Галлера, Алафузова и Степанова судили не за государственную измену, а за допущенную халатность по службе.

Состоявшийся в январе 1948 года «суд чести» принял решение передать их дело, уже как уголовное, в Военную Коллегию Верховного Суда СССР.

2 — 3 февраля 1948 года Военная Коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев дело по обвинению руководителей Министерства Военно-Морского Флота, приговорила Галлера к 4 годам лишения свободы, Алафузова и Степанова — к десяти годам. Кузнецова признали виновным, но, учитывая его большие заслуги, было решено уголовное наказание к нему не применять.

Одновременно Военная Коллегия Верховного Суда СССР постановила ходатайствовать перед Советом Министров Союза ССР о понижении Кузнецова Н. Г. в воинском звании до контр-адмирала.

Летом 1951 года Сталин вновь назначил Н. Г. Кузнецова министром Военно-Морского Флота.

Встреча с творческой интеллигенцией

В 1946 г. Сталину неоднократно докладывали, что представители творческой интеллигенции убедительно просят его принять их для беседы о путях дальнейшего развития советской литературы и искусства. Сталин, до предела перегруженный работой по восстановлению экономики страны, несколько раз откладывал эту встречу. Однако он прекрасно понимал, что развитие литературы и искусства происходит в условиях идейной борьбы против влияния чуждой советским людям буржуазной культуры, против отживших представлений и взглядов, во имя утверждения новых, социалистических идеалов.

Советская разведка работала в высшей степени эффективно, и Сталин точно знал о содержании секретных документов об американской политике в отношении Советского Союза. В них прослеживалась одна из основных мыслей, что к главной цели — уничтожению или серьезному ослаблению СССР — ведут два пути: война и подрывная деятельность. Помимо чисто военных, определялись и другие вполне конкретные задачи: настойчиво добиваться лучшего понимания США среди влиятельных слоев советского общества и противодействовать антиамериканской пропаганде Кремля. В самых широких масштабах, какие потерпит Советское правительство, необходимо доставлять в страну книги, газеты, журналы и кинофильмы, вести радиопередачи на СССР.

Наконец И. В. Сталин выбрал время для встречи. В Малом зале Кремля собрались наиболее видные представители советской творческой интеллигенции. Появление вождя они встретили стоя, долгими аплодисментами.

Остановившись напротив Александра Фадеева, возглавлявшего тогда Союз писателей СССР, он спросил:

— Что хотите мне сказать, товарищ Фадеев?

Справившись с волнением, которое охватывало почти всех без исключения людей при встречах со Сталиным,[4] Фадеев заговорил:

— Товарищ Сталин, мы пришли к вам за советом. Многие считают, что наша литература и искусство как бы зашли в тупик. Мы не знаем, по какому пути их дальше развивать. Сегодня приходишь в один кинотеатр — стреляют, приходишь в другой — стреляют: повсюду идут кинофильмы, в которых герои без конца борются с врагами, где рекой льется человеческая кровь. Везде показывают одни недостатки и трудности. Народ устал от борьбы и крови.

Мы хотим попросить вашего совета — как показывать в

наших произведениях другую жизнь: жизнь будущего, в которой не будет крови и насилия, где не будет тех неимоверных трудностей, которые сегодня переживает наша страна. Одним словом, назрела необходимость рассказать о счастливой и безоблачной нашей будущей жизни.

Фадеев замолчал.

Сталин начал медленно прохаживаться от одного конца стола президиума до другого. Присутствующие, затаив дыхание, ожидали, что же он скажет.

Опять задержавшись около стоящего Фадеева, Сталин заговорил:

— В ваших рассуждениях, товарищ Фадеев, нет главного, нет марксистско-ленинского анализа задач, которые сейчас жизнь выдвигает перед литературными работниками, перед деятелями искусства.

Когда-то Петр I прорубил окно в Европу. Но после 1917 года империалисты основательно заколотили его и долгое время, боясь распространения социализма на их страны, перед Великой Отечественной войной представляли нас миру посредством своих радио, кино, газет и журналов как каких-то северных варваров — убийц с окровавленным ножом в зубах. Так они рисовали диктатуру пролетариата. Наших же людей изображали одетыми в лапти, в рубахах, подпоясанных веревкой и распивающих водку из самовара. И вдруг отсталая «лапотная» Россия, эти пещерные люди-недочеловеки, как нас изображала мировая буржуазия, разгромила наголову две могущественные силы в мире — фашистскую Германию и империалистическую Японию, перед которыми в страхе трепетал весь мир.

Сегодня мир хочет знать, что же это за люди, совершившие такой великий подвиг, спасший человечество.

А спасли человечество простые советские люди, которые без шума и треска, в труднейших условиях осуществили индустриализацию, провели коллективизацию, коренным образом укрепили обороноспособность страны и ценою своих жизней, во главе с коммунистами, разгромили врага. Ведь только за первые шесть месяцев войны на фронтах в боях погибло более 500 тысяч коммунистов, а всего во время войны — более трех миллионов. Это были лучшие из нас, благородные и кристально чистые, самоотверженные и бескорыстные борцы за социализм, за счастье народа. Их нам сейчас так не хватает… Если бы они были живы, многие наши сегодняшние трудности уже были бы позади. Вот сегодняшняя задача нашей творческой советской интеллигенции и состоит в том, чтобы в своих произведениях всесторонне показать этого простого, прекрасного советского

человека, раскрыть и показать лучшие черты его характера. В этом сегодня и состоит генеральная линия в развитии литературы и искусства.

Чем нам дорог литературный герой, созданный в свое время Николаем Островским в книге «Как закалялась сталь» Павел Корчагин?

Он дорог нам прежде всего своей безграничной преданностью революции, народу, делу социализма, своим бескорыстием.

Художественный образ в кино великого летчика нашего времени Валерия Чкалова способствовал воспитанию десятков тысяч бесстрашных советских соколов — летчиков, покрывших себя в годы Великой Отечественной войны неувядаемой славой, а славный герой кинокартины «Парень из нашего города» полковник-танкист Сергей Луконин — сотни тысяч героев-танкистов.

Нужно продолжать эту сложившуюся традицию — создавать таких литературных героев — борцов за коммунизм, на которых советским людям хотелось бы равняться, которым хотелось бы подражать.

Переждав аплодисменты присутствующих, Сталин продолжил:

— У меня перечень вопросов, которые, как мне сказали, интересуют сегодня советскую творческую интеллигенцию. Если не будет возражений, я отвечу на них.

Возгласы из зала: «Очень просим, товарищ Сталин! Ответьте, пожалуйста!»

Сталин зачитал первый вопрос:

— Какие главные недостатки, на Ваш взгляд, имеются в работе современных советских писателей, драматургов и кинорежиссеров?

Сталин: «К сожалению, весьма существенные. В последнее время во многих литературных произведениях отчетливо просматриваются опасные тенденции, навеянные тлетворным влиянием разлагающегося Запада, а также вызванные к жизни подрывной деятельностью иностранных разведок. Все чаще на страницах советских литературных журналов появляются произведения, в которых советские люди — строители коммунизма изображаются в жалкой, карикатурной форме. Высмеивается положительный герой, пропагандируется низкопоклонство перед иностранщиной, восхваляется космополитизм, присущий политическим отбросам общества.

В репертуарах театров советские пьесы вытесняются порочными пьесами зарубежных буржуазных авторов.

В кинофильмах появилось мелкотемье, искажение

героической истории русского народа».

Медленно перебрав лежащие перед ним листки с вопросами, Сталин зачитал следующий вопрос:

— Насколько опасны в идеологическом отношении авангардистское направление в музыке и абстракционизм в произведениях художников и скульпторов?

Сталин: «Сегодня под видом новаторства в музыкальном искусстве пытается пробиться в советской музыке формалистическое направление, а в художественном творчестве — абстрактная живопись. Иногда можно услышать вопрос: «Нужно ли таким великим людям, как большевики-ленинцы, заниматься мелочами — тратить время на критику абстрактной живописи и формалистической музыки. Пусть этим занимаются психиатры».

В такого рода вопросах звучит непонимание роли в идеологических диверсиях против нашей страны и особенно молодежи, которую играют эти явления. Ведь при их помощи пытаются выступать против принципов социалистического реализма в литературе и искусстве. Открыто это сделать невозможно, поэтому выступают под прикрытием. В так называемых абстрактных картинах нет реальных образов людей, которым бы хотелось подражать в борьбе за счастье народа, в борьбе за коммунизм, по пути которых хотелось бы идти. Это изображение заменено абстрактной мистикой, затушевывающей классовую борьбу социализма против капитализма. Сколько людей приходили во время войны вдохновиться на подвиги к памятнику Минину и Пожарскому на Красной площади! А на что может вдохновить груда ржавого железа, выдаваемая «новаторами» от скульптуры за произведение искусства? На что могут вдохновить абстрактные картины художников?

Именно в этом причина того, что современные американские финансовые магнаты, пропагандируя модернизм, платят за такого рода «произведения» баснословные гонорары, которые и не снились великим мастерам реалистического искусства.

Есть классовая подоплека и у так называемой западной популярной музыки, так называемого формалистического направления. Такого рода, с позволения сказать, музыка создается на ритмах, заимствованных у сект «трясунов», «танцы» которых, доводя людей до экстаза, превращают их в неуправляемых животных, способных на самые дикие поступки. Такого рода ритмы создаются при участии психиатров, строятся таким образом, чтобы воздействовать на подкорку мозга, на психику человека. Это своего рода музыкальная наркомания, попав под влияние которой человек уже ни о каких светлых

идеалах думать не может, превращается в скота, его бесполезно призывать к революции, к построению коммунизма. Как видите, музыка тоже воюет.

В 1944 году мне довелось прочитать инструкцию, написанную одним офицером английской разведки, которая была озаглавлена: «Как использовать формалистическую музыку для разложения войск противника»».

— В чем конкретно заключается подрывная деятельность агентуры иностранных разведок в области литературы и искусства?

Сталин: «Говоря о дальнейшем развитии советской литературы и искусства, нельзя не учитывать, что они развиваются в условиях невиданного еще в истории размаха тайной войны, которую сегодня мировые империалистические круги развернули против нашей страны, в том числе в области литературы и искусства. Перед иностранной агентурой в нашей стране поставлена задача проникать в советские органы, ведающие делами культуры, захватывать в свои руки редакции газет и журналов, оказывать решающее воздействие на репертуарную политику театра и кино, на издание художественной литературы. Всячески препятствовать выходу в свет революционных произведений, воспитывающих патриотизм и поднимающих советский народ на коммунистическое строительство, поддерживать и продвигать в свет произведения, в которых проповедуется неверие в победу коммунистического строительства, пропагандируется и восхваляется капиталистический способ производства и буржуазный образ жизни.

В то же время перед иностранной агентурой поставлена задача добиваться в произведениях литературы и искусства пропаганды пессимизма, всякого рода упадничества и морального разложения.

Один ретивый американский сенатор сказал: «Если бы нам удалось показать в большевистской России наши кинофильмы ужасов, мы бы наверняка сорвали им коммунистическое строительство». Недаром Лев Толстой говорил, что литература и искусство — самые сильные формы внушения.

Надо серьезно подумать, кто и что у нас сегодня внушает при помощи литературы и искусства, положить конец идеологическим диверсиям в этой области, до конца пора, по-моему, понять и усвоить, что культура, являясь важной составной частью господствующей в обществе идеологии, всегда классовая и используется для защиты интересов господствующего класса, у нас для защиты интересов трудящихся — государства диктатуры

пролетариата.

Нет искусства ради искусства, нет и не может быть каких-то «свободных», независимых от общества, как бы стоящих над этим обществом художников, писателей, поэтов, драматургов, режиссеров, журналистов. Они просто никому не нужны. Да таких людей и не существует, не может существовать.

Тем же, кто не может или не хочет, в ситу пережитков, традиций старой контрреволюционной буржуазной интеллигенции, в силу неприятия и даже враждебности по отношению к власти рабочего класса преданно служить советскому народу, получат разрешение на выезд на постоянное место жительства за границу. Пусть они там воочию убедятся, что означают на деле утверждения о пресловутой буржуазной «свободе творчества», в обществе, где все продается и покупается, а представители творческой интеллигенции полностью в своем творчестве зависят от денежного мешка финансовых магнатов.

К сожалению, товарищи, из-за острого дефицита времени я вынужден закончить нашу беседу.

Хочу надеяться, что в какой-то степени я все же ответил на интересующие вас вопросы. Думаю, что позиция ЦК ВКП(б) и советского правительства по вопросам дальнейшего развития советских литературы и искусства вам ясна».

Представители творческой интеллигенции приветствовали Сталина аплодисментами и возгласами: «Да здравствует великий и мудрый Сталин!»

Сталин какое-то время постоял, с удивлением посмотрел на аплодирующих и кричащих, махнул рукой и вышел из зала.

Вскоре вышли четыре постановления ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства: «О журналах «Звезда» и «Ленинград», обнародованное 14 августа 1946 г.; «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», обнародованное 28 августа 1946 г.; «О кинофильме «Большая жизнь», обнародованное 4 сентября 1946 г.

10 февраля 1948 г. было обнародовано Постановление ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая Дружба» В. Мурадели».

Вот наиболее характерные положения из этих постановлений, поставивших задачу устранения недостатков и наметивших главный путь дальнейшего развития советской литературы и искусства.

О ЖУРНАЛАХ «ЗВЕЗДА» И «ЛЕНИНГРАД»

Появились «произведения», в которых советские люди представляются в уродливо карикатурной форме, примитивными, малокультурными, глупыми, с обывательскими вкусами и нравами.

Появились стихотворения, проникнутые духом пессимизма и упадничества, выражающие вкусы старой салонной поэзии, застывшие на позициях буржуазно-аристократического эстетства и декадентства — «искусства для искусства». Такого рода, с позволения сказать, поэты не желают идти в ногу со своим народом и наносят большой вред делу правильного воспитания молодежи. В литературных журналах появились произведения, культивирующие несвойственный советским людям дух низкопоклонства перед буржуазной культурой Запада, проникнутые духом низкопоклонства по отношению ко всему иностранному. Отчетливо просматривается стремление всемерно распространять антисоветские идеи космополитизма.

Руководящие работники журналов забыли то положение ленинизма, что наши журналы, являются ли они научными или художественными, не могут быть аполитичными. Они забыли, что наши журналы являются могучим средством Советского государства в деле воспитания советских людей и в особенности молодежи и поэтому должны руководствоваться тем, что составляет жизненную основу советского строя — его политикой.

Советский строй не может терпеть воспитания молодежи в духе безразличия к советской политике, в духе наплевизма и безыдейности. Сила советской литературы, самой передовой литературы в мире, состоит в том, что она является литературой, у которой нет и не может быть других интересов, кроме интересов народа, интересов государства. Задача советской литературы состоит в том, чтобы помочь государству правильно воспитать молодежь, ответить на ее запросы, воспитать новое поколение бодрым, верящим в свое дело, не боящимся препятствий, готовым преодолеть всякие препятствия.

О РЕПЕРТУАРЕ ДРАМАТИЧЕСКИХ ТЕАТРОВ И МЕРАХ ПО ЕГО УЛУЧШЕНИЮ

После анализа репертуара драматических театров отмечается, что после войны пьесы советских авторов на современные темы оказались фактически вытесненными из репертуара крупнейших драматических театров страны. Их заменили пьесами низкопробной и пошлой зарубежной драматургии, открыто проповедующими буржуазные взгляды и мораль. Постановка театрами пьес буржуазных зарубежных авторов явилась, по существу, предоставлением советской сцены для пропаганды реакционной буржуазной идеологии и морали, попыткой отравить сознание советских людей мировоззрением, враждебным советскому обществу, оживить пережитки капитализма в сознании и быту. Многие же советские драматурги стоят в стороне от коренных вопросов современности, не знают жизни и запросов народа, не умеют изображать лучшие черты и качества советского человека. Совершенно неудовлетворительно ведутся газета «Советское искусство» и журнал «Театр», призванные помогать драматургам и работникам театров создавать идейно и художественно полноценные пьесы и спектакли. На их страницах робко и неумело поддерживаются хорошие пьесы, в то же время безудержно захваливаются посредственные и даже идейно порочные спектакли.

ЦК ВКП(б) ставит перед драматургами и работниками театров задачу — создать яркие, полноценные в художественном отношении произведения о жизни советского общества, о советском человеке. Способствовать дальнейшему развитию лучших сторон характера советского человека, с особой силой выявившихся во время Великой Отечественной войны. Отвечать на высокие культурные запросы советских людей, воспитывать советскую молодежь в духе коммунизма.

Неудовлетворительное состояние репертуара драматических театров объясняется отсутствием принципиальной большевистской театральной критики.

Рецензии на пьесы и спектакли пишутся часто заумным языком, малодоступным для читателей. Газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Труд» недооценивают огромного воспитательного значения театральных постановок и отводят вопросам искусства крайне незначительное место.

ЦК ВКП(б) обязал Комитет по делам искусств и

Правление Союза советских писателей сосредоточить внимание на создании современного советского репертуара, провести осенью текущего года совещание драматургов и деятелей театрального искусства по вопросу о репертуаре и совместной творческой работе драматургов с театрами.

О КИНОФИЛЬМЕ «БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ»

(вторая серия)

Восстановление Донбасса занимает в фильме незначительное место, а главное внимание уделено примитивному изображению всякого рода личных переживаний и бытовых сцен. Ввиду этого содержание фильма не соответствует его названию. Больше того, название фильма «Большая жизнь» звучит издевкой над советской действительностью.

В фильме явно смешаны две разные эпохи в развитии нашей промышленности. По уровню техники и культуре производства, показанных в фильме «Большая жизнь», кинокартина отражает скорее период восстановления Донбасса после окончания гражданской войны, а не современный Донбасс с его передовой техникой и культурой, созданной за годы пятилеток.

В фильме фальшиво изображены партийные работники. Постановщики фильма изображают дело таким образом, будто бы партия может исключить из своих рядов людей, проявляющих заботу о восстановлении хозяйства. Фильм «Большая жизнь» проповедует отсталость, бескультурье и невежество. Совершенно немотивированно и неправильно показано постановщиками фильма массовое выдвижение на руководящие посты технически малограмотных рабочих с отсталыми взглядами и настроениями. Режиссер и сценарист фильма не поняли, что в нашей стране высоко ценятся и смело выдвигаются люди культурные, современные, хорошо знающие свое дело, а не люди отсталые и некультурные, и что теперь, когда Советской властью создана собственная интеллигенция, нелепо и дико изображать в качестве положительного явления выдвижение отсталых и некультурных людей на

руководящие посты. В фильме «Большая жизнь» дано фальшивое, искаженное изображение советских людей. Рабочие и инженеры, восстанавливающие Донбасс, показаны отсталыми и малокультурными людьми, с очень низкими моральными качествами. Большую часть своего времени герои фильма бездельничают, занимаются пустопорожней болтовней и пьянством. Самые лучшие по замыслу фильма люди являются непробудными пьяницами. Художественный уровень фильма также не выдерживает критики. Отдельные кадры фильма разбросаны и не связаны общей концепцией. Для связи отдельных эпизодов в фильме служат многократные выпивки, пошлые романсы, любовные похождения, ночные разглагольствования в постели.

Введенные в фильм песни проникнуты кабацкой меланхолией и чужды советским людям.

Все эти низкопробные постановки, рассчитанные на самые разнокалиберные вкусы и особенно на вкусы отсталых людей, отодвигают на задний план основную тему фильма — восстановление Донбасса.

ЦК ВКП(б) устанавливает, что Министерство кинематографии (т. Большаков) за последнее время подготовило, кроме порочной картины «Большая жизнь», ряд других неудачных и ошибочных фильмов.

Так, во второй серии фильма «Иван Грозный» имеет место искажение в изображении исторических фактов. Прогрессивное войско опричников Ивана Грозного представлено в виде шайки дегенератов, наподобие американского Ку-клус-клана.

Иван же Грозный, человек с сильной волей и характером, вопреки исторической правде, представлен зрителям слабохарактерным и безвольным, чем-то вроде Гамлета.

В незнании предмета, в легкомысленном отношении сценаристов и режиссеров к своему делу заключается одна из причин выпуска негодных фильмов.

Министерство кинематографии безответственно относится к порученному делу и проявляет беспечность и беззаботность в отношении идейно-политического содержания и художественных достоинств фильмов. ЦК ВКП(б) считает, что работа Художественного Совета при Министерстве кинематографии организована неправильно и Совет не обеспечивает беспристрастной и

деловой критикой подготовленных к выпуску фильмов.

Художественный Совет часто проявляет аполитичность в своих суждениях о картинах, мало обращает внимания на их идейное содержание.

Работники искусств должны понять, что те из них, кто и впредь будет безответственно и легкомысленно относиться к своему делу, легко могут оказаться за бортом передового советского искусства и выйти в тираж, ибо советский зритель вырос, его культурные запросы и требования увеличились, а Партия и государство будут и в дальнейшем воспитывать в народе хорошие вкусы и высокую требовательность к произведениям искусства.

ОБ ОПЕРЕ «ВЕЛИКАЯ ДРУЖБА» В. МУРАДЕЛИ

ЦК ВКП(б) считает, что опера «Великая Дружба», поставленная Большим театром Союза ССР в дни 30-й годовщины Октябрьской революции, является порочный как в музыкальном, так и в сюжетном отношении, антихудожественным произведением.

Основные недостатки оперы коренятся прежде всего в музыке оперы. Музыка оперы невыразительна, бедна. В ней нет ни одной запоминающейся мелодии или арии. Она сумбурна и дисгармонична, построена на сплошных диссонансах, на режущих слух звукосочетаниях. Отдельные строки и сцены, претендующие на мелодичность, внезапно прерываются нестройным шумом, совершенно чуждым для нормального человеческого слуха и действующим на слушателей угнетающе.

В погоне за ложной «оригинальностью» музыки композитор Мурадели пренебрег лучшими традициями и опытом классической оперы вообще, русской классической оперы в особенности, отличающейся внутренней содержательностью, богатством мелодий и широтой диапазона, народностью, изящной, красивой, ясной музыкальной формой, сделавшей русскую оперу лучшей оперой в мире, любимым и доступным широким слоям народа жанром музыки.

Исторически фальшивой и искусственной является фабула оперы, претендующая на изображение борьбы за

установление советской власти и дружбы народов на Северном Кавказе в 1918–1920 гг. Из оперы создается неверное представление, будто такие кавказские народы, как грузины и осетины, находились в ту эпоху во вражде с русским народом, что является исторически фальшивым, так как помехой для установления дружбы народов в тот период на Северном Кавказе являлись ингуши и чеченцы.

ЦК ВКП(б) считает, что провал оперы Мурадели есть результат ложного и губительного для творчества советского композитора формалистического пути, на который встал т. Мурадели.

Как показало совещание деятелей советской музыки, проведенное в ЦК ВКП(б), провал оперы Мурадели не является частным случаем, а тесно связан с неблагополучным состоянием современной советской музыки, с распространением среди советских композиторов формалистического направления.

Характерными признаками такой музыки является отрицание основных принципов классической музыки, проповедь атональности, диссонанса и дисгармонии, являющихся якобы выражением «прогресса» и «новаторства» в развитии музыкальной формы, отказ от таких важнейших основ музыкального произведения, какой является мелодия, увлечение сумбурными, невропатическими сочетаниями, превращающими музыку в какофонию, в хаотическое нагромождение звуков. Эта музыка сильно отдает духом современной модернистской буржуазной музыки Европы и Америки, отображающей маразм буржуазной культуры, полное отрицание музыкального искусства, его тупик.

Попирая лучшие традиции русской и западной классической музыки, отвергая эти традиции, как якобы «устаревшие», «старомодные», «консервативные», высокомерно третируя композиторов, которые пытаются добросовестно осваивать и развивать приемы классической музыки, как сторонников «примитивного традиционализма» и «эпигонства», многие советские композиторы, в погоне за ложно понятым новаторством, оторвались в своей музыке от запросов и художественного вкуса советского народа, замкнулись в узком кругу специалистов и музыкальных гурманов, снизили высокую общественную роль музыки и сузили ее значение, ограничив его удовлетворением извращенных

вкусов эстетствующих индивидуалистов.

Все это с неизбежностью ведет к тому, что утрачиваются основы вокальной культуры и драматургического мастерства и композиторы разучиваются писать для народа, свидетельством чего является тот факт, что за последнее время не создано ни одной советской оперы, стоящей на уровне русской оперной классики.

Отрыв некоторых деятелей советской музыки от народа дошел до того, что в их среде получила распространение гнилая «теория», в силу которой непонимание музыки многих современных советских композиторов народом объясняется тем, что народ якобы «не дорос» еще до понимания их сложной музыки, что он поймет ее через столетия и что не стоит смущаться, если некоторые музыкальные произведения не находят слушателей. Эта насквозь индивидуалистическая, в корне противонародная теория в еще большей степени способствовала некоторым композиторам и музыковедам отгородиться от народа, от критики советской общественности и заикнуться в свою скорлупу.

Культивирование всех этих и им подобных взглядов наносит величайший вред советскому музыкальному искусству. Терпимое отношение к этим взглядам означает распространение среди деятелей советской музыкальной культуры чуждых ей тенденций, ведущих к тупику в развитии музыки, к ликвидации музыкального искусства.

Порочное, антинародное, формалистическое направление в советской музыке оказывает также пагубное влияние на подготовку и воспитание молодых композиторов в наших консерваториях, и в первую очередь в Московской консерватории (директор т. Шебалин), где формалистическое направление является господствующим. Студентам не прививают уважение к лучшим традициям русской и западной классической музыки, не воспитывают в них любовь к народному творчеству, к демократическим музыкальным формам.

ЦК ВКП(б) констатирует совершенно нетерпимое состояние советской музыкальной критики. Руководящее положение среди критиков занимают противники русской реалистической музыки, сторонники упадочной, формалистической музыки.

Вместо того, чтобы разбить вредные, чуждые

принципам социалистического реализма взгляды и теории, музыкальная критика сама способствует их распространению, восхваляя и объявляя «передовыми» тех композиторов, которые разделяют в своем творчестве ложные творческие установки.

Музыкальная критика перестала выражать мнение советской общественности, мнение народа и превратилась в рупор отдельных композиторов.

Все это означает, что среди части советских композиторов еще не изжиты пережитки буржуазной идеологии, питаемые влиянием современной упадочной западноевропейской и американской музыки.

Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР (т. Храпченко) и Оргкомитет Союза советских композиторов (т. Хачатурян) вместо того, чтобы развивать в советской музыке реалистическое направление, основами которого являются признание огромной прогрессивной роли классического наследства, в особенности традиций русской музыкальной школы, использование этого наследства и его дальнейшее развитие, сочетание в музыке высокой содержательности с художественным совершенством музыкальной формы, правдивость и реалистичность музыки, ее глубокая органическая связь с народом и его музыкальным и песенным творчеством, высокое профессиональное мастерство при одновременной простоте и доступности музыкальных произведений, по сути дела поощряли формалистическое направление, чуждое советскому народу.

Оргкомитет Союза советских композиторов превратился в орудие группы композиторов-формалистов, стал основным рассадником формалистических извращений. Руководители Оргкомитета и группирующиеся вокруг них музыковеды захваливают антиреалистические, модернистские произведения, не заслуживающие поддержки, а работы, отличающиеся своим реалистическим характером, стремлением продолжать и развивать классическое наследство, объявляются второстепенными, остаются незамеченными и третируются.

Советские композиторы имеют аудиторию, которой никогда не знал ни один композитор в прошлом. Было бы непростительно не использовать все эти богатейшие возможности и не направлять свои творческие усилия по

правильному реалистическому пути.

> Постановление ЦК ВКП(б) призвало советских композиторов проникнуться сознанием высоких запросов, которые предъявляет советский народ к музыкальному творчеству, и, отбросив со своего пути все, что ослабляет нашу музыку и мешает ее развитию, обеспечить такой подъем творческой работы, который быстро двинет вперед советскую музыкальную культуру и приведет к созданию во всех областях музыкального творчества полноценных, высококачественных произведений, достойных советского народа.

Встреча И. В. Сталина с представителями творческой интеллигенции и Постановления ЦК ВКП(б) надежно парализовали идеологические диверсии в областях литературы и искусства со стороны агентуры американо-английского империализма, в то же время помогли ошибающимся творческим работникам исправить допущенные ошибки.

Космополиты были разгромлены, правильное развитие советских литературы и искусства обеспечено.

Встреча Сталина с представителями творческой интеллигенции и написанные им постановления ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства показывают, каким разносторонним был его ум, как Сталин далеко, на многие десятилетия, видел вперед. Он понимал, что в будущем, после того, как его не станет, обязательно начнутся активные попытки реставрировать капитализм в СССР и что здесь идеологические диверсии в литературе и искусстве, пресеченные им, будут играть далеко не последнюю роль.

Впоследствии так оно и получилось.

После смерти Сталина приспешники американо-английского империализма, готовя контрреволюционный переворот в СССР с целью реставрации капитализма, «раскритиковали», опорочили, а затем и предали забвению все марксистско-ленинские положения по вопросам развития литературы и искусства.

Это позволило иностранной агентуре постепенно захватить в свои руки под провокационным флагом «борьбы за права человека и свободу творчества» советские средства массовой информации. Развернутая ими провокационно-клеветническая кампания против Сталина, против коммунизма позволила продолжателям «дела» хрущевцев — горбачевцам идеологически подготовить контрреволюционный переворот, осуществленный в августе 1991 г., который привел к распаду великого Советского Союза и так дорого сейчас обходится советскому народу.

Вот один из примеров, как «литературным путем» создавались фальшивки о массовых репрессиях, якобы имевших место в сталинскую эпоху.

Весьма характерна история нашумевшей книги «Архипелаг ГУЛАГ», вышедшей за подписью Солженицына.

Бывший американский посол в СССР Бим — видный и талантливый сотрудник Центрального разведывательного управления США, в своих мемуарах рассказал, как создавалась эта книга. Когда его сотрудники, писал в своих воспоминаниях Бим, принесли ему ворох неопрятных листов за подписью Солженицына, то он сначала не знал, что делать с этим шизофреническим бредом. Когда же он засадил за редактирование и доработку этих «материалов» десяток талантливых и опытных редакторов, то получил произведение «Архипелаг ГУЛАГ». В результате мастерски проведенной по всему миру рекламе эта книга нанесла мощный удар по коммунистам в СССР и мировому коммунизму в целом.

А вот как антисоветские, антикоммунистические измышления о якобы имевших место в «эпоху репрессий» в отношении «невинных» людей подтверждались антисоветчиками «документально».

Особенно показательными в этом отношении являются выступления Хрущева и Шелепина с «обвинениями» И. В. Сталина на XXII съезде КПСС и «результаты работы» так называемой комиссии Шверника, в которую входили такие «борцы против культа личности Сталина», как Шелепин, Сердюк, Руденко, Миронов и Семичастный, давно зарекомендовавшие себя в партии неисправимыми бюрократами и карьеристами, готовыми за хорошую мзду служить любому.

В угоду Хрущеву и его окружению они представили в ЦК КПСС справку, в которой сфальсифицировали и оклеветали борьбу большевиков-ленинцев с врагами народа, их карательную политику.

Так, в разделе справки «Некоторые статистические данные о репрессиях» ими были приведены следующие данные, якобы показывающие массовые масштабы репрессий в отношении «невинно осужденных».

В 1934 году арестовано 68 415 человек.

В 1935 году арестовано 104 716 человек.

В 1936 году арестовано 85 530 человек.

Всего за 1935 и 1936 годы арестовано 190 246 человек, из них расстреляно — 2347 человек.

В 1937 году арестовано 779 056 человек.

В 1938 году арестовано 593 336 человек.

При этом члены комиссии, возглавляемой Шверником, совершили *политический подлог* (выделено мною. — В. Ж.). Они умолчали о том, что большинство арестованных органами НКВД (в те годы это был единый орган, в который наряду с органами государственной безопасности входили и органы милиции) *были обычными уголовными преступниками* (выделено мною. — *В. Ж.),* совершившими различные уголовные преступления. Что подавляющее большинство расстрелянных — это бандиты-уголовники, совершившие зверские преступления. С помощью этой фальсификации Шверник и компания надеялись создать и действительно создали у многих советских людей впечатление, что при жизни Сталина имели место массовые «необоснованные» репрессии, в результате которых погибло много «невинных» людей.

Обосновывая в свое время объективную необходимость бескомпромиссной борьбы с врагами народа, в выступлении на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК в январе 1933 г. И. В. Сталин говорил: «Остатки умирающих классов, частные промышленники и их челядь, частные торговцы и их приспешники, бывшие дворяне и попы, кулаки и подкулачники, бывшие белые офицеры и урядники, бывшие полицейские и жандармы расползлись по нашим заводам и фабрикам, по нашим учреждениям и торговым организациям, по предприятиям железнодорожного и водного транспорта и главным образом по колхозам и совхозам. Расползлись и укрылись они там, накинув маску «рабочих» и «крестьян», причем кое-кто из них пролез уже в партию.

С чем они пришли туда? Конечно, с чувством ненависти к Советской власти, с чувством лютой вражды к новым формам хозяйства, быта, культуры. Единственное, что остается им делать, — это пакостить и вредить рабочим, колхозникам, Советской власти, партии. И они пакостят как только могут, действуя тихой сапой, поджигают склады и ломают машины. Организуют саботаж. Организуют вредительство в колхозах и совхозах, причем некоторые из них, в числе которых имеются и кое-какие профессора, в своем вредительском порыве доходят до того, что прививают скотине в колхозах и совхозах чуму, сибирскую язву, способствуют распространению менингита среди лошадей и т. д. Пока есть лодыри, враги, хищение социалистической собственности, значит, есть люди, чуждые социализму, значит, нужна борьба.

Сильная и мощная диктатура пролетариата — вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять в прах последние остатки умирающих классов и разбить их».

Таким образом, в ходе социалистического строительства

репрессии по отношению к представителям внешней и внутренней контрреволюции были *неизбежны, объективно необходимы, вызывались сопротивлением остатков эксплуататорских классов и происками иностранной агентуры.* Причем формы репрессий по отношению к ним зависели не от «кровожадности» большевиков, а от степени сопротивления контрреволюционеров. Известно, что после победы Октябрьской революции суды выносили за контрреволюционную деятельность до удивления мягкие приговоры: объявляли подсудимым общественные порицания и отпускали на свободу (генерал Краснов) под «честное слово». И только в ответ на белый террор большевиками по требованию трудящихся был объявлен массовый красный террор, в ходе которого антисоветские организации, созданные иностранной агентурой, были разгромлены, а их участники расстреляны. В том числе был расстрелян друг Черчилля «легендарный» Рейли, непосредственный организатор покушения на В. ИЛенина.

И. В. Сталину приписывали:

а) инициативу в организации концентрационных лагерей в стране;

б) применение по отношению к классовым противникам термина «враг народа» со всеми вытекающими последствиями;

в) инициативу в организации внесудебного разбирательства по делам о контрреволюционных преступлениях — создания так называемых троек.

В действительности впервые концентрационные лагеря были созданы англичанами в ходе англо-бурской войны в Африке (1899–1902 гг.), а совершенно правильная идея их создания в нашей стране принадлежит Троцкому. Декрет же об их создании подписан В. ИЛениным в сентябре 1918 года. Предложение о создании троек внес Каганович.

Не менее лживо и утверждение, сфабрикованное Черчиллем при помощи бывшего гестаповца оберштурмбаннфюрера СС Хетля о якобы причастности И. В. Сталина к убийству СМ. Кирова.

Теперь после десяти лет так называемой горбачевской «перестройки» является бесспорным фактом, что лживое утверждение, столь активно подхваченное захваченными иностранной агентурой средствами массовой информации и литераторами-диссидентами, что во времена Сталина социализм якобы представлял из себя огромный концентрационный лагерь, в котором «рабы коммунизма», невинные люди миллионами арестовывались и уничтожались по прихоти и воле коммунистических вождей типа Сталина, «страдающего манией преследования», потребовалось антисоветчикам и их зарубежным

хозяевам, чтобы обмануть советский народ и идеологически подготовить контрреволюционные перевороты августа 1991 г. и октября 1993 г. К ужасу предателей жизненных интересов России, прозрение народа, обманутого средствами массовой информации и литературной продукцией антисоветски настроенных деятелей от литературы и искусства, уже началось. Не случайно многие коротичи уже поспешили скрыться за рубежом.

Тайная война

В конце августа 1950 года генералы Лавров и Джуга докладывали Сталину, отдыхавшему на своей любимой государственной даче «Холодная Речка» близ г. Гагры, но продолжавшему работать, план широкомасштабной тайной войны США против СССР, осуществление которого должно было, по мнению американских финансовых магнатов, привести к распаду СССР и реставрации капитализма во входящих в него союзных социалистических республиках. Этот план, тайно полученный Лавровым из Вашингтона, был детально разработан в недрах Центрального разведывательного управления США и утвержден Советом национальной безопасности США.

Основное содержание плана впоследствии было детально разъяснено в ходе пропаганды в США так называемой задачи «поэтапного» уничтожения мировой системы социализма. Видной фигурой в этой пропагандистской кампании стал один из помощников президента США по национальной безопасности профессор Збигнев Бжезинский, автор многочисленных трудов на антикоммунистическую тему.

Главная цель этого плана состояла в том, чтобы, используя всю мощь американского капитала, протащить на главные руководящие посты в коммунистических партиях социалистических стран американских и английских агентов или лиц, сочувственно относящихся к англо-американскому империализму, при помощи и содействии американо-английской агентуры обеспечить наплыв в коммунистические партии ревизионистски настроенных лиц, всякого рода карьеристов и проходимцев, стремившихся с целью извлечения материальных выгод примазаться к правящим партиям и взорвать их изнутри. Этим проискам способствовало то, что в борьбе против немецкого фашизма и японского империализма погибло много настоящих, преданных делу социализма коммунистов.

— Главная задача американо-английской агентуры, — докладывал Лавров, — состоит в том, чтобы после превращения строго классовых коммунистических партий рабочих и трудовых крестьян в так называемые общенародные партии добиться под фальшивым флагом борьбы за права человека замены в социалистических странах государства диктатуры пролетариата так называемым общенародным государством. Это парализует деятельность наших карательных органов и создаст широкое поле деятельности для антисоветчиков всех мастей и расцветок в их борьбе за реставрацию капиталистических порядков. В своей

контрреволюционной деятельности американоанглийская агентура, тайно проникшая в социалистические страны, должна, согласно этому плану, опираться на детей, чьи родители представляли в прошлом эксплуататорские классы и чье имущество было конфисковано в ходе социалистической революции, а также на детей, чьи родители были репрессированы в годы Советской власти, а также на различного рода буржуазно-националистически настроенные элементы и откровенных уголовников, мечтающих, в случае ослабления государства диктатуры пролетариата, о «сладкой» жизни за счет ограбления советского народа.

Разработана программа вредительства в области экономики в социалистических странах, призванная скомпрометировать социалистический способ производства. С этой целью перед американо-английской агентурой в социалистических странах и прежде всего в Советском Союзе поставлена задача всячески подрывать централизованное планирование под видом надуманных экономических реформ, распылять капиталовложения по множеству незавершенных строек, под видом «новаторских» предложений о замене металлических деталей в машинах и станках пластмассовыми деталями подорвать металлургию — основу развития тяжелой промышленности, основу обороноспособности страны. Для развала советского, социалистического сельского хозяйства добиваться ликвидации машинно-тракторных станций, что сразу поставит колхозы на грань банкротства. Большие надежды американские и английские правящие круги в своей подрывной деятельности против СССР и стран социалистического содружества возлагают на работу провокационных радиостанций «Голос Америки», Би-би-си, «Немецкая волна», «Свободная Европа» и другое аналогичное им радиовещание. Перед американо-английской агентурой в социалистических странах поставлена задача добиваться отмены глушения передач этих радиостанций, а также захватывать в свои руки средства массовой информации, редакции литературных журналов, склонять к антисоветской деятельности в социалистических странах кинорежиссеров и драматургов. Активно этот план начнет осуществляться лишь после того как вы, товарищ Сталин, отойдете от дел и естественным путем уйдут из жизни представители великого поколения коммунистов, победившие всех врагов. В деле раскола мирового коммунистического движения, подрыва коммунистических партий изнутри американская и английская разведки возлагают надежды на ренегатов типа Иосипа Броз Тито, Тольятти и им подобных.

Джуга заметил:

— Никакой Тито не ренегат, он никогда коммунистом не был. Он обычный агент английской разведки, засланный в свое время в коммунистическое движение на длительное оседание. Да и по национальности он не серб. Недаром он всю войну был так дружен с главным резидентом английской разведки на Балканах, сыном Черчилля — Рандольфом Черчиллем, с которым даже жил в одной палатке.

— У тебя есть конкретное предложение, как нейтрализовать деятельность Тито? — спросил Джугу до сих пор молча слушавший Сталин.

Джуга, воспользовавшись случаем, предложил:

— Я не понимаю, почему мы так долго церемонимся с этим подонком Тито, с этим «коммунистом». У него же пальцы унизаны драгоценными бриллиантовыми кольцами и переодевается он за день десятки раз в самые дорогие костюмы. Тито забрался жить на небольшой остров в Средиземном море — Бриони. Выстроил там на деньги нищенствующего югославского народа шикарный дворец. Один бомбардировщик без опознавательных знаков с территории Албании — и нет ни дворца, ни американо-английского агента Тито. Есть человек — есть проблема, нет человека — нет проблемы.

Сталин, внимательно и неодобрительно посмотрев на Джугу, постукивая срезанным в саду прутиком по столу, тихо ответил:

— Запомни раз и навсегда: мы не авантюристы. От твоего предложения за версту отдает эсеровщиной. Не будет Тито, будет на его месте другой. Индивидуальный террор не выход, — продолжая постукивать прутиком, Сталин задумался. — Итак, американцы и англичане объявили нам широкомасштабную тайную войну. — Помолчав, добавил: — Впрочем, начиная с победы Октябрьской революции, они ее никогда и не прекращали. Разве что напуганные Гитлером несколько притушили ее огонь в годы Второй мировой войны. Ну что же, раз американцы и англичане хотят тайной войны — они ее получат. У вас есть конкретные предложения, как нам лучше всего расстроить их планы?

— У меня есть два предложения, — проговорил Джуга. — Первое. Это коренным образом улучшить работу Министерства государственной безопасности СССР. Абакумов явно не справляется с должностью министра. В погоне за «громкими» делами, судя по всему, уже позволил в ряде случаев иностранной агентуре пробраться на ряд важных партийных и государственных постов. Надо серьезно укреплять руководство этого министерства. У меня вызывают большие сомнения и ваши соратники по

Политбюро, такие, как Берия, Маленков, Микоян и Хрущев, — неожиданно добавил Джуга.

— Если тебя послушать, — перебил его Сталин, — все Политбюро состоит из перерожденцев и изменников.

— Из потенциальных изменников, товарищ Сталин, — невозмутимо ответил Джуга.

— Что ты конкретно предлагаешь? — недовольно спросил Сталин.

— Созвать съезд партии, который не собирался столько лет, и обновить Политбюро. Наступила пора официально выдвигать к руководству партией и страной людей, которые под вашим мудрым руководством создали и отстояли от нападок всех врагов величайшее государство в истории. Без того, как только вы отойдете от дел, мы все пропадем, если эти ваши марионетки придут к действительному руководству.

— А старых членов Политбюро, столько сделавших во время Великой Отечественной войны для победы, ты, как я полагаю, предлагаешь ликвидировать, как потенциальных изменников социализма? — иронически усмехнулся Сталин.

— Затем ликвидировать, товарищ Сталин? Пусть идут на заслуженный отдых, на хорошую пенсию, много ли старому человеку надо, — с твердой убежденностью в голосе ответил Джуга. — Все равно они уже ни на что серьезное не способны и только развалят государство.

— Ты тоже такого же мнения? — спросил Сталин молчавшего Лаврова.

— Это единственно правильное решение, товарищ Сталин, — Лавров поддержал предложение Джуги.

Помолчав, Сталин сказал:

— Хорошо. Подумаем. Что еще предлагаешь? — спросил Сталин Джугу.

— Я предлагаю серьезно заняться с чекистами марксистско-ленинской подготовкой. Я поинтересовался, как проходят семинарские занятия в сети партийного просвещения в МГБ. Секретарь парткома Рогов, который только и умеет твердить, что товарищ Абакумов — это Дзержинский сегодня, полностью завалил это наиважнейшее дело. Большая часть семинаров в сети партийного просвещения в МГБ проходит формально, изучением марксистско-ленинской теории чекистские кадры творчески фактически не занимаются, отсюда в их среде, особенно в следственной части по особо важным делам и Главном Управлении правительственной охраны МГБ процветает безыдейщина. Кадры руководителей семинаров зачастую просто малограмотные.

Вот как, например, наш уважаемый Николай Сидорович Власик, имеющий образование в четыре класса приходской школы, проводил один из таких семинаров.

Один из участников семинара спросил его: «Товарищ генерал, что такое колосс на глиняных ногах, о котором в одном из своих выступлений говорил товарищ Сталин?» Власик, сдобрив, по своему обыкновению, свой ответ отборной матерщиной, отчебучил: «Вот, дурак, не знаешь, что такое колосс на глиняных ногах? Берешь пшеничный колос, вставляешь в глину, вот тебе и колосс на глиняных ногах».

Другой участник семинара, офицер охраны, который заочно учился на историческом факультете Московского университета, факт среди сотрудников МГБ крайне редкий, попросил Власика разрешить дополнить его ответ. Власик благосклонно разрешил. «Под словами «колосс на глиняных ногах», — сказал офицер, — товарищ Сталин имел в виду древние империи Александра Македонского и персидского царя Кира, в которых входящие в них завоеванные многочисленные страны не имели экономической общности и поэтому эти империи были великанами (колоссами) на крайне непрочных глиняных ногах, сразу же рассыпались на отдельные государства после смерти Македонского и Кира». Власик нашелся — удовлетворенно хмыкнув, подытожил ответ офицеру, задавшему ему вопрос: «Вот, понял теперь, дурак? Я же тебе объяснил это образно».

Сталин смеялся до слез. Отсмеявшись и став серьезным, спросил Джугу:

— Откуда ты знаешь, как ведутся семинары в Управлении охраны? Ведь я тебя просил не заниматься этим управлением.

— Я и не занимался, — спокойно ответил Джуга. — Но шила в мешке не утаишь. Над такими семинарами смеются все сотрудники министерства.

Поскольку американцы и англичане объявили нам тайную войну, продолжил развивать свои предложения Джуга, следует подумать о создании специального органа, который позволил бы нам быстро и надежно пресекать их подрывные происки в нашей стране, истребляя их агентуру физически, как это и делается на любой войне. Какая разница, во что одет вражеский солдат? А иностранный агент и является таким солдатом, в военном ли он мундире или в штатском пиджаке. Важно, что он солдат, воюющий против нашей страны. Угрозу нашей стране со стороны английской и американской разведок нельзя недооценивать, хотя я, исходя из своего опыта, и не разделяю утверждения Черчилля, что английская разведка лучшая в мире. Английские профессиональные разведчики в своем большинстве трусливые.

Когда возникает реальная угроза их жизни, легко идут на вербовку и предают правительство Великобритании. В то же время многолетний опыт и коварство английской разведки заставляют относиться к ее происка исключительно серьезно. Беспощадное физическое уничтожение американской и английской агентуры — сегодня самая важная задача нашей контрразведывательной работы.

Попавшие в поле зрения советской контрразведки английские и американские агенты в нашей стране, находящиеся на нелегальном положении, особенно из числа иностранных граждан, должны физически истребляться, лучше тайно, либо перевербовываться и возвращаться в Англию и США с целью работы на нас. Если этого не делать, в будущем советский народ ждут большие неприятности.

Поскольку ваша личная контрразведка, товарищ Сталин, ни арестами, ни физическим истреблением иностранной агентуры сама не занимается, выполняет чисто информационную задачу, пришла пора создать при министре МГБ специальный орган, который бы по полученным мною и генералом Лавровым данным занялся физической ликвидацией иностранной агентуры в нашей стране. На войне как на войне.

— У тебя есть конкретные предложения по созданию такого органа? — спросил Сталин.

Джуга протянул Сталину несколько страниц, отпечатанных на машинке.

Повернувшись к Лаврову, Сталин спросил:

— Ты читал эти предложения?

Получив утвердительный ответ, Сталин взял из рук Джуги листы и, не читая, положил в ящик письменного стола.

— Хорошо. Оставь их мне, — сказал он, — я ознакомлюсь.

Утром Лавров и Джуга с Адлеровского аэродрома улетели в Москву.

9 сентября 1950 года Политбюро ЦК ВКП(б) (постановление № П77/310) приняло решение о создании для борьбы с иностранной агентурой специального органа, о котором говорил Сталину Джуга во время пребывания на Кавказе в августе 1950 года.

В приказе министра МГБ СССР № 00533 от 28 октября 1950 года этот орган был назван Бюро № 2 Министерства Государственной безопасности СССР.

На Бюро в качестве основной задачи возлагалось выполнение специальных заданий внутри СССР по пресечению особыми способами вражеской деятельности, проводимой отдельными лицами.

Конкретно Бюро № 2 было обязано наблюдать и подводить агентуру к отдельным лицам, ведущим вражескую работу, пресечение которой в нужных случаях и по специальным разрешениям могло производиться особыми способами. Такими способами пресечения преступной деятельности иностранцев и других лиц, ведущих активную вражескую работу против СССР должны были быть: компрометация, секретное изъятие, физическое воздействие и устранение. Последнее — главное. Личный состав Бюро подбирался из числа преданных коммунистической партии людей, готовых выполнить любое задание и в случае необходимости для его выполнения даже пожертвовать жизнью.

Однако этот орган на практике так и не заработал. Сталин вдруг изменил свое первоначальное решение и запретил МГБ проводить в жизнь мероприятия, которые наметил Джуга и которые, по мнению Сталина, могли излишне накалить, в условиях угрозы ракетно-ядерной войны, и без того крайне опасную международную обстановку.

Сталин поручил МГБ СССР продолжать ликвидацию англо-американской агентуры обычными, «традиционными» способами.

Арест Полины Жемчужиной Ленинградское дело

1949 год оказался для И. В. Сталина крайне неудачным: серьезно пошатнулось здоровье.

Со временем дали себя знать подпольная работа до революции, требующая больших нервных затрат, систематические перегрузки в Гражданскую войну, нечеловеческое напряжение в ходе обороны от фашистского нашествия, после победы работа по 12–16 часов в сутки по руководству восстановлением народного хозяйства СССР. Все чаще Сталин испытывал головокружение, появилась слабость в ногах, несвойственная ему, по природе спокойному человеку, раздражительность.

По-видимому, Сталин перенес кровоизлияние в мозг. Могучий организм и несокрушимая сила воли позволили ему перенести это серьезное и тяжелое заболевание фактически на ногах. К врачам он не обращался, лечился, как он сам говорил генералу Джуге, «домашними средствами», больше лежал. Только самые близкие люди заметили, что с вождем происходит что-то неладное.

И так малоразговорчивый, он какое-то время говорил лишь по крайней необходимости, очень тихо и с большим трудом подбирая слова. Перестал принимать посетителей и читать служебные бумаги, которые по мере поступления складывались на письменном столе в кабинете на даче в Волынском. Ходил с большим трудом и иногда, чтобы не упасть, вынужден был опираться на стены, однако в руки палку не брал. Существенно изменился у Сталина почерк. Не сумел он выступить и с ответным словом на приветствии руководителей коммунистических партий, съехавшихся со всех концов мира на торжественное заседание, посвященное его семидесятилетию. Сидел молча в центре президиума торжественного заседания, более бледный, чем обычно.

Эти симптомы подкрадывающейся смертельной болезни объективно говорили за то, что, по-видимому, жизненный путь великого вождя приближается к концу. Однако Сталин долгое время отказывался в это верить.

Заметив серьезное недомогание вождя, его ближайшие соратники начали беспокоиться и гадать, кто же займет место Сталина, если он вдруг, по состоянию здоровья, отойдет от дел.

Вокруг отдельных членов Политбюро начали сколачиваться устойчивые группы лиц, связанных узами личной дружбы.

Вокруг Георгия Маленкова, которому Сталин доверил, как уже отмечалось, осуществлять в ЦК кадровую политику, сгруппировались: секретарь ЦК Кузнецов, заместители председателя Совета Министров СССР Косыгин, Тевосян и Малышев, маршал Рокоссовский, заведующий отделом административных органов ЦК Игнатьев.

Вокруг члена Политбюро, заместителя председателя Совета Министров СССР, председателя Госплана Н. А. Вознесенского: председатель Совета Министров РСФСР Родионов, работники Ленинградской партийной организации Попков, Капустин, Лазутин, Турко, Михеев и др.

Вокруг члена Политбюро, заместителя председателя Совета Министров СССР Лаврентия Берии его давнишние «соратники», которым он добился во время их работы в органах государственной безопасности присвоения генеральских званий: Меркулов, Кобулов, Мешик, Деканозов. Их в свое время выгнали по указанию Сталина из органов государственной безопасности после того, как там был смещен Берия, а Меркулов снят с поста министра Государственной безопасности СССР. В эту группу входили и генералы Гоглидзе и Цанава, пока еще работавшие в органах государственной безопасности.

Сталин через генералов Лаврова и Джугу пристально следил за этими группировками.

В последнее время все большие подозрения у Сталина начал вызывать его давнишний соратник и друг Вячеслав Молотов. Абакумов все чаще напоминал Сталину, что начиная с 1939 года, жена Молотова Полина Жемчужина будто бы имеет подозрительные связи с антисоветскими элементами. Особенно раздражало Сталина, что в покаянных письмах Шахурина, Новикова и Шиманова утверждалось, что якобы Молотов знал о крупных недостатках в работе авиационной промышленности и покрывал их.

В связи с делом авиаторов Сталин вспомнил слова простодушного наркома Военно-Морского Флота адмирала Кузнецова, неискушенного в политических интригах, который на одном из приемов рассказал ему, что когда он пожаловался Молотову: мол, ему крепко порой достается от Сталина за допущенные ошибки, промахи в работе и прямоту суждений, то Молотов сказал: «Только «шляпа» высказывает то, что думает».

Неожиданно Жемчужина дала повод для своего ареста, открыто установив дружеские отношения с послом государства Израиль в СССР Голдой Меир.

После нескольких зафиксированных встреч с Голдой Меир, пытавшейся вести провокационную работу среди евреев —

представителей советской интеллигенции, Полина Жемчужина, по приказу Сталина, в феврале 1949 года была арестована. Голда Меир, как нежелательная персона, была выслана из страны. Сталин за ходом расследования по делу жены Молотова следил лично. Однако каких-либо конкретных уличающих материалов о ее предательской деятельности получено не было, и Абакумов предпринимал все от него зависящее, чтобы такие улики добыть путем активных допросов и запугивания арестованных из ближайшего окружения Жемчужиной. В конце концов Абакумову удалось добиться от них показаний о том, что якобы Жемчужина вела с ними националистические разговоры и критиковала действия Советского правительства. Но здесь у него произошла осечка.

Когда Сталин спросил генерала Джугу, что он думает о деле Жемчужиной, тот, несмотря на то, что вместе со Сталиным ненавидел ее лютой ненавистью и не называл иначе как «лысая ведьма», поступил честно и благородно, как и всегда он поступал в таких случаях: доложил правду. Доложил, что никаких компрометирующих материалов у него на Жемчужину нет, она же, будучи арестованной, никаких показаний с признанием своей вины не дает.

Джуга говорил правду, не выгораживал, как может показаться, Молотова. Впоследствии во время суда в 1954 году над Абакумовым, проходивший с ним по одному делу бывший заместитель начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР полковник Комаров, который вел следствие по «делу» Жемчужиной, показал: «О показаниях самой Жемчужиной говорить нечего, так как ни у Лихачева,[5] ни у меня она ни в чем виновной себя не признала».

Что же касается показаний, полученных на нее Абакумовым, утверждал Джуга, то они результат активных допросов и запугивания ее родственников и лиц из ближайшего окружения.

В доказательство он привел копию письма арестованной по этому делу Мельник-Соколинской, которое было по приказу Абакумова задержано полковником Черновым и передано в следственную часть по особо важным делам министерства.

Арестованная 3 апреля 1949 г. Мельник-Соколинская, подписавшая показания о том, что Жемчужина будто бы в разговорах с ней критиковала политику Советского правительства, в письме к мужу писала:

«В силу страшного режима следствия вынуждена была подписать о себе неправду и что если я только выздоровлю, то напишу обо всем товарищу Сталину. Я написала Абакумову, что я умираю, что Комаров — фальсификатор и вынудил меня дать

показания».

Одновременно Джуга доложил Сталину, что другая арестованная, давшая показания «о вражеской деятельности» Жемчужиной, некто Каннель, арестовывавшаяся за связь с ней дважды (20 мая 1939 г. и 8 июня 1949 г.) рассказала в 1949 г. соседке по камере, что после ареста ее в 1939 г., когда она находилась во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке, следователь по фамилии Визель на допросах нещадно ее избивал. От нее требовали подписать показания, что Жемчужина — иностранная шпионка, и что тогдашний председатель СНК Молотов якобы знал об этом. Что после того, как за нее лично взялся приближенный Берии комиссар госбезопасности Богдан Кобулов и пытки стали невыносимыми, Каннель оговорила себя и Жемчужину, подписав несколько протоколов, составленных Визелем.

Однако поскольку никаких доказательств «шпионской» деятельности ее и Жемчужиной, кроме выколоченного «признания» Каннель, у следствия не было, замысел обвинить ее и Жемчужину в шпионаже провалился и Каннель осудили через Особое Совещание НКВД лишь к 5 годам тюремного заключения якобы за антисоветскую агитацию. Срок этот она отбыла, но была вновь арестована в 1949 г. и теперь новый следователь Комаров требует от нее в отношении Жемчужиной того же ложного «признания», какое она, под влиянием пыток, сделала в 1939 году и что у нее нет другого выхода, если она не хочет умирать в холодном карцере или быть забитой насмерть, как сделать это.

В подтверждение того, что арестованная Каннель не врет, Джуга показал Сталину копию «покаянного» письма бывшего следователя НКВД Визеля на имя Абакумова, в котором тот в феврале 1948 года признался: он вместе с Кобуловым и начальником Главного Управления НКВД Меркуловым пытался создать провокационное дело в отношении Жемчужиной и Молотова, но потерпел неудачу. Визель писал: «Этим письмом я хочу выполнить свой долг, свое намерение — довести до сведения товарища Сталина правду о «деле» Жемчужиной и засвидетельствовать, что показания в отношении верного соратника товарища Сталина товарища Молотова сфальсифицированы. Это истина, ибо я лично участвовал в этой фальсификации. Товарищ министр! Любой преступник имеет право быть выслушанным. Я прошу только об этом: доложить мое письмо товарищу Сталину и дать мне возможность дать показания следственным органам МГБ и привести все доказательные факты, которыми я располагаю».

Абакумов положил письмо Визеля под сукно. Однако оно вместе с докладом генерала Джуги сыграло свою роль.

Готовившийся открытый судебный процесс по делу «буржуазных националистов», во главе которых якобы стояла жена первого заместителя председателя Совета Министров СССР Молотова Полина Жемчужина не состоялся. Абакумов был вынужден арестованных по делу Жемчужиной «националистов» тайно осудить при помощи Особого совещания МГБ СССР. «Громкого» процесса не получилось.

После осуждения ее родственников и друзей Жемчужина по-прежнему находилась в заключении и была освобождена лишь после смерти Сталина.

Ненависть Сталина и Джуги к Жемчужиной была связана со смертью жены Сталина — Надежды Аллилуевой. Они считали, что Полина Жемчужина во многом повинна в самоубийстве жены Сталина. Что именно ее провокационные «рассказы» о Сталине во время длительной последней прогулки в Кремле с Надеждой Аллилуевой накануне ее самоубийства подтолкнули жену Сталина совершить столь трагический акт, тяжело отразившийся на Сталине. Однажды, в порыве откровенности, что для Сталина, не признававшего сентиментальности, было чрезвычайной редкостью, он сказал Джуге:

— Знаешь, до сих пор не могу прийти в себя от предательства жены, как она «выстрелила» мне в спину…

— Конечно, очень жаль, что Василий и Светлана остались сиротами, — заметил Джуга.

— Что дети, — с горечью сказал Сталин, — она никогда ими не занималась, даже в детский сад я водил их сам, не удивительно, что они ее забыли на третий день. А вот меня своим поступком она покалечила на всю жизнь. Ведь я ее любил, — с грустью добавил Сталин, — а она, в конечном итоге, оказалась в стане моих врагов.

Справившись с волнением, вызванным неприятными для него воспоминаниями, Сталин продолжил:

— Я давно заметил в жене какое-то отчуждение, но занятый по горло делами, на сон и то время не оставалось, не придавал этому значения и уж никак не думал, что она чуждый мне человек по политическим взглядам.

А началось с того, что в 1927 г. она вдруг пошла на похороны известного троцкиста Иоффе, на которые собралась вся оппортунистическая и антисоветская шпана во главе с Троцким, Зиновьевым и Каменевым. На этих похоронах Зиновьев осмелился публично поливать грязью ее мужа, а Надя, единственная из жен членов Политбюро, присутствующая на похоронах Иоффе, стояла и спокойно слушала. Хотя бы ушла в знак протеста, что ли. Так ведь нет, не только выстояла до конца, но еще и пошла на

поминки, где поношение ее мужа продолжалось.

Естественно, что по ее возвращении с поминок я сказал ей о недопустимости такого поведения со стороны жены генсека. Каюсь, сказал излишне резко. Но тогда я не знал о ее душевной болезни и все ее недостойные поступки в отношении меня объяснял плохим, своенравным характером и в какой-то мере разницей в годах и интересах. С этого момента в наших отношениях что-то разладилось.

Размолвки между нами бывали и раньше, в какой семье их не бывает! — но такой, как накануне Надиной смерти в 1932 г., никогда не было. На мою резкость Надя ответила тоже резкостью и ушла в спальню. Я же провел ночь на диване в кабинете.

Утром жену нашли застрелившейся из маленького браунинга, который ей, без моего ведома, подарил Павел, ее брат. Тоже нашел, что подарить!

— Хорошо, что она, будучи душевнобольной, не выстрелила в вас. Говорят, такое случается, — проговорил Джуга.

— Лучше бы действительно выстрелила в меня, — со вздохом проговорил Сталин, — мне было бы намного легче. Впрочем, тебе этого не понять. Не дано. Ты же никого из женщин и девушек никогда не любил и не любишь.

— Зато все они любят меня, — засмеялся Джуга.

— Вот что, Александр, — в голосе Сталина зазвучал металл, — ты бы как-то сократился, что ли, в своих амурных похождениях. Негоже это для коммуниста.

По-прежнему улыбаясь, Джуга шутливо ответил:

— Я человек ищущий, ищу свой идеал любви, ищу и ошибаюсь, ошибаюсь и опять ищу. А то, что не знаю любовных цепей, так это для службы, которую я возглавляю, большой плюс; никаких посторонних влияний. И потом один из литературных героев Горького, старый цыган Макар Чудра очень мудро сказал: «Не люби деньги — обманут, не люби женщин — изменят, люби одну свободу». Это единственное, что представляет ценность для настоящего человека.

Сталин, сурово посмотрев на Джугу, произнес:

— Ну вот что, свободный человек, любимец женщин, если не сократишь свои амурные похождения и не исправишься, на меня не пеняй. Тоже мне новый Дон Жуан выискался. Да, вот еще что. Займись Василием:[6] он тебя любит и по-настоящему уважает, попытайся отучить его от пьянства, — вздохнув, Сталин добавил: — Ведь пропадет человек…

К сожалению, выполнить эту просьбу при всем его влиянии на Василия Джуге не удалось. Генерал Василий Сталин, отличный смелый летчик и по натуре добрый человек, окончательно спился.

В конце концов на почве хронического алкоголизма он, потеряв контроль над собой, докатился до незаконного расходования, хищения и присвоения государственного имущества и денежных средств, да и подчиненных склонял к этому.

Вот что говорилось в обвинительном заключении, когда Василия Сталина за совершенные преступления после смерти отца предали суду:

«Василий Сталин, будучи командующим ВВС Московского военного округа, присвоил 69 тысяч рублей государственных средств путем издания фиктивных приказов о награждении сотрудников ВВС Московского военного округа денежными премиями. На оборудование принадлежащей ему дачи незаконно из средств ВВС Московского военного округа израсходовал около двух миллионов рублей. Общая сумма средств ВВС Московского военного округа, незаконно израсходованных Василием Сталиным, составила около 20 миллионов рублей». По тем временам — очень большая сумма.

До своего снятия с должности командующего Василий Сталин сильно пил и фактически самоустранился от исполнения служебных обязанностей.

Месяцами он не появлялся на службе. В соединениях и частях округа почти не бывал, приказов военного министра и главнокомандующего ВВС не читал, издававшиеся Штабом ВВС МВО приказы не подписывал, скрывал от военного министерства факты нарушений воинской дисциплины и чрезвычайных происшествий в соединениях округа.

Сталин о «художествах» сына, как правило, ничего не знал. Джуга, боясь огорчать больного Сталина и испытывая личную симпатию к Василию, молчал. Другие же что-либо сообщать Сталину о сыне долгое время просто не решались. Министр обороны Булганин, военачальники, Берия говорили Сталину о Василии только хорошее. И все же частично Сталин узнавал о его проступках и неоднократно за них его наказывал. После же того, как Василий Сталин имел неосторожность появиться в один из дней праздника авиации в Тушино перед И. В. Сталиным и членами Политбюро в нетрезвом состоянии, он был немедленно снят с должности командующего ВВС Московского военного округа и направлен на учебу в Монинскую военно-воздушную академию. Однако учиться он не пожелал и продолжал систематически пьянствовать, все больше и больше опускаясь.

Последние годы жизни отца Василий Сталин находился от него в отдалении и никаким уважением с его стороны не пользовался.

После смерти И. В. Сталина, будучи арестованным, Василий

Сталин в ходе следствия по его делу показал:

«Используя свое служебное положение, игнорируя советские законы и обманывая руководство военного министерства, я разбазарил крупные суммы государственных средств на мероприятия, не вызывавшиеся никакой необходимостью для боевой подготовки вверенных мне воинских подразделений. (…) Своим недостойным поведением, выражавшимся в систематическом пьянстве, сожительстве с подчиненными мне по службе женщинами, различного рода скандальных происшествиях, получивших широкую огласку, я фактически дискредитировал себя как командующий округом. (…) Дагаев и Соколов[7] приобретали для меня в Германии за валюту в больших количествах различные ценные вещи, материалы на десятки костюмов, несколько комплектов ценных сервизов и много других предметов домашнего обихода, счет которым я потерял».

На заданный вопрос: «Где вы брали иностранную валюту для приобретения вещей, которые вам привозили Дагаев и Соколов?» Василий Сталин сказал: «Я не имел валюты, и вещи, которые привозили мне Дагаев и Соколов из Германии, были куплены за счет валюты, выделенной для Военно-Воздушных Сил Московского военного округа».

2 сентября 1955 года Василий Иосифович Сталин был осужден на 8 лет лишения свободы.

После того, как Василий Сталин отбыл 6 лет и восемь месяцев тюремного заключения (в основном в тюрьме города Владимира), он был в 1960 г., в связи с тяжелым заболеванием сердца, желудка и сосудов ног, от оставшегося ему, по приговору суда, срока наказания освобожден.

Однако вскоре он был вновь арестован за попытку обратиться в китайское посольство с просьбой разрешить ему переехать на жительство в Китай, где он намеревался лечиться и работать.

В результате Василий Сталин был сослан, без права проживания в Москве, на пять лет в Казань, где 19 марта 1962 года умер.

Трагически сложилась судьба и у старшего сына Сталина — Якова Иосифовича Джугашвили, который в годы Великой Отечественной войны, будучи на фронте, попал в плен и погиб в застенках немецких фашистов.

В ходе выяснения обстоятельств его гибели было установлено, что 10 июля 1946 г. сотрудники оперативного сектора МВД СССР в Берлине арестовали бывшего сотрудника отдела «1-ц» Главного Штаба Центральной группы немецких войск Пауля Генсгера.

На допросе Генсгер показал: в 1941 г. в г. Борисове он, будучи переводчиком, участвовал в допросе старшего лейтенанта артиллерии Якова Джугашвили, сына Сталина. Допрос вел капитан отдела «1-ц» доктор Шульце, работник 5-го отдела Главного Управления имперской безопасности Германии. После допроса Яков Джугашвили был направлен в концентрационный лагерь Заксенхаузен. Вскоре в руках сотрудников оперативного сектора МВД СССР в Берлине оказались комендант лагеря «Заксенхаузен» штандартенфюрер СС (полковник) Кайндль и командир охранного батальона (дивизии «Мертвая голова»), несшего охрану этого лагеря, оберштурмбаннфюрер СС (подполковник) Вернер.

На допросе Кайндль показал: «В концлагере Заксенхаузен находился особый лагерь «А». В нем содержались генералы и старшие офицеры Красной Армии, английской и греческой армий.

В марте 1943 г. в барак № 2 лагеря «А» из лагерной тюрьмы по указанию Гиммлера были переведены два старших лейтенанта: Яков Джугашвили и родственник заместителя Сталина, Ю Молотова, — Кокорин.

От какого-либо сотрудничества с немецкими властями, находясь в Берлине, Яков Джугашвили категорически отказался, за что и попал в лагерь смерти Заксенхаузен.

Находясь здесь, держал себя замкнуто, администрацию лагеря никогда ни о чем не просил, кроме газет, по которым интересовался положением на фронте.

Свою фамилию не называл. Держал себя всегда независимо и с некоторым презрением к администрации лагеря».

Об *обстоятельствах гибели Якова Джугашвили* (выделено мною. — *В. Ж.)* Кайндль показал: «Лагерь «А» состоял из трех бараков, огороженных каменной стеной, и, кроме того, на расстоянии двух метров от стены были поставлены три забора из колючей проволоки. Через один из них был пропущен ток высокого напряжения. В конце 1943 г. арестованные барака № 2 были на прогулке около барака. В 7 часов вечера эсэсовец Юнглинг приказал зайти в барак. Все пошли. Яков Джугашвили не пошел и потребовал коменданта лагеря. Юнглинг повторил свое приказание, Яков Джугашвили отказался его выполнить. Тогда Юнглинг сказал, что пойдет звонить мне.

Во время разговора со мной по телефону Юнглинг сказал, что слышит выстрел, и повесил трубку. В это время происходило следующее. Яков Джугашвили, идя в раздумье, перешел через нейтральную тропу к проволоке. Часовой взял винтовку на изготовку и крикнул: «Стой!» Джугашвили продолжал идти.

Часовой крикнул: «Стрелять буду!» После этого окрика Яков Джугашвили начал ругаться, схватился руками за гимнастерку, разорвал ворот, обнажил грудь и закричал часовому: «Стреляй!» Часовой выстрелил в голову и убил Якова Джугашвили, который упал на первые два ряда колючей проволоки.

В таком положении убитый Джугашвили по моему указанию лежал 24 часа, пока не поступило распоряжение Гиммлера снять труп и отвезти на исследование в лагерный крематорий. Затем в крематорий приехали два офицера из Имперской безопасности, которые составили акт о том, что Яков Джугашвили убит ударом электрического тока высокого напряжения, а выстрел в голову последовал после. Что часовой действовал правильно, согласно инструкции.

После заключения профессоров тело Якова Джугашвили было сожжено в крематории, а пепел помещен в урну, которая была отправлена вместе с материалами расследования убийства Якова Джугашвили в Главное управление Имперской безопасности».

В заключение Кайндль сказал, что дело заключенного Якова Джугашвили хранилось у него в сейфе, но перед капитуляцией Германии он приказал адъютанту его сжечь.

Допрошенный Вернер показание Кайндля об обстоятельствах гибели Якова Джугашвили подтвердил. Гитлеровцы предлагали обменять Якова Джугашвили на плененного советскими войсками гитлеровского фельдмаршала Паулюса.

На предложение такого обмена Сталин произнес ставшую всемирно известной фразу: «Я солдат на маршалов не меняю».

Сталин тяжело пережил смерть сына. Вскоре после того, как ему сообщили о его гибели, у него имел место спазм сосудов головного мозга, возможно, было даже и небольшое кровоизлияние.

Обменять Якова Сталин не мог. Для него все попавшие в плен считались изменниками Родины. Не избежал этого, несмотря на его героическое поведение в плену, и Яков Джугашвили.

Не обошла беда стороной и дочь И. В. Сталина — Светлану Иосифовну, которую он самозабвенно любил.

Все чаще и чаще Сталин обращал внимание на непонятные странности в поведении дочери: то она на удивление застенчива, то впадала в беспричинную тоску, то ее охватывали приступы неудержимого бешенства и гнева. Ни с одним человеком она не могла долго поддерживать дружеские отношения, по пустякам без конца вступала в конфликты с окружающими.

Когда Сталин рассказал о своих сомнениях в поведении дочери Джуге, который по его приказу негласно лично осуществлял наблюдение за ее жизнью и лучше чем кто-либо знал

о присущих ей странностях, тот посоветовал показать ее, под чужой фамилией, психиатрам. После долгих колебаний Сталин согласился. Светлану, под видом диспансеризации, показали шести разным психиатрам. Диагноз всех шестерых был неутешительным: тяжелая форма шизофрении. Когда Джуга доложил Сталину заключение врачей, тот с горечью сказал: «И здесь больные гены жены, матери Светланы, достали меня».

Этот факт объясняет многие поступки Светланы Иосифовны Сталиной, сменившей фамилию на фамилию матери — Аллилуевой, которые она совершила после смерти отца.

Ну какая настоящая мать на земле, находясь в здравом уме, оставит навсегда своих несовершеннолетних детей, чтобы отправиться в Индию? Попав же оттуда в США, она поставит свое имя, как автора, под сфабрикованными Центральным разведывательным управлением США антисоветскими, антисталинскими книгами «Двадцать писем к другу» (1967 г.), «Всего один год» (1970 г.) и «Далекие звуки» (1984 г.), в которых выльет ушат помоев на своего великого отца.

В то же время есть все основания полагать, что хрущевцы умышленно вытолкнули Светлану Сталину, больного человека, из страны, отпустив ее в Индию, с тем, чтобы ЦРУ выкрало ее там и в дальнейшем использовало для компрометации коммунизма, заставив подписаться под гнусными фальшивками под видом «воспоминаний». Не случайно выход ее «воспоминаний» в свет совпал с подготовкой прихода к руководству в СССР злейшего врага советского народа, жалкой американской марионетки — Михаила Горбачева.

Таким образом, Светлана Иосифовна Сталина-Аллилуева никакая не изменница Родины, никакая не диссидентка, а просто тяжело больная и глубоко несчастная женщина, попавшая в руки международных мерзавцев и провокаторов.

6 середине июля 1949 года генерал Лавров доложил Сталину о полученном из Лондона сообщении о том, что второй секретарь Ленинградского горкома партии Яков Федорович Капустин, находившийся в Англии в служебной командировке, якобы завербован английской разведкой.

Сталин спросил:

— Источник сообщения надежный?

— До сих пор не подводил, товарищ Сталин, — ответил Лавров.

Сталин поднял трубку телефона, при помощи которого был напрямую связан с Абакумовым. Услышав ответ и по своему обыкновению не здороваясь, спросил:

— Что у вас есть на ленинградцев? В частности на секретаря

горкома Капустина?

Выслушав ответ Абакумова, Сталин приказал:

— Заинтересуйтесь Капустиным и его окружением.

После разговора с Абакумовым Сталин сидел молча, не нарушал установившееся молчание и Лавров. После продолжительного молчания Сталин продолжил беседу с Лавровым:

— Абакумов доложил, что он тоже по линии 2-го Главного Управления МГБ имеет кой-какие сигналы о Капустине, пока что непроверенные, и поэтому он мне об этом не докладывал. Капустин же, оказывается, близкий друг секретаря ЦК Кузнецова и первого секретаря Ленинградского обкома и горкома партии Попкова. Интересно, — задумчиво проговорил Сталин, — зачем Капустин понадобился англичанам? Навряд ли он нужен им как обычный шпион. Тут что-то кроется явно другое. Приезжай сегодня к восьми часам вечера вместе с Джугой ко мне ужинать в Волынское. Пусть он захватит все, что у него есть на ленинградских руководителей и особенно на Кузнецова и Вознесенского. Подумаем.

Ровно в восемь часов вечера Лавров и Джуга были на ближней даче Сталина в Волынском. Сталин встретил их у входа и провел в зал напротив входа, в котором стоял длинный стол, покрытый белой скатертью. Одновременно этот зал, находившийся рядом со спальней Сталина, служил местом заседаний Политбюро и столовой. Здесь уже все было приготовлено для трапезы. Во время ужина каждый обслуживал себя сам: клал на тарелку то, что выбрал. Никого из посторонних при беседах Сталина с Лавровым и Джугой никогда не было. Ни личная охрана Сталина, ни старшая сестра-хозяйка дачи Валентина Ивановна Истомина во время таких ужинов в зал не входили: таков был порядок, заведенный Сталиным. Лавров и Джуга незаметно приезжали в машине, стекла которой были наглухо закрыты шторами и так же незаметно уезжали. Впрочем, бывало это крайне редко: Сталин, в целях конспирации, предпочитал еженедельно встречаться с ними в другом месте, большей частью в своем кремлевском кабинете.

Как всегда, за ужином завязалась неторопливая беседа.

— Подтвердились сведения, что Молотов знал о крупных недостатках в авиационной промышленности и покрывал их? — спросил Джугу Сталин.

— На общем фоне успехов нашей авиации на фронтах он просто не придал им значения, — ответил Джуга.

— Значит, все-таки знал, — задумчиво проговорил Сталин. — Удивительно, почему Вячеслав не доложил мне об этом?..

Джуга положил вилку на тарелку с бараниной:

— Думаю, что, зная вашу любовь к авиационной промышленности, не хотел расстраивать.

Сталин усмехнулся:

— Скажи, какой филантроп нашелся!

Джуга возразил:

— Молотов, пожалуй, единственный до конца верный вам человек в Политбюро.

Сталин недовольно протянул:

— Верный, а о Шахурине и Новикове не доложил… Что с его женой?

Собравшийся продолжить ужин, Джуга вновь положил вилку на тарелку:

— Абакумов по-прежнему добивается от нее показаний о вражеской деятельности. Однако показаний такого рода Полина Жемчужина не дает.

— Значит, не признается? — спросил Сталин. — А что ты сам думаешь об этой даме?

Джуга ответил не задумываясь:

— Думаю, что была бы очень рада, если бы ее муж стал первым лицом в партии и государстве. Я же данными об участии ее в каком-либо антиправительственном заговоре пока не располагаю.

— Ну, ладно, — проговорил Сталин, — пусть действительно с ней разбирается Абакумов. С Молотова же глаз не спускайте, что-то он мне последнее время перестал нравиться, особенно после дела с авиаторами. Что есть о Кузнецове и Вознесенском?

До сих пор не принимавший участия в разговоре Лавров раскрыл папку и, перебирая записи, начал доклад:

— В Ленинграде, товарищ Сталин, сложилась крепко спаянная между собой группа, в которую входят Попков, Капустин, Лазутин, Турко, Закржевская, Михеев. В Москве им покровительствуют и всячески их поддерживают выходцы из Ленинградской партийной организации Вознесенский, Кузнецов и Родионов. На квартире Попкова, по случаю открытия в Ленинграде торговой ярмарки, было застолье, на котором помимо вышеуказанных лиц присутствовали и приехавшие из Москвы Вознесенский, Кузнецов и Родионов. Если вы разрешите, товарищ Сталин, я зачитаю наиболее характерные выдержки из высказываний собравшихся у Попкова.

Сталин в знак согласия кивнул головой.

Попков, находившийся в сильной стадии опьянения: «В последнее время товарищ Сталин, судя по всему, очень плохо себя чувствует. Похоже, что в скором времени он, по состоянию

здоровья, отойдет от дел. Надо бы подумать, кого будем выдвигать ему на замену».

Капустин: «А чего тут долго думать? У нас есть готовый Председатель Совета Министров СССР — наш дорогой Николай Алексеевич Вознесенский».

Попков: «Правильно говоришь. И кандидатура на пост Генерального секретаря ЦК ВКП(б) среди нас тоже есть. Предлагаю тост за будущего председателя Совета Министров Советского Союза Николая Алексеевича Вознесенского и будущего Генерального секретаря ЦК ВКП(б), нашего дорогого и любимого Алексея Александровича Кузнецова».

— И что же Вознесенский и Кузнецов? — перебил Лаврова Сталин.

— Промолчали, товарищ Сталин, но за предложенный тост выпили.

Попков: «Я давно хочу сказать об одной исторической несправедливости: почему нет Коммунистической партии РСФСР? Во всех республиках партии есть, а в РСФСР нет. Почему такая несправедливость?»

Кузнецов: «Конечно, это неправильно. Тем более и кандидатура на пост Первого секретаря ЦК Компартии РСФСР у нас в лице товарища Попкова есть. Да и пора уже давно объявить столицей РСФСР город Ленина».

Вознесенский: «Надо будет выйти с таким предложением на Политбюро».

Сталин задумчиво произнес:

— По-видимому, хотят вытащить основу из-под союзного правительства.

Джуга заметил:

— Пока это всего пьяная болтовня.

Постучав ножом по бокалу с боржомом, Сталин, недовольно посмотрев на Джугу, приказал:

— Не перебивай, вечная твоя манера — слушаешь только себя. — И назидательно добавил: — Запомни, все заговоры в истории начинались именно с «невинной» пьяной болтовни.

— Самое неприятное, — продолжил свой доклад Лавров, — что ленинградские руководители нанесли большой экономический урон стране.

— О каком уроне ты говоришь? — насторожился Сталин.

— На торговой ярмарке, которую Попков и Лазутин устроили в Ленинграде, не сумели своевременно продать продовольственные товары, свезенные в Ленинград со всей страны. Продукты испортились и оказались непригодными к употреблению. Нанесенный ущерб исчисляется астрономической

суммой в 4 миллиарда рублей.

Эта действительно по тем временам колоссальная сумма буквально потрясла невозмутимого Сталина, строго экономившего на всем, собиравшего по копейкам капиталовложения для экономического восстановления и дальнейшего развития страны. Лицо Сталина еще больше побледнело, что всегда было предвестником охватывающего его безудержного гнева. Свистящим шепотом он спросил:

— Кто разрешил ярмарку?

— Проведение ярмарки разрешил Вознесенский, а непосредственную ее организацию возглавлял заместитель министра торговли Крутиков.

— Немедленно обоих в тюрьму! — закричал Сталин.

Немного успокоившись, Сталин подошел к телефону и, подняв трубку, приказал Поскребышеву:

— Вызовите завтра ко мне в кремлевский кабинет к двум часам дня Вознесенского.

Подлил масла в огонь Джуга.

— А что вы ожидали, товарищ Сталин, от этих дураков? Задумывались ли вы, почему население Ленинграда в первые же месяцы войны оказалось в состоянии голода? Почему в городе не оказалось продовольственных запасов?

Все еще стоящий у телефона Сталин, недовольно повернулся в сторону Джуги:

— Почему?

— А потому, что перед войной ленинградские руководители сосредоточили стратегические запасы продовольствия города в Бадаевских складах на поверхности вместо того, чтобы упрятать их под землю. После начала войны немецкая авиация и диверсанты сожгли Бадаевские склады. Горящие масло и сахар рекой текли по улицам. Жданов, Кузнецов, Попков, Капустин — прямые виновники смерти более 600 тысяч ленинградцев, умерших от голода. За это их давно следовало расстрелять.

Сталин тяжело опустился на стул около телефона, плечи у него опустились, и он как-то весь сгорбился. Вина за гибель ленинградцев была поистине непомерной, часть ее непосредственно лежала на нем, как Генеральном секретаре ЦК ВКП(б) и Председателе Совета Народных Комиссаров СССР до войны, отвечающего за все, что происходило в стране.

— Пожалуй, пора, пора на пенсию, — вдруг проговорил Сталин.

Джуге до слез стало жалко Сталина, действительно старого и больного человека, которого он самозабвенно и верно любил столько лет, был готов за него в любую минуту отдать жизнь.

Надо сказать, что и Сталин платил Джуге тем же. Двадцатичетырехлетний красавец-генерал был одним из самых, если не самым близким ему человеком.

— Ну зачем же так расстраиваться, товарищ Сталин, — сдавленным от волнения голосом заговорил Джуга. — Не могли же вы, в самом деле, руководить организацией хранения продовольствия по всей стране…

Сталин был безутешен. И потом часто у него портилось настроение, если что-либо напоминало о ленинградской трагедии.

На следующий день ровно в два часа дня Вознесенский был в кремлевском кабинете Сталина.

Не здороваясь, Сталин спросил:

— Что у вас произошло в Ленинграде?

По тому, как побледнел от его вопроса Вознесенский, Сталин понял, что сведения, полученные от Лаврова и Джуги, были, как всегда, верными. После некоторого замешательства Вознесенский попытался скрыть правду, уйти от прямого ответа на вопрос Сталина и этим погубил себя.

— По-моему, все в порядке, товарищ Сталин, — сказал он.

— В порядке? — переспросил Сталин. — Четырехмиллиардный ущерб, который вы нанесли стране, называете порядком? И потом, как вы осмелились в Госплане без моего на то разрешения снизить план промышленного производства на первый квартал 1949 года? — И, не дав Вознесенскому ответить, приказал: — Кладите на стол партийный билет, он к вам попал случайно. На работу можете больше не выходить, считайте себя под домашним арестом.

После ухода Вознесенского Сталин приказал арестовать заместителя министра торговли Крутикова.

А тем временем среди партийного актива начали распространяться слухи: якобы Сталин в качестве своих преемников предполагает назначить на пост Генерального секретаря ЦК ВКП(б) Кузнецова, а Председателем Совета Министров СССР — Вознесенского.

2В июля 1949 года второй секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) Капустин был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Англии. Шесть дней Капустина в следственной части МГБ СССР по особо важным делам подвергали активному допросу, в ходе которого он не только признал факт его вербовки английской разведкой в Лондоне, но и дал показания, что в Ленинграде сложилась антисоветская, антипартийная группа во главе с членом Политбюро ЦК ВКП(б), заместителем Председателя Совета Министров СССР Вознесенским, секретарем

ЦК ВКП(б) Кузнецовым, которому поручено по линии ЦК наблюдение за органами государственной безопасности, Председателем Совета Министров РСФСР Родионовым и первым секретарем Ленинградского обкома и горкома партии Попковым. Что в эту группу помимо его, Капустина, входят: второй секретарь Ленинградского обкома и горкома партии Турко, председатель Ленгорисполкома Лазутин, заведующая орготделом Ленинградского обкома партии Закржевская. Всего с этой группой в той или иной степени связаны, твердо ее поддерживая, более 75 человек из среды ленинградского партийного актива. Что эту группу в свою поддержку, якобы еще в 1938 г., начал сколачивать член Политбюро Жданов, планировавшийся Сталиным на должность Генерального секретаря, если он, Сталин, вдруг уйдет в отставку по состоянию здоровья, и неожиданно умерший в 1948 году.

Через некоторое время лица, названные Капустиным как руководители и наиболее активные участники этой группы, были арестованы по обвинению в государственной измене и заговорщической деятельности. Вскоре Абакумов доложил Сталину подготовленное обвинительное заключение по делу арестованных. В нем говорилось:

«Кузнецов, Попков, Вознесенский, Капустин, Лазутин, Родионов, Турко, Закржевская, Михеев объединившись в 1938 году в антисоветскую группу, проводили подрывную деятельность в партии, направленную на отрыв ленинградской партийной организации от ЦК ВКП(б), с целью превратить ее в опору для борьбы с партией и ее ЦК.

Для этого пытались возбудить недовольство среди коммунистов ленинградской организации мероприятиями ЦК ВКП(б). Высказывали изменнические замыслы о желаемых ими изменениях в составе Советского правительства и ЦК ВКП(б).

В этих же целях выдвигали на ответственную партийную работу в ряд областей РСФСР своих единомышленников.

При активном участии Вознесенского и Родионова проводили вредительство в планировании и распределении материальных фондов в ущерб интересам государства, отдавая предпочтение тем областям, у руководства которых находились их единомышленники, снижали для них через Вознесенского задания государственных планов. В Госплане СССР, которым руководил Вознесенский, было утрачено значительное количество документов, составляющих государственную тайну СССР.

Без ведома и разрешения Правительства провели в Ленинграде Всесоюзную оптовую ярмарку, нанесшую большой экономический ущерб стране.

Кузнецов, Попков, Капустин, Лазутин, Турко, Закржевская и Михеев расхищали государственные средства и пользовались ими для личного обогащения».

— В чем, на ваш взгляд, главная вина обвиняемых? — спросил Сталин Абакумова.

— В попытках взорвать партию изнутри и узурпировать партийную власть, в навязывании Ленинградской партийной организации в качестве ее руководителей разложившихся людей — пьяниц и воров, обкрадывавших партию и государство, — твердо и уверенно ответил Абакумов.

Сталин задал Абакумову второй вопрос:

— Признали свою вину обвиняемые?

— Полностью признали, товарищ Сталин, — ответил Абакумов.

Детально разбираться в деле «ленинградцев» Сталин по состоянию здоровья не смог.

29 — 30 сентября 1950 г. Военная Коллегия Верховного Суда СССР в открытом судебном заседании рассмотрела уголовное дело по обвинению Кузнецова, Попкова, Вознесенского, Капустина, Лазутина, Родионова, Турко, Закржевской, Михеева.

Входе судебного заседания обвиняемые свою вину признали полностью.

Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила Кузнецова, Попкова, Вознесенского, Капустина, Лазутина и Родионова к расстрелу.

По распоряжению Сталина Маленков, Берия и Булганин допросили Вознесенского и пришли к выводу, что он виновен в предъявленных ему обвинениях. В подписанной ими докладной записке на имя Сталина говорилось:

«Товарищ Сталин! По Вашему указанию Вознесенского допросили и считаем, что он виновен».

После того как Сталин лично, в присутствии Абакумова, передопросил Вознесенского и Кузнецова и они полностью признали свою вину, приговор был приведен в исполнение.

Обвиняемые Турко был осужден на 15 лет тюремного заключения, Закржевская и Михеев — на 10 лет.

Охота на Берию

После ареста Абакумова генерал Джуга продолжал негласное наблюдение за работой нового руководства МГБ СССР. Большие сомнения вызывали у него две новые ключевые фигуры министерства, пришедшие на эти посты из ЦК ВКП(б): сам новый министр Государственной безопасности Игнатьев и его заместитель по кадрам Епишев, бывший первый секретарь Одесского обкома партии, человек с весьма сомнительными связями. В продвижении их на эти должности особенно усердствовали Маленков и Берия, с которых Джуга не спускал глаз ни днем, ни ночью, фиксируя каждый их шаг.

Назначение Игнатьева и Епишева в МГБ СССР состоялось вопреки протестам Джуги, который доказывал Сталину, что они, не являясь профессионалами, ничего не смыслят в работе органов государственной безопасности и обязательно превратятся, если уже не превратились, в марионеток в чужих руках. Как когда-то с назначением Абакумова, Сталин не посчитался с мнением Джуги.

Джуга, которому после 1949 г. становилось все более и более трудно работать со Сталиным, начал всерьез подумывать об отставке, тем более что он был абсолютно лишен тщеславия и всегда тяготился своей должностью, мечтал о том времени, когда сможет заняться научной работой. После 1949 г. Сталин стал совершенно другим человеком. Если до этого они с Джугой понимали друг друга с полуслова, в буквальном смысле этого слова, то теперь чуть ли не каждый доклад сталинского любимца приводил к спорам и откровенно конфликтным ситуациям. В результате Сталин стал все меньше и меньше прислушиваться к рекомендациям генерала Джуги, однако расстаться с ним. по одному ему известным причинам, упорно не хотел.

Когда в одну из серьезных размолвок Джуга в девятый раз попросил Сталина разрешить ему оставить должность и, демобилизовавшись, перейти на научную работу, Сталин, по своему обыкновению помолчав, сказал:

— Выбрось это из головы. Вот умру, тогда ты и освободишься. А до этого будешь при мне. — Снова помолчав, добавил: — И чего тебе только не хватает? Кажется, имеешь все: в двадцать три года стал генералом, да еще каким! Побил всех врагов. И все тебе мало? А еще говоришь, что живешь для народа.

Не любивший жаловаться на трудности, всегда плотно застегнутый на все пуговицы, Джуга вдруг разоткровенничался:

— Живу очень плохо, товарищ Сталин. Шестой год не был в отпуске, личной жизни никакой, одна работа без конца и без

края. Больше всего на свете люблю розы, а приходится, извините, товарищ Сталин, ковыряться в человеческом дерьме.

Сталин, с удивлением взглянув на так непохожего на себя Джугу, которому всегда все было нипочем, который вообще не признавал трудностей, никогда по-настоящему не волновался и не выходил из себя, произнес:

— Жалуешься, что трудно живем? На то мы и революционеры-первопроходцы, прокладывающие путь народам к коммунизму. Жизнь так коротка, а сделать нужно успеть так много, поэтому и работаем порой без выходных, по 16 часов в сутки. И потом, как же мы, профессиональные революционеры, люди старшего поколения, которых судьба без отдыха и срока гоняла в царские времена по всем этапам и тюрьмам? Разве мы когда-нибудь пожаловались на трудности своей действительно нелегкой жизни? Вот, например, ты. Разве тебе когда-нибудь приходилось за Полярным кругом, как мне, южному человеку, в лютый мороз ловить лосося, чтобы в буквальном смысле не умереть с голоду? Или как мне, в сорокаградусный мороз, со сломанной рукой в один из побегов из ссылки, провалившись в полынью, обледенелому, восемнадцать километров добираться до ближайшего жилья? Вот это действительно трудности. А ведь не жаловались. — И вдруг примирительно сказал: — Ладно, не обижайся. Пойдем обедать, ведь мы, старики, любим поворчать на молодежь. А вообще ты молодец.

Возвратившись от Сталина, генерал-лейтенант Джуга прошел в свой кабинет. Приласкав радостно встретившего его огромного боксера, который в отсутствие хозяина охранял кабинет, Джуга отключил сигнализацию, открыл дверь несгораемого шкафа, — ее не пробил бы и бронебойный снаряд, и достал объемистую папку.

Немного потеснив красавца кота, сладко спавшего на письменном столе, и удобно устроившись в кресле, Джуга прочитал название папки.

Совершенно секретно. Дело-формуляр.

Кличка фигуранта: «Сексуальный маньяк в калошах».[8]

Окраска «ШП» (шпионаж).

Раскрыв папку, Джуга прочитал:

Справка

«Берия Лаврентий Павлович, 1899 года рождения, якобы (не исключено, что это легенда и Берия не то лицо, за которое себя выдает) уроженец селения

Мерхеули, Сухумского района, Абхазской АССР. Окончил техническое училище и два курса Бакинского политехнического института.

Якобы в 1919 году вступил в ряды большевистской партии и работал в подполье.

В 1921 при содействии председателя ЧКАзербайджана Багирова назначается начальником секретно-политического отдела и заместителем председателя Азербайджанской ЧК.

С 1923 г. по 1931 год председатель Главного Политического Управления (ГПУ) Грузинской ССР.

С 1931 по 1938 гг. — первый секретарь Закавказского крайкома ВКП(б) и первый секретарь ЦК Коммунистической партии Грузии.

В августе 1938 года назначен заместителем наркома внутренних дел СССР и начальником Главного Управления Государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР, в ноябре этого же года назначен Народным комиссаром внутренних дел Союза ССР.

В настоящее время член Политбюро ЦК ВКП(б), заместитель Председателя Совета Министров СССР, Председатель Комитета по атомной промышленности.

Герой Социалистического Труда, награжден четырьмя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Суворова первой степени.

В июле 1945 года Берии Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено воинское звание Маршал Советского Союза.

Основанием для заведения дела-формуляра на Берию послужило возникшее подозрение, что он является агентом английской разведки, а затем, якобы, был перевербован эмиссаром американского Нью-Йоркского антисоветского центра, как агент внедрен на длительное оседание с тем, чтобы, добившись со временем высшего поста в партии и государстве, совершить государственный военнофашистский переворот и реставрировать капитализм в Советском Союзе, добиться его распада и превращения во второразрядную державу, сырьевой придаток развитого капиталистического Запада.

По распоряжению товарища Сталина с 1946 года Берия отстранен от руководства органами государственной безопасности страны и с этого времени активно разрабатывается личной стратегической

контрразведкой вождя. Однако, поскольку в ходе осуществления многочисленных агентурно-оперативных мероприятий серьезных и заслуживающих доверия подтверждений его вражеской деятельности не получено, продолжает занимать высокие партийные и государственные посты, возглавляя работы, связанные с самыми большими секретами государства.

Выдачи секретов СССР иностранным разведкам со стороны Берии не зафиксировано.

Входе агентурно-оперативной разработки Берии и его ближайшего окружения установлен ряд его связей, представляющих несомненный оперативный интерес.

Так, несколько раз особняк Берии на улице Качалова в Москве посещала жена помощника военного атташе американского посольства в Москве — сотрудника Центрального разведывательного управления США.

Прикрепленный от Главного Управления охраны МГБ СССР к Берии в качестве начальника его личной охраны полковник Саркисов, осуществляющий по личному приказу товарища Сталина повседневное наблюдение за Берией, доложил, что тот не знал, что эта женщина является женой американского дипломата и использовал ее в интимных целях как обыкновенную проститутку. Саркисов познакомился с этой женщиной в Столешниковом переулке Москвы и лично привез ее в особняк Берии».

Перевернув несколько страниц, Джуга прочитал подколотый к справке рапорт полковника Саркисова, в котором говорилось:

«У Берии сотни женщин. В каждом переулке, на каждой улице. Берия специально разъезжает по улицам Москвы, особенно по ул. Горького и Столешникову переулку. Выискивает женщин с привлекательной внешностью, заставляет меня и других сотрудников охраны узнавать фамилии и адреса этих женщин, после чего заводит с ними знакомство, завозит в свой особняк и там сожительствует с ними.

Длительное время сожительствовал с несовершеннолетней семиклассницей, которая родила от него сына и которая в настоящее время вместе со своей матерью проживает на одной из государственных дач.

Других детей, рожденных от многочисленных связей с женщинами, Берия направляет в детские дома».

Далее в справке сообщалось:

«Будучи в 1943 г. в служебной командировке на Кавказе, Берия имел беспорядочные половые сношения с проститутками, в результате заразился сифилисом.

Представляют оперативный интерес и связи жены Берии, которые она поддерживает с представителями грузинской эмиграции в Париже.

Жена Берии, урожденная грузинская княжна Нина Теймуразовна Гегечкори, поддерживает письменную связь со своим дядей князем Евгением Гегечкори, одним из лидеров белогвардейской эмиграции в Париже, в прошлом активным меньшевиком, являющимся агентом американской и английской разведок.

Водном из писем к жене Берии из Парижа Е. Гегечкори писал: «Время от времени, несмотря на многое, нас разделяющее, ты проявляешь внимание к своему старому дяде».

Писем жены Берии к Гегечкори в Париже не обнаружено. Возможно, что они уничтожались по прочтении адресатом.

До войны эта переписка велась при помощи одного из родственников Нины Гегечкори, который в 1938 году после возвращения из одной из таких поездок в Париж был убит одним из ближайших подручных Берии комиссаром государственной безопасности Сергеем Гоглидзе.

Помимо вышеприведенных фактов во время секретного обыска, проведенного в кабинете Берии в Кремле, в сейфе был обнаружен документ, подтверждающий, что в 1919 г. в г. Баку Берия работал в муссавитской контрразведке, являющейся филиалом английской разведки. В приказе о зачислении Берии на работу в эту организацию говорилось:

«Зачислить Берия Л. П. агентом по наружному наблюдению с месячным окладом в 800 рублей».

На папке, в которой хранился этот документ, рукой Берии написано: «Передал мне тов. Багиров 1.XI.1939 г.» Копия этого документа была доложена товарищу Сталину, который сказал, что об этом факте из биографии Берии ему известно с 1937 года и что Микоян утверждает, будто Берия работал в муссавитской контрразведке по заданию подпольной большевистской организации.[9]

Входе разработки Берии прямых связей Берии с иностранными разведками, как и сам факт его вербовки ими, установить пока что не удалось.

Факты возможных связей Берии с иностранными разведками косвенные и требуют дополнительной проверки. Прямых фактов вредительской деятельности Берии в области экономики и организации обороны страны, а также шпионажа, в ходе разработки не установлено.

Однако ряд фактов из деятельности Берии, опять же косвенно, могут быть расценены как вредительство и шпионаж.

Факт первый:

Начальник Первого Главного Управления Совета Министров СССР Завенягин доложил Берии, что американцы строят новые большие заводы по производству взрывчатых атомных веществ. Тратят на это дело огромные средства и нам нужно тоже начинать новые строительства в этом отношении, иначе мы можем отстать и существенно ослабить обороноспособность Советского Союза.

Берия ответил: «К черту, вы тратите много денег, укладывайтесь в пятилетку», — и ставить вопрос о финансировании такого рода работ перед товарищем Сталиным не стал.

Факт второй:

Советский Союз хорошо обеспечен урановым сырьем. Однако значительная доля этого сырья почему-то добывается за границей. Когда Берии предложили, в интересах обороны страны, провести дополнительные разведки урановых залежей в стране, он ответил: «Нет, вам не надо заниматься разведками урана в СССР. В Германской Демократической Республике урана не меньше, чем имеют в своем распоряжении США».

А если, по какой-либо причине, потеряем ГДР? Значит, сразу окажемся без крайне важного для нас поступления уранового сырья.

Подозрение в шпионаже. Берия крайне интересуется, под видом необходимости рассмотрения вопросов, ракетным вооружением армии и флота, собирает материалы военного характера, составляющие большую военную тайну и которые не имеют прямого отношения к его служебной деятельности.

Берия интересуется следующими вопросами:

1. Что могут противопоставить наши военно-морские силы американскому и английскому флотам;

2. Что из себя представляет наша военно-морская береговая оборона;

3. Какова противовоздушная оборона страны, в частности зенитная артиллерия, ее эффективность;

4. Особенности наших военных самолетов: потолок, вооружение.

Благодаря своевременно принятым мерам Берия этих сведений не получил.

В то же время Берия имеет очень большие заслуги в деле развития народного хозяйства и укрепления обороноспособности страны как накануне, так и в годы Великой Отечественной войны. В предвоенный 1940 г. строительные организации Народного комиссариата внутренних дел СССР под руководством Берии выполняли 13 % капитального строительства страны, а в течение трех лет Великой Отечественной войны, начиная с 1941 г., — седьмую часть.

Особенно велика роль Берии в развитии металлургической промышленности, сыгравшей решающую роль в достижении победы в войне с немецким фашизмом.

Под непосредственным руководством Берии в кратчайшие сроки были построены:

• прокатные станы общей производительностью 542 тысячи тонн проката в год;

• три доменные печи, дававшие 980 тысяч тонн чугуна в год;

• 16 мартеновских и электроплавильных печей, дававших 445 тысяч тонн стали;

• четыре коксовые батареи, дававшие 740 тысяч тонн кокса в год;

• угольные шахты и разрезы, дававшие 6790 тысяч тонн угля в год.

Поистине неоценим вклад Берии в развитие авиационной промышленности.

В течение полутора лет с начала Великой Отечественной войны под руководством Берии был построен и начал действовать Безымянский комплекс авиационных заводов в пригороде г. Куйбышева, в который вошли десять крупнейших авиационных заводов, продукция которых сыграла существенную роль в достижении победы в Великой Отечественной войне.

Как член Государственного Комитета Обороны Берия имел большие заслуги в годы Великой Отечественной войны и в руководстве органами государственной безопасности в ходе ликвидации немецко-фашистской агентуры.

Под непосредственным руководством Берии в СССР создана атомная бомба, готовятся испытания водородной бомбы, которая, судя по ходу работ, будет создана раньше американской.

Вышеизложенное лишний раз доказывает, враг не только вредит, но и вынужден в целях надежной маскировки делать и полезную работу, в противном случае его было бы крайне легко разоблачить.

Таким образом, Берия — талантливый организатор. В то же время по характеру трусливый, вероломный и циничнолживый человек, способный на любую подлость и низость в борьбе за власть, беспринципный карьерист.

Вот как, например, Берия создал себе «ореол революционера».

В августе 1937года по рекомендации Берии министром внутренних дел Армянской ССР был назначен один из его приближенных, генерал-майор Григорян, которому Берия дал рекомендацию для вступления в партию.

Характеризуя «революционную» деятельность Григоряна, Берия писал: «Настоящим подтверждаю, что т. Григорян Хорен состоял в рядах Красной Гвардии в команде Совета рабочих, красногвардейских и матросских депутатов в 1918 г. во время мартовских событий в г. Баку. Эта команда возглавлялась мною. Берия».

Входе проверки установлено, что такой команды красногвардейцев, о которой пишет Берия, в Баку вообще не существовало, а сам Берия никакого участия в подавлении контрреволюционного мятежа муссаватистов в 1918 г. в г. Баку, как и Григорян, не принимал.

Фальшивую справку Берия выдал в свое время и активному в прошлом меньшевику с 1905 года некоему Сумбатову-Топуридзе, который по утверждению Берии будто бы в 1918 году являлся членом одной из большевистских организаций. Это позволило Сумбатову-Топуридзе вступить в ВКП(б) (как известно бывших меньшевиков в партию не принимали) и впоследствии занять пост наркома внутренних дел Азербайджанской

СССР. Когда же Берия был назначен наркомом внутренних дел СССР, Сумбатов-Топуридзе стал начальником одного из управлений НКВД СССР.

Изучение личности Берии дает все основания полагать, что подозрения, послужившие основанием для заведения на него дела-формуляра, справедливы.

Генерал-лейтенант А Джуга.

11 марта 1952 г.

Не успел Джуга еще раз перечитать справку о Берии, как зазвонил телефон. Ему доложили, что по его приказанию один из ближайших сподвижников Берии, бывший министр государственной безопасности СССР Всеволод Меркулов, тайно арестован и через сорок минут будет привезен в загородную резиденцию. Джуга встал, устало потянулся и направился к выходу. Предстоял тяжелый разговор с Меркуловым, от которого зависело очень многое, в том числе и судьба самого Берии.

Через час Джуга входил в свою загородную резиденцию и, не раздеваясь, сразу спустился в бетонированный подвал, где уже стояли стол и два стула.

Через несколько минут ввели бледного, явно растерянного Меркулова.

— Садитесь, генерал, разговор нам предстоит серьезный, — тихо проговорил Джуга.

Меркулов тяжело опустился на предложенный стул, тщетно пытаясь унять дрожь пальцев.

— Начнем с того, — продолжил Джуга, — что я действую по приказу товарища Сталина.[10] Вот мой мандат, ознакомьтесь.

Меркулов, не беря протянутый Джугой документ, так же тихо проговорил:

— Не надо документа, и так вижу, с кем имею дело.

— Нет, нет, вы все-таки прочитайте, — настоял Джуга.

Взяв из рук Джуги документ, Меркулов прочитал:

«Особоуполномоченный при Председателе Совета Министров СССР по делам стратегической контрразведки генерал-лейтенант Джуга выполняет специальное задание особой государственной важности и секретности. Всем партийным, советским и военным руководителям, представителям органов МВД и МГБ СССР оказывать ему всемерное содействие и беспрекословно выполнять все его указания.

Председатель Совета Министров СССР И. В. Сталин».

— Что требуется от меня? — спросил Меркулов, возвращая документ.

— Очень немного, генерал. Вы должны подробно рассказать о замыслах и ближайших планах вашего патрона Лаврентия Берии. Сделать это предельно правдиво и откровенно. И тогда с вами будет все хорошо. Если же вы слукавите или, что еще хуже, откажетесь от моего предложения, вас придется подвергнуть активному допросу. Что это такое, не вам объяснять. Вам, бывшему министру государственной безопасности СССР и старому бериевскому костолому, это хорошо известно.

— Неужели вы будете меня пытать? — с дрожью в голосе спросил Меркулов.

— И еще как! — ответил Джуга. — Так что соглашайтесь на мое предложение. У вас нет другого выхода.

— Почему нет, — прошептал Меркулов. — Есть выход — умереть.

Джуга рассмеялся:

— Было бы за что. Впрочем, если вас такой выход устраивает, попробуйте его. Одним изменником Родины будет меньше. Но я вам твердо обещаю, что умереть быстро я вам не позволю. При допросе будет присутствовать весьма квалифицированный врач. Если же расскажете все честно и правдиво, гарантирую вам благополучное возвращение в город и то, что о ваших показаниях Берия, находясь на свободе, никогда ничего не узнает.

С надеждой в голосе, внимательно посмотрев на Джугу, Меркулов спросил:

— Обещаете мне, генерал, если я расскажу правду о Берии, что я буду помилован Сталиным и меня не уничтожат вместе с Берией?

— Слово коммуниста, — обнадежил его Джуга. — Я даже не буду записывать ваши показания, — пообещал он.

— Последнее время, — начал свои показания Меркулов, — Берия очень нервничает. Он неоднократно говорил мне, что «мингрельское дело», по которому арестовано все руководство Грузинской ССР и среди которого большинство людей рекомендовано на свои посты им, Берией, задумано неспроста.

Берия убежден, что Сталин задумал, по каким-то своим, только ему одному известным соображениям, уничтожить его, Берию, и близких к нему людей. Ведь не случайно Сталин сказал новому министру МГБ СССР Игнатьеву: «Ищите большого мингрела», явно подразумевая под этим его, Берию.

Меркулов, переведя дух, продолжал:

— Но Берия говорит, что он не барашек и не будет безропотно ждать, пока его зарежут.

— И что он намерен предпринять? — спросил Джуга.

— Об этом он не говорит. Однако попросил меня и Гоглидзе поискать, не найдется ли среди чекистов из личной охраны Сталина, которых мы знаем по прежней работе в органах государственной безопасности, людей, которые, видя, что Сталин по состоянию здоровья приближается к концу своей жизни, захотят найти нового хозяина.

— Ну, и нашли таких людей в охране Сталина?

— Думаю, что нет. Да и сам Берия навряд ли верит, что он таких людей найдет. Недаром обратившись к нам с такой просьбой, Берия с мрачным юмором предложил тост: «Выпьем за наше безнадежное дело». А вообще Берия мечется и, как мне кажется, просто не знает, что делать. Он все время повторяет: нам бы только дожить, когда Сталин уйдет из жизни естественным путем, и тогда мы себя покажем. А вообще о своих конкретных планах Берия с нами особенно не откровенничает.

— Кого Берия подразумевает под словом «мы»? — задал новый вопрос Джуга.

— Меня, Гоглидзе, двух братьев Кобуловых — Богдана и Амаяка, Цанаву, Деканозова и Мешика, всех, кого привез с собой из Грузии, когда в 1938 г. был назначен на пост наркома НКВД СССР.

— Ну вот, видите, — удовлетворенно проговорил Джуга, — быстро и хорошо договорились. Сейчас вас отвезут в Москву. И помните, о нашем разговоре никому ни слова. Если нарушите этот запрет, вы — покойник.

И, как бы не замечая протянутой ему руки Меркулова, Джуга поднялся.

Поднявшийся со стула вслед за ним Меркулов вдруг страшно захрипел и начал валиться. Не подхвати его вовремя Джуга, он наверняка разбился бы о цементный пол подвала.

Открыв глаза, Меркулов прохрипел:

— Сердце, невероятная боль…

— Этого нам только не хватало, — проговорил Джуга и приказал подскочившему офицеру: — Немедленно отвезите генерала в больницу на Грановского, — и, обратившись к Меркулову, успокоил: — Сейчас вас доставят в больницу, и все будет хорошо.

— Мне кажется, что я умираю, — прошептал Меркулов.

В больнице у него обнаружили обширный инфаркт миокарда. И он надолго выбыл из строя, превратившись в инвалида. Одним

заговорщиком на какое-то время стало меньше.

Правда, после «профилактической» беседы с Джугой он уже ни на что не годился.

После разговора с Меркуловым, окончательно убедившись, что Берия — заговорщик, Джуга решил во что бы то ни стало убедить Сталина в необходимости его ареста. В дополнение к показаниям Меркулова благоприятный случай дал в руки Джуги важный документ, дающий все основания заподозрить Берию и его друзей в предательской деятельности.

В один из вечеров в Москве, в особняке Берии на улице Качалова, собрались его ближайшие «соратники» — генералы, смещенные Сталиным вместе с Берией в 1946 году с руководящих постов в органах государственной безопасности, Богдан Кобулов, Деканозов и Мешик.

Зная, что все его разговоры, как и разговоры других членов Политбюро, прослушиваются и записываются соответствующей аппаратурой, Берия специально для записи произнес «прочувственный» и «верноподданнический» монолог в надежде, что запись попадет в руки Сталина.

— Последнее время, — говорил Берия, — кто-то упорно стремится очернить меня в глазах товарища Сталина, которому я служил и служу верой и правдой. Думаю, что это месть за ту расправу, которую я учинил в отношении врагов народа, будучи наркомом НКВД СССР.

Но товарища Сталина не проведешь. Он видит на семь метров вглубь под землю. Товарищ Сталин не даст своего верного слугу в обиду. Разве не Берия сделал столько полезного во время войны? Ведь недаром мне товарищ Сталин присвоил звание Маршала Советского Союза. А создание атомной бомбы?

Произнося эти слова, Берия в то же время на лежащем на столе блокноте, в волнении излишне сильно нажимая на карандаш, написал: «Будьте крайне осторожны. Мы буквально ходим по лезвию ножа. Один неверный шаг, и мы все погибнем».

Дав прочитать эту запись своим гостям, Берия вырвал листок из блокнота и сжег его в стоящей на столе пепельнице. В это время ему передали, что его срочно вызывает Сталин. Оставив блокнот на столе, Берия выбежал из комнаты: Сталин ждать не любил. Ушли и гости. В блокноте остался лист, на котором четко проступали продавленные карандашом Берии слова записки. Через час этот лист из блокнота был у Джуги. Когда продавленные в блокноте слова обвели, чернилами, текст сожженной записки был восстановлен. Джуга немедленно доложил эту записку Сталину.

Прочитав ее, тот сказал:

— И это твое доказательство измены Берии косвенное. Вероятно, он почувствовал, что на него идет охота, и естественно волнуется. Ты где-то грубо сработал — и в санкции на арест и активный допрос Берии отказал.

Отпуская Джугу, Сталин сказал:

— Если даже действительно придется арестовать Берию, допрашивать его тебе я не позволю. В твоих руках он признает все, что угодно: даст показания, что он вовсе не Берия, а сбежавший из Пекина бывший китайский император. Пусть его допрашивают Игнатьев и Рюмин. Так будет вернее.

Крайне раздосадованный отказом Джуга, твердо уверенный, что жизни Сталина со стороны Берии угрожает опасность, пошел на отчаянный шаг: решил без ведома Сталина ликвидировать Берию, инсценировав его самоубийство.

Заполучив при помощи Саркисова один из пистолетов, принадлежащих Берии, Джуга встретился со своей сотрудницей, носившей псевдоним «Лилиан». Это была девушка удивительной красоты и изящества, блондинка с золотистыми волосами и небесно-голубыми глазами, которые в зависимости от ее настроения становились то серыми, то зелеными. В двадцать лет, отлично поработав в Польше, Закарпатской Украине и Литве, она уже имела звание капитана государственной безопасности и была награждена двумя орденами Красного Знамени и орденом Красной Звезды.

Лилиан фактически была женой Джуги — ее он нежно и трогательно любил. Никаким Дон Жуаном Джуга в действительности не был, а слухи о его якобы многочисленных связях с женщинами поддерживал сам лишь с целью, чтобы уберечь от посторонних глаз действительно близкого и дорогого ему человека. О многолетней связи Джуги с Лилиан знал лишь один Лавров.

Встретив около театра оперетты Лилиан, Джуга медленно пошел с ней по Пушкинской улице в сторону Страстного бульвара.

— Есть задание чрезвычайной важности, — заговорил он, — которое я могу поручить только тебе. Жизни товарища Сталина угрожает опасность и нужно как можно скорее ликвидировать Берию. Сегодня в двадцать часов в Столешниковом переулке тебя встретит начальник охраны Берии Саркисов и отвезет к нему в особняк. Ему, поставщику для хозяина живого товара, сделать это весьма удобно. Когда же этот сифилитичный боров по своему обыкновению начнет нагло приставать к тебе с сексуальными домогательствами, ты, защищая свою честь, выстрелишь ему в висок, после чего вложишь пистолет в его правую руку и

покинешь особняк. Это нетрудно сделать, так как при интимных встречах Берии с женщинами и проводах их из его охраны никто, кроме Саркисова, не присутствует. Однако на всякий случай мы будем на улице наготове и в случае необходимости сейчас же придем к тебе на помощь. Вот возьми папку, в ней пистолет Берии.

В 20 часов ВО минут Лилиан позвонила Джуге и сказала, что Саркисов на встречу в Столешниковом переулке не явился. Не успел Джуга положить трубку телефона на рычаг, как позвонил Поскребышев и передал, что его срочно вызывает к себе в Волынское Сталин.

Таким разгневанным и возмущенным Джуга еще Сталина не видел.

— Как ты посмел без моего разрешения, — гневно заговорил Сталин, — решиться на ликвидацию Берии, да еще таким бандитским способом? Неужели ты действительно не понимаешь, что членов Политбюро нельзя ликвидировать без суда, да еще на основании только подозрений? Ведь у тебя и у Лаврова нет ни одного веского факта, который подтверждал бы измену Берии. Разве ты забыл, что именно под руководством Берии создана атомная бомба?

— Под вашим руководством, товарищ Сталин, — возразил Джуга.

— Не имеет значения, — продолжал Сталин, — все равно вклад Берии в создание атомной бомбы очень большой. Если Берия действительно виноват, его будет судить Военная Коллегия Верховного Суда.

И, не желая выслушивать оправданий и возражений Джуги, сделавшего было попытку что-то еще сказать. Сталин закончил:

— Одним словом, я отстраняю тебя от работы, пошел вон и не показывайся мне на глаза, но из Москвы не отлучайся.

Может быть, если бы Джуга попросил прощения, то все бы еще как-то и уладилось. Но Джуга прощения не попросил.

После того, как Сталин неожиданно перед XIX съездом партии изменил план об обновлении состава Политбюро и не только не вывел из него переродившихся старых членов, но и довел его до 25 человек, пополнив кандидатурами, подобранными Маленковым, которых Джуга назвал «политической шпаной», среди которых половина изменников, он твердо решил уйти в отставку.

Сталин, по-видимому, ожидал, что Джуга попросит прощения, и с удивлением смотрел, как тот, пожелав вождю здоровья и долгих лет жизни, твердыми шагами выходил из его кабинета.

По дороге в Москву Джуга в машине тщательно проанализировал провал задуманной им акции в отношении Берии. Кто мог проинформировать Сталина? Лилиан исключалась, оставался Саркисов. Это предположение было верным. Получив задание встретиться с Лилиан, перепуганный и крайне осторожный Саркисов, который, как начальник охраны Берии, отвечал за его жизнь головой, решил перестраховаться. Через Поскребышева он добился телефонного разговора со Сталиным, которого и проинформировал о том, что Джуга задумал ликвидацию Берии.

Сталин намеченную Джугой операцию запретил. На этот раз Берия уцелел.

Приехав на квартиру Лилиан, Джуга продолжал обдумывать сложившуюся обстановку.

Удобно расположившись на диване и взяв в руки гитару, перебирая струны, он машинально напевал один и тот же куплет:

Все прошло, все промчалось в невозвратную даль.

Ничего не осталось, только грусть, да печаль.

— Что случилось? Почему не пришел Саркисов? — спросила встревоженная Лилиан.

Отбросив гитару, Джуга с усмешкой весело проговорил:

— Все, полная отставка. Саркисов доложил вождю и у нашего шефа наконец, на мое счастье, лопнуло терпение. — И вдруг, став серьезным, добавил: — Сегодня вечером ты вылетишь в Албанию к Энверу Ходже. Документы заготовлены на этот случай давно. Побудешь там месяц, другой, пока тут все успокоится. Хорошенько отдохнешь на берегу Адриатического моря. С тобой поедут Серго и Людмила. Хочу, чтобы тебя хорошо охраняли, хотя это и не нужно, мой верный друг Ходжа позаботится об этом.

— А ты? — спросила Лилиан. — Как же ты? — повторила она. И вдруг добавила: — Без тебя я никуда не поеду. Я тебя одного не брошу.

В глазах Джуги заплясали веселые огоньки. Нежно обняв и прижав к себе Лилиан, он проговорил:

— В твоей преданности и любви никогда не сомневался, но ты поступишь так, как я прикажу. Официально я еще твой начальник. Оставаться тебе в Москве опасно. Мне показалось, что товарищ Сталин настолько слаб и болен, что может умереть в любую минуту. А тогда марионетки типа оставшегося, к сожалению, в живых Берии и Маленкова пойдут в ход, действительно придут к руководству страной. При таком раскладе нам с тобой можно будет ожидать любых неприятностей. Где гарантия, что Саркисов, которого Берия сейчас же после смерти Сталина поспешит убрать: слишком

много о нем знает, на активном допросе не проговорится, что получал задание принять участие в его ликвидации.

Так что очень прошу тебя принять мое предложение. За меня же не волнуйся. Со мной никогда ничего не случится. Такой серый волк, как твой любимый, никому не по зубам. Кто на него замахивается, неизменно умирает. Так что месяца два тебе придется поскучать в Албании в одиночестве, без меня, а там посмотрим. Может быть, и я приеду к тебе отдыхать, если, конечно, товарищ Сталин позволит.

Неожиданно беседу Джуги с Лилиан прервал пронзительный телефонный звонок. Звонил Поскребышев, помощник Сталина. По-видимому, номер телефона Лилиан по распоряжению Сталина ему дал находившийся на излечении в кремлевской больнице Лавров: он один знал этот номер.

— Товарищ Сталин, — сказал Поскребышев, — спрашивает, почему вы сутки не были на работе, и приказал вам немедленно приехать к нему в Кремль. Через сколько времени вы будете? Я встречу вас у Спасских ворот.

Через сорок минут Джуга входил в кремлевский кабинет Сталина. Тот встретил его приветливо, будто и не было между ними вчерашнего неприятного разговора.

— Забудь, — сказал он, — наш вчерашний разговор. Однако, поскольку я убедился, что ты очень устал и нуждаешься в хорошем отдыхе, даю тебе два месяца отпуска. Что касается Берии, то я уже позаботился, чтобы он не представлял опасности, если такая опасность с его стороны действительно существует.

Это была последняя встреча Джуги со Сталиным.

В конце февраля незнакомый Джуге полковник государственной безопасности привез ему на квартиру от Сталина черный портфель. В нем оказались аккуратно перевязанные ленточками пачки денег. Сверху лежала записка без подписи, написанная рукой Сталина: «Посылаю тебе мое жалованье за все годы моей депутатской деятельности. Трать по своему усмотрению».

* * *

Вначале марта 1953 года И. В. Сталин умер. Его похороны превратились в дни всенародной скорби. Кинохроника того времени запечатлела горько плачущих мужчин и женщин на траурных митингах, которые проходили по всей стране. В Москву со всех концов необъятной Родины ехали люди на похороны своего любимого вождя. Город не мог вместить десятки

миллионов желающих почтить своим присутствием светлую память И. В. Сталина. Вынуждены были запретить продажу билетов на Москву на поезда и самолеты. А люди шли пешком, добирались до столицы на попутных машинах. Неиссякаемым потоком шли советские люди в Колонный зал Дома союзов, чтобы проститься с умершим Сталиным.

Пройдут годы, вновь возродится Советский Союз, сбудутся сокровенные мечты людей труда о светлом обществе — коммунизме и навсегда сохранится благородный образ Иосифа Виссарионовича Сталина, вся жизнь которого была посвящена борьбе за счастье трудящихся.

ПРОСЧЕТ АДОЛЬФА ГИТЛЕРА

Субботний день у профессора Преображенского выдался сложный. Сутра две ответственные консультации, затем — обход палат в стационаре, а после обеда, когда уже подумывал уехать домой (обещал жене пораньше приехать на дачу в Переделкино), вдруг привезли жену наркома, у которой открылось горловое кровотечение — последствие неудачно вырезанных гланд. Женщина оказалась капризной и к тому же трусихой. Долго не решалась раскрыть рот. Опасаясь, что она чего доброго захлебнется собственной кровью и за эту дуреху придется отвечать, Борис Сергеевич, изменив своей обычной корректности в обращении с людьми и пациентами, тем более пациентками, не сдержался и прикрикнул на женщину. И та, то ли растерявшись от неожиданности, то ли сама испугавшись возможных последствий своего упрямства, вдруг широко раскрыла рот. И профессор смог наконец остановить кровотечение. Когда закончил и, помыв руки, собрался снять халат, его срочно вызвали в наркомат для участия в консилиуме в связи с внезапной смертью ответственного сотрудника.

И лишь к часу ночи 22 июня 1941 г. профессор наконец попал домой. Уставший, он решил побыть один в городской квартире, а на дачу поехать утром. Известив об этом по телефону жену, Преображенский поужинал по-холостяцки яичницей и чаем и вышел перед сном на балкон.

Москва сверкала внизу мириадами огней. Подгоняемый теплым июньским ветром в воздухе кружился тополиный пух. Казалось, что лето вдруг отступило и на улице разгулялась снежная метель. Борису Сергеевичу даже припомнились слова из услышанной когда-то песни:

Вьюжит тополиная метелица,
Пухом нежным по дорожкам стелется.

Зачарованный причудливым зрелищем, Преображенский, забыв усталость и сон, долго стоял на балконе. Он не сразу услышал звонок. И лишь когда тот повторился — более громко и продолжительно, — Борис Сергеевич наконец подошел к двери.

— Кто там?

Из-за двери ответили:

— Открывайте, НКВД.

Отперев дверь, Преображенский увидел перед собой трех

молодых людей в военной форме. Не ожидая приглашения, они тотчас вошли в квартиру.

Предъявивший удостоверение на имя капитана госбезопасности сказал:

— Собирайтесь, профессор, поедете с нами.

Борис Сергеевич почувствовал, как у него вдруг отяжелели ноги. Однако он еще попытался сохранить самообладание и придать своему голосу лишь оттенок удивления.

— Куда?

— Там узнаете.

Преображенский, с трудом подавляя волнение, попросил:

— Разрешите позвонить жене на дачу.

— У нас нет времени, — сухо ответил капитан. — Собирайтесь.

Сомнений больше не оставалось — это арест.

Помедлив, Борис Сергеевич тихо, почти равнодушно проговорил:

— Мне собирать вещи?

— Этого не потребуется. Возьмите только ваши инструменты.

Освежающий воздух мгновенно наполнил легкие, и на несколько секунд перехватило дыхание. Вероятно, внезапно нахлынувшее облегчение отразилось в глазах профессора. И это заметил капитан. В уголках его губ на миг возникла и тотчас погасла усмешка.

Преображенский поспешно прошел в кабинет и тут же возвратился с саквояжем, который всегда был у него наготове.

Капитан кивком головы пригласил его к выходу.

На бешеной скорости, почти не притормаживая, расчищая себе дорогу резкой сиреной спецсигнала, автомобиль вскоре вынес их на Минское шоссе. Спустя несколько минут они свернули на боковую дорогу, прорезавшую лесной массив параллельно шоссе. Борис Сергеевич тотчас узнал эту дорогу — по ней он много раз ездил в Волынское, так называемую ближнюю кунцевскую дачу Сталина: теперь он окончательно успокоился.

Борис Сергеевич Преображенский много лет лечил И. В. Сталина, который имел слабое горло и часто болел ангинами, однако удалять гланды отказывался.

В дверях дома профессора встретил начальник личной охраны Сталина комиссар госбезопасности Власик.

Молча кивнув на приветствие, он ввел Преображенского в зал, где обычно проходили выездные заседания Политбюро. На широком диване, под теплым одеялом, лежал Сталин. На столике возле него стояли несколько бутылок «Боржоми», стакан молока,

настольная лампа и лежало несколько папок.

Власик вышел, осторожно притворив за собой дверь.

Борис Сергеевич приблизился к дивану.

— Посмотрите, профессор, что со мной, — хрипло и едва слышно проговорил Сталин. — Не могу глотать. Отвратительно себя чувствую.

Попросив разрешения зажечь настольную лампу, Преображенский осмотрел горло и поставил диагноз: тяжелейшая флегмонозная ангина. Термометр показал температуру за сорок.

— Не могу вам не сказать, товарищ Сталин, — вы серьезно больны. Вас надо немедленно госпитализировать и вскрыть нарыв в горле. Иначе может быть совсем плохо.

Сталин устремил на Преображенского горящий пристальный взгляд:

— Сейчас это невозможно.

— Тогда, быть может, я побуду возле вас? Может потребоваться экстренная помощь.

Преображенский проговорил это как можно мягче, но профессиональная требовательность все же проявилась в его тоне. И Сталин почувствовал это. Взгляд его сделался жестким.

— Я как-нибудь обойдусь. Не впервой. Поезжайте домой. Будет нужно — позвоню.

Борис Сергеевич еще с минуту стоял, растерянно глядя на Сталина.

— Поезжайте, профессор, — уже мягче произнес Сталин. Но едва Преображенский сделал несколько шагов к выходу, как Сталин окликнул его. Голос его был тихим, но твердым: — Профессор!

Борис Сергеевич замер на мгновение, затем, обернувшись, быстрыми легкими шагами приблизился к больному.

— Профессор, о моей болезни — никому ни слова. О ней знаете только вы и я.

— Да, да, — так же тихо проговорил Преображенский, невольно цепенея под устремленным на него пронизывающим взглядом Сталина. — Я понял, товарищ Сталин. Я буду наготове. Если что — сразу приеду. Спокойной вам ночи, товарищ Сталин.

Та же машина, с той же бешеной скоростью, оглушая спящий город сиреной спецсигнала, доставила профессора Преображенского домой.

Вот как Жуков описывал в своих воспоминаниях этот разговор со Сталиным по телефону.

«В 3 часа 30 минут (22 июня 1941 г.) начальник штаба Западного округа генерал В. Е. Климовских доложил о налете немецкой авиации на города Белоруссии. Минуты через три

начальник штаба Киевского округа генерал М. А. Пуркаев доложил о налете авиации на города Украины. В 3 часа 40 минут позвонил командующий Прибалтийским военным округом генерал Ф. И. Кузнецов, который доложил о налетах вражеской акации на Каунас и другие города.

Нарком приказал звонить И. В. Сталину. Звоню. К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно. Наконец слышу сонный голос дежурного генерала управления охраны.

— Кто говорит?

— Начальник Генштаба Жуков. Прошу срочно соединить меня с товарищем Сталиным.

— Что? Сейчас?! — изумился начальник охраны. — Товарищ Сталин спит.

— Будите немедля: немцы бомбят наши города!

Несколько мгновений длится молчание. Наконец в трубке глухо ответили: «Подождите».

Минуты через три к аппарату подошел И. В. Сталин.

Я доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия. И. В. Сталин молчит. Слышу лишь его дыхание.

— Вы меня поняли?

Опять молчание.

Наконец И. В. Сталин спросил:

— Где нарком?

— Говорит по ВЧ с Киевским округом.

— Приезжайте в Кремль с Тимошенко. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызвал всех членов Политбюро. (…)

В 4 часа 30 минут утра мы с Тимошенко приехали в Кремль. Все вызванные члены Политбюро были уже в сборе. Меня и наркома пригласили в кабинет.

И. В. Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках набитую табаком трубку».

Положив после разговора с Жуковым трубку телефона на рычаг, Сталин оперся рукой о стул. Дурнотное состояние охватывало его все сильнее. Сталину временами казалось, что он теряет сознание. Однако надо было, вопреки строжайшему запрету врача, ехать в Кремль.

Сталин нажал кнопку звонка на стене и вошедшему Власику приказал подать к подъезду машину. Одевшись, с трудом сел в машину рядом с шофером, приказал: «В Кремль».

Около 13 часов 22 июня 1941 года больной Сталин, у которого температура по-прежнему держалась за сорок, временами впадавший в полузабытье, все еще был в своем кремлевском кабинете. Выступать по радио с обращением к советскому народу в таком состоянии он, понятно, не мог.

Поэтому еще утром было принято решение, что в 12 часов 22 июня 1941 г. с таким обращением к советскому народу выступит Молотов. Пересиливая недомогание, Сталин пытался решать ряд важнейших и неотложных вопросов, связанных с обороной страны. Около 7 часов утра 22 июня 1941 г. Сталин подписал директиву вооруженным силам об отражении гитлеровской агрессии.

В 9 часов 30 минут в присутствии Тимошенко и Жукова отредактировал и подписал указ о проведении мобилизации и введении военного положения в европейской части страны.

«Примерно в 13 часов (22 июня 1941 г.), — писал в своих воспоминаниях Жуков, — мне позвонил И. В. Сталин и сказал:

— Наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного Командования. На Западный фронт пошлем Шапошникова и Кулика. Я их вызывал к себе и дал соответствующие указания. Вам надо вылететь немедленно в Киев и оттуда вместе с Хрущевым выехать в штаб фронта в Тернополь.

Я спросил:

— А кто же будет осуществлять руководство Генеральным штабом в такой сложной обстановке?

И. В. Сталин ответил:

— Оставьте за себя Ватутина.

Потом несколько раздраженно добавил:

— Не теряйте времени, мы тут как-нибудь обойдемся».

Лишь вечером 22 июня 1941 г. Сталин возвратился в Волынское. Каких сил потребовалось от него, чтобы выдержать прошедшую ночь и день, — никто никогда не узнает. Однако никто не догадался о подлинном состоянии Сталина. Даже проницательный Жуков.

И только когда Сталин, не раздеваясь (на это сил уже не оставалось), лег на диван и закрыл глаза, силы оставили его и на какое-то время (какое именно, сегодня установить невозможно) впал в забытье.

Сталин трое суток — 23,24 и 25 июня 1941 г. — пролежал пластом, никого не принимая, без еды. Есть из-за нарыва в горле он не мог. В эти дни, кто бы ни звонил, получали один и тот же ответ: «Товарищ Сталин занят и разговаривать с вами не может».

О болезни И. В. Сталина не знала даже его личная охрана. Эти несколько дней члены Политбюро ЦК ВКП(б) Сталина не видели и естественно терялись в догадках.

И. В. Сталин решил факт своей болезни сохранить в

строжайшей тайне, чтобы не радовать врага и не деморализовать советский народ, который возлагал на него все свои надежды.

Едва Сталин очнулся, сознание обожгла мысль: «Война!» Теперь от него зависит многое. А может быть, и вообще все: судьба страны, миллионов соотечественников.

Так как же все происходило в последнее время? Что он сумел предвидеть, а что не сумел? Все ли было сделано? А главное — что сейчас необходимо в первую очередь сделать?

Мысли с болезненной обостренностью выхватывали из прошлого события, документы, лица.

* * *

Последние месяцы 40-го и первые месяцы 41-го годов Сталин работал по восемнадцать часов в сутки. Времени для отдыха почти не оставалось. Так же напряженно работало и его ближайшее окружение.

Но 26 марта 1941 г. Сталин возвратился из Кремля на свою дачу в Волынское раньше обычного: донимал приступ разыгравшегося радикулита. Еще до своего приезда он распорядился, чтобы жарко натопили русскую печь, находившуюся в кухне. Положив на горячие кирпичи широкую доску, Сталин разделся и, взобравшись, лег на нее спиной. Боль в пояснице постепенно отступила. Одевшись, он прошел в спальню и попытался заснуть, но сон не шел. Последнее время Сталин часто страдал бессонницей — сказывалось чрезмерное умственное перенапряжение. Снотворное же, как и любые другие лекарства, он не принимал. Разве что кальцикс от кашля, который преследовал его, заядлого курильщика.

Поняв, что уснуть не удастся, Сталин оделся. В прихожей укутался в черную оленью доху, ею бессменно пользовался со времени туруханской ссылки, надел подшитые валенки, меховую шапку и вышел на улицу. За ним бесшумно последовал капитан госбезопасности Старостин — начальник девятки, дежурившей в этот час (три таких девятки, сменяясь через сутки, посменно, дежурили около Сталина круглосуточно). Старостин нес в руках поднос с кусочками сырого мяса, хлеба и орехами. Остановившись возле дуплистого с голым стволом дерева, Сталин с минуту наблюдал, как по ветвям деревьев резво прыгали десятки ручных белок. Затем, покормив их орехами, а мясом и хлебом налетевшую стаю нахальных снегирей, он направился в лимонарий. Сочетание запаха лимонов и растущих вдоль стен кустов лаврового листа создавало здесь поистине чудесный

микроклимат. Сталин очень любил отдыхать в лимонарии. Взяв ножницы, он наклонился над лимонным кустом.

В этот момент вошел Власик.

— Извините, товарищ Сталин, что беспокою, — приехал товарищ Голиков. Он говорит, что у него сообщение чрезвычайной важности, не терпящее отлагательства.

(Последнее время Сталин лично принимал начальника Главного разведуправления Голикова, а также начальника Разведывательного Управления НКВД Федотова, минуя их непосредственных начальников.)

Сталин с сожалением взглянул на лимонный куст: отдохнуть опять не удалось, и направился обратно в дом. Вешая доху на вешалку, увидел около зеркального трюмо, перед которым он ежедневно брился опасной бритвой, стоящего по стойке смирно генерала Голикова. Войдя с Голиковым в кабинет, спросил:

— Что случилось?

— Получено сообщение о совещании у Гитлера 31 июля 1940 г.

Открыв папку, генерал протянул Сталину несколько листов, отпечатанных на машинке:

— Гитлер принял окончательное решение о нападении на нас.

Сталин взял из рук Голикова разведывательное донесение и начал читать:

> «Совершенно секретно.
>
> Совещание у Гитлера 31 июля 1940 г. в Бергхофе.
>
> (Стенографическая запись)[11]
>
> На этом совещании Гитлер заявил: «Россия недовольна быстрым развитием событий в Западной Европе. Достаточно России сказать Англии, что она не хочет видеть Германию слишком сильной, чтобы англичане уцепились за это заявление, как утопающий за соломинку, и начали надеяться, что через шесть-восемь месяцев дела обернутся совсем по-другому.
>
> Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия.
>
> Вывод: в соответствии с этим рассуждением Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года *(Сталин дважды подчеркнул это предложение красным карандашом)*.
>
> Чем скорее мы разобьем Россию, тем лучше. Операция будет иметь смысл только в том случае, если

мы одним стремительным ударом разгромим все государство целиком. Только захвата какой-то части территории недостаточно.

Остановка действий зимой опасна. Поэтому лучше подождать,[12] но принять твердое решение уничтожить Россию.

Это необходимо также, учитывая положение на Балтийском море. Существование второй великой державы (России) на Балтийском море нетерпимо. Начало военной кампании — май 1941 года. Продолжительность операции — пять месяцев. Было бы лучше начать уже в этом году, однако это не подходит, так как осуществить операцию надо одним ударом. Цель — уничтожение жизненной силы России.

Операция распадается на:

1-й удар: Киев, выход на Днепр; авиация разрушает переправы. Одесса.

2-й удар: через Прибалтийские государства на Москву; в дальнейшем двусторонний удар — с севера и юга; позже — частичная операция по овладению районом Баку».[13]

Закончив читать, Сталин поднял глаза на Голикова, глуховатым голосом спросил:

— Скажите, товарищ Голиков, вы можете поручиться за достоверность этой информации? Нечто подобное о плане «Барбаросса» я уже читал. Об этом мне докладывал наш нарком Военно-Морского Флота товарищ Кузнецов, которого регулярно информирует военно-морской атташе в Германии Воронцов. Однако Берия и Кузнецов утверждают, что так называемый план «Барбаросса», о существовании которого вы мне сегодня доложили, является провокацией англичан, мол, они сговорились с американцами столкнуть нас с Германией.

Голиков ответил после некоторого раздумья.

— Не исключено, что это действительно дезинформация английской разведки, направленная на то, чтобы столкнуть нас в военном конфликте с Германией. Англичане — известные мастера в деле изготовления всевозможных провокационных фальшивок.

После ухода Голикова Сталин поднял трубку кремлевского телефона:

— Товарищ Федотов, немедленно приезжайте ко мне в Волынское со всеми новыми материалами.

Походив некоторое время в раздумье по кабинету, он достал

коричневую папку и углубился в чтение разведывательных донесений, которые получал в течение последних трех лет от своей личной секретной службы, занимавшейся под его контролем стратегической разведкой и контрразведкой по всему миру. О существовании такой службы у Сталина знали только два помощника, руководившие вместе с ним ее работой. Встречи и работу с ними он тщательно скрывал от своего официального окружения. Несмотря на большую разницу в возрасте, они были его самыми близкими и верными друзьями. Благодаря хорошей конспирации о работе этой службы как внутри страны, так и за ее пределами ничего не было известно. Возможно, что о ее существовании догадывался лишь официальный помощник Сталина, его личный секретарь, являвшийся одновременно заведующим особым сектором ЦК ВКП(б), Александр Николаевич Поскребышев. Регулярно он встречал у Спасских ворот Кремля и проводил через охрану, без предъявления документов, в кабинет Сталина неизвестных ему людей. Среди них всегда находился высокий, статный, с фигурой спортсмена мужчина с небольшой бородой, с пронзительным взглядом карих глаз. От наблюдательного Поскребышева не укрылось, что он был отлично загримирован. После беседы этих людей со Сталиным, Поскребышев таким же путем выводил их из Кремля. Но об этом молчаливый Поскребышев благоразумно предпочитал не распространяться.

В задачу специальной службы разведки и контрразведки (2-я группа особого назначения) Сталина входило: изучение и регулярное освещение деятельности за рубежом наиболее важных и известных в мире политических деятелей (особенно закулисных сил, стоящих за их спиной и в действительности правящих капиталистическим миром).

После создания такой службы, поскольку успех разведывательной службы в капиталистических странах, как известно, находится в прямой зависимости от финансирования такого рода операций, для Сталина, обладавшего в вопросах финансирования их поистине неограниченными возможностями, стали доступны многие мировые секреты.

Как показал опыт, не было секретов, которые нельзя было бы купить. Дело было только за ценой. Получаемые от своей личной специальной службы сведения о засланной в СССР иностранной агентуре, Сталин передавал их, не указывая источника, руководству Главного управления государственной безопасности НКВД СССР, которое немедленно брало таких людей в активную агентурно-оперативную разработку, в ходе которой либо ликвидировало их или перевербовывало, заставляя работать на

себя. Это было весьма существенное дополнение к мероприятиям по выявлению иностранной агентуры в стране, которые ГУГБ НКВД СССР проводило самостоятельно.

Не случайно только в 1940 г. и в начале 1941 г. было ликвидировано бб важных и хорошо законспирированных резидентур германской разведки, свыше 1600 крупных фашистских агентов, из них 1400 человек в западных районах СССР.

В результате работа германской разведки в СССР была парализована. Она не сумела оказать существенную помощь германскому Главному командованию при нападении на СССР. Если для Сталина секретов в Германии фактически не существовало, Гитлер был лишен какой бы то ни было правдивой информации о военных и экономических возможностях Советского Союза, о состоянии его вооруженных сил.

Неудивительно, что он переоценил собственные возможности, что и привело его к роковому просчету в июне 1941 года. Об этом красноречиво говорит его разговор с генерал-фельдмаршалом Кейтелем после победы над Францией, когда Гитлер заявил: «Мы теперь показали, на что способны. Поверьте мне, Кейтель, после этого поход против России будет не более, чем тактической игрой на ящике с песком».

В беседе с болгарским посланником в Германии Драгановым 23 ноября 1940 г. германский фюрер сделал не менее «эффектное», но и крайне опрометчивое заявление: «Русская армия вряд ли существует, кроме как по названию».

Начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии генерал Типпильскирх после войны в книге «Роковые решения» писал, что гитлеровское командование было полностью лишено возможности получать какие бы то ни было сведения о деятельности Ставки Верховного Главнокомандующего советских Вооруженных Сил, что имело роковые последствия для гитлеровской армии. «Определить хотя бы приблизительно военную мощь Советского Союза, — писал Типпильскирх, — было почти невозможно. Шпионаж не находил для себя в Советском Союзе никакого поля деятельности. У немецкого Генерального штаба было лишь приблизительное представление о том, на что способен Советский Союз в случае войны».

Это утверждение генерала Типпильскирха перекликается с заявлением начальника VI управления (внешнеполитическая разведка СС) Главного управления имперской безопасности фашистской Германии бригаденфюрера СС Вальтера Шелленберга, самого доверенного человека Гиммлера.

Шелленберг в своих послевоенных мемуарах вспоминал, что в свое время он записал в военном дневнике: «Гиммлер сказал мне, что фюрер недоволен результатами информационной деятельности секретной службы в отношении России. Мы явно не в состоянии активизировать секретную службу так, как этого требует военное положение».

А вот что, например, писал современный западногерманский публицист Карелль, специально изучавший деятельность германской разведки в годы Второй мировой войны: «Как обстояло с немецким шпионажем против России? Что знало немецкое руководство от секретной службы? Ответ в двух словах: очень мало! (…) Оно ничего не знало о военных тайнах русских».

Что это действительно так, неопровержимо подтверждают факты из истории Великой Отечественной войны.

1. В конце 1940 года командование сухопутных войск фашистской Германии, основываясь на данных абвера, сделало вывод, что в течение всей войны СССР в состоянии выставить всего лишь 209 стрелковых дивизий. В то время как только летом 1941 г. на фронт, дополнительно к имеющимся у СССР силам против фашистской Германии, ушло 324 дивизии. Уже 17 сентября 1941 г. на секретном совещании с руководителями Третьего рейха Гитлер заявил: «Мы открыли дверь в Россию, не зная, что за ней находится. Абвер не справился со многими из своих задач».

2. Разгром гитлеровцев под Москвой. В самый напряженный момент боев немецкая разведка дала ошибочные сведения Гитлеру, что у русских нет и не может быть больших стратегических резервов. В то же время, ожидая своего часа для вступления в бой, в тылу армий Западного фронта находились 12 стрелковых дивизий, 19 стрелковых бригад, 20 артиллерийских полков, 8 отдельных реактивных артдивизионов, 850 орудий разных калибров, 870 минометов, свыше 11 тысяч станковых и ручных пулеметов. Эти войска, находившиеся до поры до времени в резерве, когда немецкое наступление на Москву выдохлось, по приказу Сталина вступили в бой и решили исход битвы под Москвой.

3. Сталинград. Советскому командованию удалось скрытно от германской разведки и фашистского командования сосредоточить огромное количество войск и техники для нанесения удара по армии Паулюса и одновременно по группировке Манштейна, спешившего ему на помощь.

4. Битва на Курско-Белгородской дуге. За полчаса до начала наступления на подготовившиеся к атаке гитлеровские войска, неожиданно для них, был обрушен артиллерийский и

авиационный бомбовый удар, в результате много немецкой живой силы и техники было уничтожено до того, как они вступили в бой. Это в значительной степени предопределило победу советских войск в решающей битве на советско-германском фронте. Не случайно впоследствии американский обер-шпион, бывший начальник американского Центрального разведывательного управления (ЦРУ) Аллен Даллес в книге «Искусство разведки» писал: «Информация, которую добывали советские разведчики во время Второй мировой войны, содействовала военным успехам Советов и представляла собой такого рода материал, который являлся предметом мечтаний для разведки любой страны».

Вот и 26 марта 1941 года Сталин, в который уже раз, перечитывал донесения о секретах Франции, Англии, США и Германии.

«Совершенно секретно

Только для товарища Иванова[14]

Наиболее важные выдержки из полученных донесений

1. Перед встречей с Гитлером в Берхтесгадене министр иностранных дел Великобритании лорд Галифакс 12 сентября 1938 года в беседе с премьером Чемберленом заявил: «Я сумею убедить его (Гитлера), что у него имеется неповторимая возможность достичь англо-немецкого понимания путем мирного решения чехословацкого вопроса. Обрисую перспективы, исходя из того, что Германия и Англия являются двумя странами европейского мира и главными опорами против коммунизма и поэтому необходимо мирным путем преодолеть наши нынешние трудности. (…) Наверное, можно будет найти решение, приемлемое для всех, кроме России».

Американский посол в Англии Д. Кеннеди, беседуя 13 июля 1938 г. с германский послом в Англии ГДирксеном, выражая мнение правительства США, утверждал, что Германия должна иметь свободу рук на Востоке.

2. После мюнхенского соглашения французский посол в Германии А. Франсуа-Понсе 3 октября 1938 г. в беседе с Герингом заявил: «Даладье очень доверяет фюреру и был бы рад избавиться от «Народного фронта»

во Франции и союза с Москвой».

3. После подписания 6 декабря 1938 года Францией с Германией декларации о ненападении министр иностранных дел Франции Жорж Бонне сказал: «Германская политика отныне ориентируется на борьбу против большевизма. Германия проявляет свою волю к агрессии на Восток».

4. Руководитель Северного департамента министерства иностранных дел Великобритании Кольер 26 апреля 1939 года утверждал, что его правительство не будет связывать себя с СССР, так как хочет дать Германии возможность развивать агрессию на Восток за счет России.

5. 16 мая 1939 года на заседании британского правительства Галифакс заявил: «Политические аргументы против заключения военного договора с СССР более важны, чем военные доводы в пользу такого пакта».

Чемберлен: «Я скорее подам в отставку, чем подпишу союз с Советами. Что касается русских, то они действительно преисполнены стремления достигнуть соглашения с нами».

6.4 июля 1939 г. Британское правительство обсуждало вопрос о переговорах, ведущихся в Москве. Принято решение: всячески затягивать переговоры и к соглашению дело не вести.

Бывший премьер-министр Великобритании, член английского парламента Ллойд Джордж по поводу действий английского правительства на этих 29 июля 1939 г. переговорах впоследствии заявил:

«Мистер Чемберлен вел переговоры непосредственно с Гитлером. Для свидания с ним он ездил в Германию. Он и лорд Галифакс ездили также и в Рим. Они были в Риме, пили за здоровье Муссолини и говорили ему комплименты. Но кого они послали в Россию? У них не нашлось самого скромного из членов кабинета для этой цели; они просто послали чиновника министерства иностранных дел. Это оскорбление. У них нет чувства меры, они не дают себе отчета в серьезности положения сейчас, когда мир оказался на краю бездонной пропасти».

7. В Берлине считают, что, если СССР, Англии и Франции удастся договориться, война со стороны Германии против них будет невозможна.

8. Обсуждение 7–8 мая 1940 г. хода войны в английском парламенте. Длинный и неубедительный доклад Чемберлена вызвал явное раздражение у многих членов парламента.

Военный министр Англии Хор-Белиша: «Мы всегда опаздываем, безнадежно опаздываем. Нами управляют старики, которые не понимают обстановки и требований времени. Чем занимается правительство? Сочинением разных никому не нужных бумажек! Премьер уверяет, что никакой войны не будет и что к весне мы подпишем мир с Германией. Это чепуха!»

Лейборист Эттли: «Создается впечатление, что правительство не умеет планировать, не имеет достаточно информации и не способно концентрировать внимание на основных вещах. На его счету только неудачи. В борьбе, где решается вопрос о нашей жизни или смерти, мы не можем оставить судьбы страны в руках неудачников или людей, которые нуждаются в отдыхе».

Влиятельный консерватор ЛЭмери: «Пришло время для создания действительно национального правительства. Я процитирую сейчас, хоть и с большой неохотой, слова Кромвеля, обращенные к Долгому парламенту, когда Кромвель пришел к выводу, что этот парламент больше не способен управлять делами нации. Кромвель тогда сказал: «Вы сидели слишком долго, чтобы творить добро. Уходите, и пусть с вами будет покончено. Во имя бога уходите».

Ллойд Джордж: «Премьер призывал всех к жертвам. Торжественно заявляю, что он сам может дать наилучший пример в этом отношении. Его наибольшим вкладом в дело победы было бы, если бы он пожертвовал тем постом, который занимает сейчас».

Черчилль, по карьеристским соображениям, против Чемберлена и его компании мюнхенцев не выступал. В кругу же своих близких сказал: «Чемберлен хотел ехать верхом на тигре (имея в виду Гитлера) и его последышах, это чепуха».

Итоги голосования по вопросу о доверии правительству Чемберлена: за доверие проголосовал 281 член парламента, против правительства — 200. После заседания парламента Чемберлен, якобы по собственной инициативе, подал в отставку. Премьер-министром назначен Уинстон Черчилль, который при назначении на

этот пост заявил: «Яне могу вам предложить ничего, кроме крови, труда, слез и пота. Перед нами пора тяжких страданий. Вы спросите, какова наша цель. Я отвечу одним словом: победа, победа во что бы то ни стало. Без победы не может выжить Британская империя».

Галифакс остался министром иностранных дел. Военным министром назначен Иден. Антисоветчиков в Англии возглавляет Сэмюэль Хор, завзятый мюнхенец, предающий национальные интересы Великобритании Гитлеру. За спиной Черчилля и английского правительства стоит и направляет его деятельность представитель крупных монополий, газетный магнат лорд Бивербрук, который является негласным диктатором Англии. Выражая волю крупнейших промышленников, именно он определяет внутреннюю и внешнюю политику Великобритании. Действует жестко и сурово. Болеет астмой настолько тяжело, что во время приступов, чтобы как-то облегчить состояние, его поднимают в воздух на самолете. Черчилль опытный политик, однако в нем много актерского, игры на публику. Злоупотребляет спиртным. Убежденный антисоветчик. Оставление на посту министра иностранных дел Галифакса говорит за то, что проводившаяся Англией провокационная политика в отношении Советского Союза, стремление столкнуть его в войне с Германией, будет продолжаться. Здесь нельзя не согласиться с Гитлером, который однажды заявил: англичане уважают того, кто наносит им нокаут. Бесноватый фюрер прав: получив хорошенько по зубам, англичане быстро трезвеют и начинают проводить реалистическую политику.

Недаром ведь один из их видных политических деятелей в свое время сказал: «УАнглии нет постоянных противников или союзников, постоянны лишь ее интересы».

Совершенно секретно.
Только для товарища Иванова.

Соединенные Штаты Америки, Англия и Франция активно воссоздают германский военный потенциал, готовят Германию к нападению на Советский Союз.

Ввоз в Германию в 1938 г.

(тыс. т.)

Наименование	Общий импорт	Из Брит. империи	Из Франции с колон.	Из США	Всего из этих стран	%к импорту Германии
Пшеница	1267,7	321,3	-	243,9	565,7	44,6
Шерсть	166,1	72,7	6,9	1,6	81,2	48,9
Хлопок	352,8	36,3	3,9	85,0	125,2	35,5
Каучук	108,5	50,3	4,9	6,0	61,2	56,4
Нефтепродукты	3640,6	18,5	2,5	984,2	1005,2	30,4
Железная руда	19270,5	1595,9	6,124	-	7684,3	35,1
С содержанием марганца	1865,3	122,8	731,5	0,9	855,2	45,8
Марганцевая руда	425,9	287,3	1,0	-	288,3	67,7
Медная руда	653,9	193,3	159,5	-	352,8	54,6
Свинцовая руда	140,3	58,8	-	-	58,3	41,3
Цинковая руда	185,0	68,3	-	-	68,3	36,9
Хромовая руда	176,4	92,5	-	-	92,5	52,4
Никелевая руда	34,2	17,4	-	-	17,4	50,9
Медь (вместе с ломом)	358,4	128,9	-	92,3	221,2	61,7
Алюминий (вместе с ломом)	18,8	9,2	0,9	1,8	11,9	63,2

Из 28 основных видов сырья накануне Второй мировой войны Германия имела только семь. Ввозила из США, Англии и Франции около 50 % своего импорта стратегического сырья и материалов. Главным поставщиком нефтепродуктов Германии в канун войны были США.

Вот как выглядел импорт нефти Германии в 1938 г. (в миллионах немецких марок): США — 84,4, Венесуэла — 8,2, Голландская Индия — 76,8, Румыния — 36, Мексика — 19,8, Иран — 8,1.

В 1938 г. в Германию было ввезено 3640 тысяч тонн

нефти и нефтепродуктов. Из них2520 тысяч тонн поступило из США и Голландской Индии.

В 1940 г. Германия выплавляла вместе с оккупированными странами стали 31,8 млн. тонн, сама добывали угля 257,4 млн. тонн, а вместе с сателлитами — 439 млн. тонн.

Советский Союз соответственно 18,3 млн. тонн и 165 млн. тонн.

При помощи США, Англии и Франции в короткий срок в Германии было построено более 300 крупных военных заводов.

Военное производство в Германии в 1940 г. увеличилось по сравнению с 1939 г. на две трети, а по сравнению с 1932 годом — в 22 раза.

В 1940 г. немецкая военная промышленность передала вооруженным силам (произвела за год) 9500 самолетов, 1800 танков, 4000 орудий, 5700 пулеметов, 1400 000 винтовок.

Монополисты США скупают акции крупнейших германских фирм и, путем картельных соглашений, участвуют в производстве в Германии основных стратегических материалов, поставляют Гитлеру бензин.

Из примерно 90 миллиардов марок, израсходованных фашистской Германией на подготовку к войне, на сегодня большая часть это кредиты, предоставленные ей монополиями США, Англии и Франции.

«Совершенно секретно Только для товарища Иванова О причинах столь быстрого разгрома Франции Крупнейшие промышленники Франции добровольно открыли ворота своей страны Гитлеру, заявив, что лучше Гитлер, чем победа «Народного фронта». Именно в этом причина так называемой странной войны, которую Франция вела против фашистской Германии. Дав себя запугать угрозой назревающей социалистической революции во Франции, ее правители бросили французский народ под сапог Гитлера.

Перевернув несколько страниц, Сталин прочитал:

«Совершенно секретно

Только для товарища Иванова.

1.0 совещании у Гитлера 22 июля 1940 года.

Гитлер: «Сталин заигрывает с Англией с целью

заставить ее продолжать войну и тем самым сковать нас, чтобы иметь время захватить то, что он хочет захватить, но не сможет, если наступит мир. Он стремится к тому, чтобы Германия не стала слишком сильной. Однако никаких признаков активного выступления России против нас нет.

Русская проблема будет разрешена наступлением. Следует продумать план предстоящей операции… Разбить русскую сухопутную армию или, по крайней мере, занять такую территорию, чтобы можно было обеспечить Берлин и Силезский промышленный район от налетов русской авиации. Желательно такое продвижение в глубь России, чтобы наша авиация могла разгромить ее важнейшие центры. Необходимо 80 — 100 дивизий. Россия имеет 50–75 хороших дивизий». Главнокомандующий сухопутными силами Германии фельдмаршал фон Браухич получил указание Гитлера начать разработку плана нападения на СССР.

Этот план непосредственно под руководством начальника военно-оперативного управления Генерального штаба сухопутных войск Германии генерала Иодля разрабатывает генерал-майор Маркс.

В беседе с наиболее доверенными офицерами Иодль сказал, что Гитлер решил начать боевые действия против России осенью 1940 года.

Первоначально план нападения на СССР назывался «Восстановление на Востоке», затем название было заменено на «Фриц», после чего Гитлер приказал назвать этот план «Барбаросса» (Рыжебородый).

18 декабря 1940 г. Гитлер подписал директиву за номером 21 о нападении на СССР. Пароль для войск — приказ начать нападение — слово «Дортмунд».

2. О прибылях германских монополий.

Гонка вооружений, связанная с подготовкой Германией Второй мировой войны, увеличила прибыли монополий. Если у концерна «Игфарбениндустри» они составляли в 1938/39 году 535 млн. марок, то в 1940/41 г. уже 846 млн. марок. У концерна «Кленкнер АГ» — соответственно 106,9 и 163,67 млн. марок.

Говоря о межимпериалистических противоречиях и конкурентной борьбе на мировых рынках, немецкий миллиардер Крупп заявил: «В этой борьбе нам нужно было твердое руководство. Гитлер дал нам его».

«Совершенно секретно.

Только для товарища Иванова.

3 декабря 1940 г. Гитлер навестил заболевшего фельдмаршала фон Бока, который об этой встрече в своем дневнике записал следующее: «После нескольких замечаний о моем здоровье он (Гитлер) сказал мне, что необходимо стереть Советский Союз с лица земли. Тогда Англия быстрее потеряет свое мировое значение и влияние. Я был немного удивлен этими словами и осторожно заметил, что необъятное пространство России, ее неизвестные нам вооруженные силы делают выполнение этой задачи сложным даже для наших вооруженных сил. Лицо фюрера стало холодным и жестоким. Он резко ответил, что поход против большевизма предназначен Германии самой судьбой. Перед уходом он снова стал мил и выразил надежды, что я выздоровлю и сыграю решающую роль в предстоящем походе против Советской России».

«Совершенно секретно.
Только для товарища Иванова

О совещании у Гитлера 5.12.1940 г.

Гитлер: «Опыт прежних военных кампаний показывает, что наступление должно начаться в соответствующий благоприятный момент. Выбор благоприятного времени зависит не только от погоды, но и от соотношения сил сторон, вооружения и т. д. Русские уступают нам в вооружении в той же мере, что и французы. Русские располагают небольшим количеством современных полевых артиллерийских батарей. Все остальное — модернизированная старая материальная часть; наш танк T-III с 50-мм пушкой (весной их будет 1500 шт.), как нам представляется, явно превосходит русский танк. Основная масса русских танков имеет плохую броню».

«Русский человек — неполноценен»

Дойдя до этого слова, Сталин отложил разведывательное донесение и взял лежащую на столе книгу Гитлера «Майн кампф» (Моя борьба). Открыв нужную страницу, прочитал: «Надо любыми средствами добиваться, чтобы мир был завоеван немцами. Если мы хотим создать нашу великую германскую империю, мы должны прежде всего вытеснить и истребить славянские народы (Сталин подчеркнул слова *истребить славянские народы)* — русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов. Нет никаких причин не сделать этого».[15]

Полистав еще «Майн кампф» Гитлера, Сталин прочитал: «Если мы сегодня говорим о новых землях и территориях в Европе, мы обращаем свой взор в первую очередь к России. Это громадное государство на востоке созрело для гибели. Мы избраны судьбой стать свидетелями катастрофы, которая явится самым веским подтверждением правильности расовой теории».

Положив книгу Гитлера на стол, Сталин встал и начал, как всегда, медленными шагами ходить по кабинету.

«И эти люди, — подумал Сталин о гитлеровцах, — лишенные совести и чести, люди с моралью животных, имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова. Гитлеровцы, эти слуги дьявола, именуют себя наследниками великой Римской империи. Неплохо бы им вспомнить и судьбу рабовладельческого Рима: когда народы, презрительно именовавшиеся римлянами-рабовладельцами варварами, объединились и опрокинули «вечный» город Рим. Впрочем, для таких воспоминаний гитлеровцы слишком малограмотны. Всемирную историю они явно не знают.

Однако очень похоже, — продолжал размышлять Сталин, — что мы действительно стоим на пороге необычной войны. Когда речь в случае нападения на нас фашистской Германии пойдет, в прямом смысле слова, о жизни и смерти советского народа. Гитлеровцы хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Ну что же, если Германия нападет на СССР, они ее получат».

Возвратившись к столу, Сталин продолжил чтение разведывательного донесения о выступлении Гитлера на совещании 5.12.1940 г.

Характеризуя Красную Армию, Гитлер заявил: «Армия не имеет настоящих командиров. Смогли ли они за последнее время

серьезно внедрить правильные принципы военного руководства в армии, более чем сомнительно. Начатая реорганизация русской армии к весне еще не сделает ее лучше. Весной мы будем иметь явное превосходство в командном составе, материальной части, войсках. У русских все это будет, несомненно, более низкого качества. Если по такой армии нанести могучий удар, ее разгром неминуем.

Ведя наступление против русской армии, не следует теснить ее перед собой, так как это опасно. С самого начала наше наступление должно быть таким, чтобы раздробить русскую армию на отдельные группы и задушить в «мешках»».

Сталин двумя линиями подчеркнул это предложение красным карандашом, поставил восклицательный знак.

Следующим было донесение о заметках Гальдера.

«Совершенно секретно

Только для товарища Иванова.

Заметки начальника Генерального штаба германских сухопутных войск генерал-полковника Гальдера (к совещанию 13.12.1940 г. у Гитлера).

«Решение вопроса о гегемонии в Европе упирается в борьбу против России. Поэтому необходимо вести подготовку к тому, чтобы выступить против России, если этого потребует политическая ситуация. (Заинтересованные служебные инстанции получат соответствующие задания).

Для ведения войны на одном фронте мы (т. е. сухопутные войска) должны иметь в распоряжении к весне (1941 г.)

130 — 140 дивизий. Военно-воздушным силам предстоит война на два фронта, которая означает защиту территории страны и сухопутных войск на обоих фронтах (ограничение бомбардировочных операций летом в дневное время).

Военно-морской флот должен обеспечить изоляцию Балтийского моря, с тем чтобы вести войну на два фронта. Мы не ищем конфликта с Россией, однако мы должны быть, начиная с весны 1941 года, готовы к выполнению такой задачи».

Последнее предложение Сталин дважды подчеркнул красным карандашом и перешел к чтению следующего разведывательного донесения.

Только для товарища Иванова.

2 февраля 1941 г. Гитлер опять навестил все еще болеющего генерал-фельдмаршала фон Бока.

Об этом визите Гитлера Бок в своем дневнике записал: «В отличие от пессимизма, который проявляет Генеральный штаб, Гитлер выразил уверенность в том, что Москва быстро потерпит крах. Я заметил, что мы разобьем русских в том случае, если они примут бой. Однако с ними будет трудно вести какие-либо мирные переговоры. Фюрер ответил, что в экономическом и военном отношении мы находимся в прекрасном состоянии. Если русские будут продолжать сопротивление после потери Украины и Москвы, то мы просто пройдем дальше до Сибири. Тем не менее, сказал я, мы должны быть готовы к превратностям судьбы. На это Гитлер ответил решительно: «Яуверен, что им покажется, будто их смел ураган».

После выздоровления фон Бок имел встречу с Гиммлером, который сказал ему о цели Германии в войне против СССР: «Раздел России на малые государства и распространение немецкой сферы влияния далеко за Урал».

«Совершенно секретно Только для товарища Иванова.

28 февраля 1941 г. у генерал майора Томаса (ближайший помощник Геринга, начальник военно-экономического штаба при Верховном командовании вооруженных сил Германии) состоялось совещание по вопросу о создании в дополнение к плану «Барбаросса» штаба «Ольденбург» в целях ограбления районов и областей Советского Союза, которые будут оккупированы после нападения фашистской Германии на Советский Союз.

«Разделение отраслей работы создаваемого штаба на два сектора:

а) Следование во время наступления за передовыми частями, чтобы избежать уничтожения запасов и обеспечить вывоз важнейшего имущества.

б) Управление оккупированными промышленными районами и оценка прилегающих к ним экономических районов.

Главная задача: реквизиция сырья и вступление во владение всеми важными предприятиями (бурый уголь,

руда, химия, нефть).

Отдел экономики должен представить всем начальникам отделов и подполковнику Лютеру по экземпляру новой разработки относительно России».

«Совершенно секретно Только для товарища Иванова.

Выдержки из директивы начальника штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил Германии.

Ставка Верховного главнокомандующего.

13 марта 1941 г.

Совершенно секретно.

Инструкция об особых областях к директиве № 21 (план «Барбаросса»).

«Занимаемая в ходе военных действий русская территория должна быть, как только позволит обстановка, разделена, согласно специальным указаниям, на отдельные государства с самостоятельными правительствами».

«Главнокомандующий сухопутными войсками имеет право осуществлять свою власть на этой территории и уполномочивать на это командующих армиями и группами армий».

«Эта территория с учетом национальности ее народонаселения и приблизительном соответствии с границами Групп армий будет разделена вначале на области: Северную (Прибалтика), Центральную (Белоруссия) и Южную (Украина). В этих областях политическое управление будет передано рейхскомиссарам, которые получают соответствующие инструкции от фюрера».

«С началом военных операций главнокомандующий сухопутными войсками закрывает советско-германскую границу (в последующем тыловую границу района боевых действий) для всякого невоинского пассажирского сообщения, товарооборота и почтово-телеграфной связи».

Начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил Кейтель.

«Совершенно секретно Только для товарища Иванова.

Записи генерал-полковника Гальдера к докладу у Гитлера от 17 марта 1941 г.

1. «Барбаросса». Начало операции 16.05. —

гарантируется сухопутными войсками, если 3-й эшелон войск, участвующих в операции «Марита», сможет начать сосредоточение 10.04.

2. Противник: Воздействие на Прибалтийские государства. Смоленск. Минск. Транспортные перевозки по требованию (немецких) ВВС начаты раньше. Поэтому внимание (русских) уже усилилось.

3. Соотношение сил: Дополнительно — Румыния: три отборные дивизии, одну мотомеханизированную дивизию, четыре кавбригады, четыре горные бригады — в Буковину. Остальные дивизии — для оккупации.

Венгрия: Одна горная бригада — на левом фланге; остальные три бригады — резерв.

Изъятие сил без ущерба для операции «Барбаросса» невозможно.

Противник: 100 стрелковых дивизий, 25 кавалерийских дивизий, 30 моторизованных соединений. Итого — 155 дивизий.

Мы — 101 пехотная дивизия, 1 кавалерийская дивизия, 32 подвижные дивизии. Итого — 134 дивизии.

4. Резервы ОКХ всего 21 дивизия (включая 2 танковые дивизии + 1 моторизованную дивизию): из них 9 дивизий участвуют в операции «Марита». Следовательно, гарантировано участие только 12 дивизий. Очень мало! Еще 5 дивизий с Запада (из 12).

5. Военно-морской флот:

а. Морской тоннаж на Балтийском море — через 14 дней после объявления войны. На Черном море в нашем распоряжении транспортные средства общей грузоподъемностью 100 тыс. тонн.

6. Заблокировать русский флот. Ханко, Аландские острова.

б. Военно-воздушные силы:

а. Десанты в районе Одессы.

б. Транспорты для перевозки грузов снабжения.

в. Зенитное прикрытие — слабое. Достаточное лишь для прикрытия тыловых частей г. Ханко».

Дальнейшее чтение и анализ Сталиным разведывательных донесений прервал вошедший в кабинет Власик. Он доложил о приезде комиссара государственной безопасности Федотова. Поздоровавшись с вошедшим Федотовым кивком головы, Сталин, предложив ему сесть, спросил: «Что нового?» Тот молча протянул Сталину тоненькую папку, раскрыв которую он прочитал:

«Совершенно секретно

25 марта 1941 г. начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Гальдер записал в своем дневнике: «Подготовка к приему раненых на Востоке. Имеется 50 тыс. коек в качестве госпитальной базы на Востоке (этапные военные госпитали). Они подчиняются командующему армии резерва. Будет подготовлено 38 санитарных поездов для эвакуации раненых из этих госпиталей в Германию.

Хойзингер:

а. Изменение в директиве по стратегическому развертыванию («Барбаросса») в связи с новым положением на Южном крыле. Изменения в требованиях к ВВС.

б. Сравнение русских и германских сил в отношении готовности.

До 20.04 мы гораздо слабее русских.[16] После 20.04 дивизии начнут поступать в таком количестве, что эта опасность будет полностью устранена».

Разведсводка.

В гитлеровских вооруженных силах идет усиленная идеологическая обработка офицерского состава в яро антисоветском духе при помощи регулярных лекций «специалистов по России».

О распределении обязанностей в гитлеровской верхушке в ходе подготовки нападения на СССР.

а. Генеральный штаб сухопутных войск — начальник генерал-полковник Гальдер — в основном разработка конкретных военных вопросов — доктрины наступления на Восток.

б. Герман Геринг — экономическое ограбление восточных территорий после их захвата. Так называемый план «Ольденбург».

Водном из своих выступлений этот «второй нации» Германии заявил: «На Востоке я намерен грабить и грабить эффективно. Все, что может быть пригодным для немцев на Востоке, должно быть молниеносно извлечено и доставлено в Германию».

в. Альфред Розенберг — оккупационная администрация.

г. Генрих Гиммлер — организация и подготовка аппарата для физического истребления советского народа.

Так называемый план «Ост» предусматривает

первоначально физическое уничтожение 35 миллионов советских граждан, а впоследствии, как заявляют гитлеровцы, полное биологическое уничтожение русских.

д. Мартин Борман — совместно с Гитлером все общие, наиболее важные вопросы, связанные с походом на восток.

Закончив читать донесение, Сталин внимательно посмотрел на Федотова.

— Что скажете по поводу этих сообщений?

Федотов встал. Сталин движением руки попросил его сесть и снова повторил свой вопрос.

— Думаю, — ответил Федотов, — что выступление Германии против СССР решено окончательно и последует в скором времени. Оперативный план наступления предусматривает молниеносный удар на Украину и дальнейшее продвижение на Восток.

Сталин еще раз пристально взглянул на Федотова. Достав две папиросы из коробки «Герцеговина Флор», разломил их, высыпал табак в трубку, закурил. Походив по кабинету и, остановившись напротив Федотова, приказал:

— Постарайтесь еще раз перепроверить эти сведения, и немедленно докладывайте мне все, что вам удастся узнать о подготовке Германии к нападению на нас.

Немного помолчав, добавил:

— О подготовке же к отражению возможного нападения подумаем.

После ухода Федотова Сталин уехал в Кремль. Там его ожидал авиаконструктор Яковлев, назначенный заместителем наркома авиационной промышленности.[17]

По заданию Сталина Яковлев побывал в составе советских делегаций в Италии, Франции, Англии и дважды в фашистской Германии, знакомясь с развитием военновоздушных сил в этих странах.

В Германии ему была предоставлена возможность познакомиться с новейшей немецкой авиационной техникой, составлявшей важную военную тайну фашистского рейха.

Сталин, одетый в полувоенный френч с откладным воротником, в брюках, заправленных в мягкие шевровые сапоги, встретил Яковлева у двери кабинета. Поздоровавшись за руку, усадил его на один из стульев, стоящих у стола заседаний, и сам сел рядом. Этим Сталин подчеркивал не только особое уважение, которое он питал к Яковлеву, — он хотел создать обстановку для непринужденной, неофициальной беседы.

Сталина интересовало мнение такого талантливого специалиста в деле авиастроения, каким был Яковлев, и которого, конечно, в оценке самолетов западных стран не мог заменить самый лучший разведчик. Особенно важно было, что Яковлев, во время поездок, получил реальную возможность сравнить военно-воздушные силы фашистской Германии с военно-воздушными силами Советского Союза.

— Каков ваш главный вывод, товарищ Яковлев, после знакомства с авиационной техникой западных стран? — спросил Сталин.

— С точки зрения общей архитектуры самолета и смелого решения некоторых важнейших задач самолетостроения наша страна не уступает Западной Европе. Однако, товарищ Сталин, мы отстаем от них в культуре производства, в совершенстве доводки наших машин в мелочах.

— Расскажите кратко о состоянии военно-воздушных сил стран, в которых вы побывали.

— Если разрешите, начну с Италии.

Яковлев раскрыл папку и, изредка заглядывая в свои записи, начал:

— Италия никогда не была передовой авиационной страной, хотя правительство Муссолини и принимает все меры, чтобы создать нужное ему впечатление. С этой целью правительство Муссолини, который пост главы правительства совмещает с постом министра авиации, щедро поощряет всевозможные рекордные и спортивные полеты, отпускает большие средства отдельным конструкторам и летчикам для организации трансатлантических перелетов, не жалеет денег на создание «показательных» институтов и аэродромов.

Итальянскому летчику Донати на самолете «Капрони» удалось установить мировой рекорд высоты — около 14 тысяч метров, а летчику Ажелло на гоночном самолете «Макки-72» мировой рекорд скорости — 710 км в час. Однако большинство увиденных нами в Монтечелио машин, в том числе и последние новинки, по своей схеме не были чем-либо оригинальными. Одно дело — построить единичные рекордные самолеты, другое дело — создать мощный воздушный флот. А даже беглое знакомство с авиационной промышленностью Италии показало несоответствие воображаемого с действительностью.

Во Франции мы посетили заводы наиболее известных французских конструкторов — Блерио, Рено, Потеза и Мессье. Ничего нового, современного в технологии изготовления самолетов мы не увидели. Всякий раз, осматривая авиационные заводы Франции, я невольно сравнивал их с нашими. И каждый

раз с глубоким удовлетворением приходил к выводу, что по масштабу, по качеству оборудования ни одно из виденных мною французских предприятий не может идти ни в какое сравнение с любым из наших рядовых авиационных заводов.

— Вы не преувеличиваете? — остановил Яковлева Сталин. Он много сил отдавал организации советских военно-воздушных сил, и ему было, конечно, приятно услышать то, что говорил Яковлев. Но, как всегда недоверчивый, Сталин хотел иметь точную, правдивую информацию. Он уже не раз сталкивался с такими фактами, когда некоторые руководители, желая ему угодить, приукрашивали достижения. Таких поступков Сталин не прощал.

— Не преувеличиваю, товарищ Сталин, так оно и есть в действительности, — продолжил свой рассказ Яковлев. — К середине 30-х годов Франция утонула в огромном количестве новых образцов самолетов и совершенно запуталась в выборе тех, которые можно было бы пустить в серийное, массовое производство и использовать во время войны. В результате отставание от вероятного противника — гитлеровской Германии.

В 1939 г., когда разразилась Вторая мировая война, Франция оказалась без самолетов, во всяком случае без таких самолетов, которые могли бы соперничать с немецкими «Мессершмиттами» и «Юнкерсами», не говоря уже о том, что количественно германская авиация многократно превосходила французскую.

В этом была одна из причин, что Франция потерпела столь позорное поражение. Во время изучения французских военно-воздушных сил у меня сложилось впечатление, что французские правители были более подготовлены к капитуляции, нежели к сопротивлению.

Что касается Англии, то истребитель «Спитфайр» и бомбардировщик «Ланкастер» составляют основу вооруженных сил Британии. Тяжелый четырехмоторный «Ланкастер» имеет бомбовую нагрузку б — 7 тонн при максимальной скорости 450 километров в час.

Английские истребители «Харикейн» и бомбардировщики «Уитли» по своим летно-боевым качествам не могут конкурировать с немецкими самолетами. Все надежды у англичан на прекрасный истребитель «Спитфайр», поставленный на серийное производство.

Видели мы и два новых английских моноплана: истребитель фирмы «Хаукер» под названием «Харикейн» и самый последний образец английской авиационной техники — истребитель «Супермарин». Судя по всему именно усовершенствованные «Харикейны» и «Спитфайры» играют главную роль в отражении воздушных атак на Англию со стороны фашистской Германии.

Теперь о нашем возможном противнике — фашистской Германии.

Германская авиационная промышленность в основном выпускает три типа самолетов: «Мессершмитт-109», «Юнкерс-87» и «Юнкерс-88». Выпускаются также транспортный самолет «Юнкерс-52» и разведчик «ФВ-189». В небольших количествах строятся тяжелые истребители «Мессершмитт-110» и явно устаревшие бомбардировщики «Хейнкель-111» и «Дорнье-217». «Хейнкель» имеет скорость примерно 430 километров в час. «Дорнье» несколько больше.

В самолетном парке Германии преобладает «Мессершмитт-109», который немцы гордо именуют «королем воздуха».

Как известно, в Испании наши истребители «И-15» и «И-16» впервые встретились в боях с «Мессершмиттами». Это были первые немецкие истребители «Ме-109В», скорость которых не превышала 470 километров в час. Наши истребители по скорости не уступали «Мессершмиттам», а оружие у тех и других было примерно равноценное — пулеметы калибра 7,6 миллиметра. Маневренность же у наших машин была лучше, и «мессерам» сильно от них доставалось. В силу этого у нас с модернизацией отечественной истребительной авиации не спешили.

Немцы же раньше нас учли опыт первых воздушных боев в небе Испании, оперативнее нас использовали уроки испанского полигона.

Они радикально улучшили свои боевые машины «Ме-109», установив двигатель «Даймлер-Бенц-601» мощностью 1100 лошадиных сил, благодаря чему скорость полета возросла до 570 километров в час. Они вооружили его пушкой калибра 20 миллиметров, увеличив тем самым огневую мощь.

В таком виде истребитель «Мессершмитт» поступил в серийное производство под маркой «Ме-109Е».

Два десятка «Ме-109Е» в августе 1938 года было послано в Испанию. Преимущество этих самолетов перед нашими истребителями «И-15» и «И-16» было очевидным.

До этого молча и внимательно слушавший Сталин остановил Яковлева.

— История вопроса мне известна, — произнес он. — Значит, вы считаете, что основная масса наших истребителей не может противостоять немецким?

— Им могут противостоять лишь наши новые истребители «МиГ», «Я к» и «ЛаГГ», которые появились в образцах лишь в 1940 г., но сейчас запущены в серийное производство, — с твердой убежденностью в голосе ответил Яковлев. — К

сожалению, товарищ Сталин, сравнение наших бомбардировщиков с немецким «Юнкерсом-88» тоже не в нашу пользу. По скорости, по бомбовой нагрузке немцы имеют преимущество и в бомбардировочной авиации. Превосходящий немецкие бомбардировщики наш пикирующий бомбардировщик «Пе-2» только недавно запущен в серийное производство.

Самолета же для взаимодействия с сухопутными войсками, подобного немецкому пикирующему бомбардировщику «Юнкерс-87», у нас нет.

Намного превосходящий во всех отношениях «Ю-87» ильюшинский бронированный штурмовик «Ил-2» также лишь недавно запущен в серийное производство.

Яковлев замолчал. Сталин встал и начал медленно прохаживаться по кабинету. Он не мог долго сидеть. Не давал застарелый ревматизм, полученный еще во времена царской России, когда в один из побегов из ссылки в северные края он провалился в прорубь и в сорокаградусный мороз, весь обледенелый и со сломанной рукой, восемнадцать километров добирался до ближайшего жилья. Мучительно болели ноги и их периодически приходилось разминать при ходьбе.

Остановившись напротив Яковлева, Сталин произнес:

— Выходит, мы правильно поступили, что в 1939 году заключили договор о ненападении с фашистской Германией, давший нам полтора года передышки?

— Это было поистине гениальное решение, товарищ Сталин, — поднялся в свою очередь Яковлев: — Выигрыш во времени был особенно дорог для нашей авиации: он позволил за 1939–1940 годы создать новые, вполне современные типы боевых самолетов и к 1941 году запустить их в серийное производство. Без этого немцы бы наверняка нас в 1939 г., да еще вместе с японцами, разгромили.

— Ну это еще бабушка надвое сказала, — усмехнулся Сталин, — но, вы правы, было бы очень трудно. — Немного помолчав, добавил: — Выходит, перехитрили Гитлера, не помогла ему «нордическая» хитрость?

— Выходит, товарищ Сталин.

Яковлев закрыл папку, намереваясь уходить, решив, что он и так отнял у Сталина много времени.

— Подождите, — остановил его Сталин. — Расскажите о ваших общих впечатлениях при последнем посещении Германии. Вы наблюдательный человек и наверняка заметили немало интересного.

— Смотря что вас интересует, товарищ Сталин.

— Какова общая обстановка в Берлине? Чувствуется, что

Германия воюет с Англией?

Некоторое время Яковлев молчал, обдумывая неожиданный для него вопрос Сталина. Он меньше всего ожидал, что его личные впечатления о Германии могут заинтересовать Сталина, и готовился только к ответам на специальные, чисто технические вопросы о состоянии военно-воздушных сил европейских стран, и прежде всего, конечно, Германии. О том, что Сталина интересуют именно эти вопросы, его, за день до приема, предупредил Поскребышев.

— Следов войны в городе, — начал Яковлев, — не видно. Союзная авиация больше пугает, чем действует. Во время ее налетов обстановка в Берлине больше напоминает учебную воздушную тревогу. Однако во время объявления воздушной тревоги немцы дисциплинированно прячутся в бомбоубежища и сидят в них до отбоя.

Днем около магазинов стоят очереди и в городе идет обычная жизнь. Большинство мужчин носят какую-нибудь форму: военную, эсэсовскую, полицейскую, форму фашистской партии: черные брюки и коричневый пиджак с нарукавной свастикой, даже дворники, убирающие улицы, носят форменные фуражки. Повсюду плакаты с изображением Черчилля, с надписью «Враг номер один» и лозунги: «Боже, покарай Англию!» Излюбленная тема при разговорах на международные и политические темы — высмеивание англичан.

Почему-то гитлеровцы крайне насмешливо относятся и к своим союзникам — итальянцам. Один из немецких авиаконструкторов за обедом рассказал мне такой анекдот: «У итальянцев танки отличаются от немецких тем, что имеют три скорости назад и одну вперед». В немецких кинотеатрах показывают очень популярную среди немцев документальную хронику о войне с Польшей: «Польша в огне» — варварскую бомбардировку немецкой авиацией этой страны.

— Я видел эту картину. Такое могло иметь место только против страны с крайне слабой противовоздушной обороной, — заметил Сталин.

— Евреи в Берлине обязаны носить на левой руке желтую повязку с черной буквой «Y» («юде»), — продолжал свой рассказ Яковлев. — В такси часто можно видеть таблички: «Евреев не обслуживаю», а в кинотеатрах у кассы: «Евреям билеты не продаются». На бульварах скамейки для евреев с надписью «Фюр юден» (для евреев) выкрашены в желтый цвет и повернуты спиной к бульвару. И так по всей Германии. Имеют место еврейские погромы.

— Мне докладывали, — Сталин постучал зажатой в руке

трубкой по столу, — что гитлеровцы готовят полное физическое истребление еврейского населения как в самой Германии, так и в оккупированных ею странах. С этой целью ими разработан специальный план уничтожения еврейского населения, закодированный под названием план «Ваннзее». — Помолчав, Сталин добавил: — Жаль трудолюбивый и талантливый еврейский народ, насчитывающий шеститысячелетнюю историю. Многие его представители, будучи видными учеными в самых разнообразных областях, внесли существенный вклад в подготовку Советского Союза к обороне.[18] Сегодня реальная надежда на спасение у еврейского народа — это Советский Союз. Единственная страна в мире, где граждане еврейской национальности по-настоящему чувствуют себя, как, впрочем, и все другие народы, населяющие нашу великую страну, равноправными и свободными людьми.

Англичане и американцы же, выдающие себя за друзей евреев и в то же время создавшие и взрастившие гитлеровцев, много болтают о необходимости их спасения, но практически ничего для этого не делают, позволяют Гитлеру претворять в жизнь его людоедские планы.[19]

— А почему гитлеровцы так ненавидят евреев? — спросил Яковлев.

Сталин раскурил трубку, выпустил несколько колечек дыма, неторопливо ответил:

— Дело в капиталистической конкуренции. Рурские магнаты прибирают к рукам капитал евреев-капиталистов в Германии. А для маскировки, под флагом расовой теории, натравляют на всех евреев своих цепных псов в лице гитлеровцев, — остановившись посредине кабинета, Сталин спросил: — Какая, на ваш взгляд, отличительная черта у современных немцев?

Яковлев ответил не задумываясь:

— Самоуверенность.

— Ну, этого им всегда хватало и губило их, — сказал Сталин.

— Но сейчас, товарищ Сталин, в результате фашистской пропаганды, у всех у них без исключения — от конструктора до носильщика — чувствуется сознание превосходства над всеми другими народами.

Сталин, сев к столу, проговорил:

— Унтерменшен — недочеловеки, так, кажется, современные немцы именуют все другие народы?

Яковлев в знак согласия кивнул:

— Именно так, товарищ Сталин.

После непродолжительного молчания Сталин проговорил, как бы отвечая на какие-то свои мысли:

— Нет, мы правильно поступаем, что так сурово караем националистов всех мастей и расцветок. Они лучшие помощники наших врагов и злейшие враги собственных народов. Ведь заветная мечта националистов — раздробить Советский Союз на отдельные «национальные» государства, и тогда он станет легкой добычей врагов. Народы же, населяющие Советский Союз, в своем большинстве будут физически истреблены, оставшаяся же часть превратится в бессловесных и жалких рабов завоевателей. Не случайно презренные предатели украинского народа — лидеры украинских националистов, все эти мельники, коновальцы, бандеры — уже получили задание от немецкой разведки разжигать среди украинцев, которые те же русские, ненависть к русским и добиваться отделения Украины от Советского Союза. Все та же старая песня древних времен еще с периода существования Римской империи: разделяй и властвуй. Особенно преуспели в деле разжигания национальной розни и натравливании одних народов на другие англичане. Благодаря такой тактике, подкупая жалких и продажных вождей разных народов, капиталистическая островная Англия — первая фабрика мира, ничтожно маленькая по своим размерам, сумела захватить огромные территории, поработить и ограбить многие народы мира, создать «Великую» Британскую империю, в которой, как хвастливо заявляют англичане, никогда не заходит солнце.

С нами этот номер, пока мы живы, не пройдет. Так что напрасно гитлеровские дурачки именуют Советский Союз «карточным домиком», который, якобы, развалится при первом серьезном испытании, рассчитывают на непрочность дружбы народов, населяющих сегодня нашу страну, надеются поссорить их друг с другом. В случае нападения Германии на Советский Союз люди разных национальностей, населяющие нашу страну, будут защищать ее, не жалея жизни, как свою горячо любимую Родину. Однако недооценивать националистов не следует. Если разрешить им безнаказанно действовать, они принесут немало бед. Вот почему их надо держать в железной узде, не давать им подкапываться под единство Советского Союза. Скажите, товарищ Яковлев, — задал новый вопрос Сталин, — как немецкие летчики относятся к советским военно-воздушным силам?

— Относятся явно пренебрежительно, товарищ Сталин. Они считают нашу авиацию неполноценной, «азиатской», неспособной противостоять их «непобедимым» люфтваффе.

— «Непобедимым», — усмехнулся Сталин. — Это их в конечном счете и погубит. Недооценка противника крайне опасная штука.

— Товарищ Сталин, разрешите задать вопрос, — попросил

Яковлев, — почему немцы раскрыли передо мной свои военные секреты — показали свою новейшую военную авиационную технику?

— Вероятно, хотят запугать, — ответил Сталин. — Сломить нашу волю к сопротивлению — прием не новый. Так поступал еще Чингисхан, лазутчики которого до нашествия распространяли сведения о могуществе его армии среди народов, на территорию которых должна была вторгнуться татаро-монгольская конница. И надо сказать, что этот прием Чингисхана во многих случаях действовал безотказно, парализуя волю к сопротивлению у жертв агрессии. Но напрасно на этот прием надеются гитлеровцы. Мы не из пугливых.

В конце беседы с Яковлевым Сталин предупредил его, что нужно усилить охрану государственной тайны в конструкторских бюро.

Вот как описывал в своих воспоминаниях этот разговор А. С. Яковлев: «Нужно быть очень бдительным, — сказал И. В. Сталин. — Сейчас время такое… Вот мы приставили охрану к вооруженцу Дегтяреву, он все свои секреты с собой носил и дома работал. Мы запретили… Да ведь ко всем не приставишь охрану, и дело ваше не такое, — самолет не пистолет.

— Можете быть спокойны, — государственная тайна сохраняется в конструкторских бюро надежно, — говорю я.

— А вы все-таки поговорите с конструкторами на эту тему. Мне известно: есть еще среди вас беспечные люди. Лишний разговор не повредит.

— Слушаю, товарищ Сталин, я соберу конструкторов и от вашего имени с ними поговорю…

— Зачем от моего имени? Сами скажите.

Сталин сердито посмотрел на меня:

— Вот многие любят за мою спину прятаться, по каждой мелочи на меня ссылаются, ответственность брать на себя не хотят. Вы человек молодой, еще не испорченный и дело знаете. Не бойтесь от своего имени действовать, и авторитет ваш будет больше, и люди уважать будут».

Прощаясь с Яковлевым, Сталин приказал:

— Товарищ Яковлев, делайте все возможное, чтобы новые виды самолетов как можно скорее поступили в наши вооруженные силы. По этим вопросам обращайтесь ко мне в любое время дня и ночи.

Приказание Сталина было успешно выполнено. Если в 1942 году заводы Германии выпустили 14,7 тысячи военных самолетов, то заводы СССР — 25,4 тысячи, в 1943 с. — соответственно: 25,3 тысячи и 35 тысяч. Только за два года Советская Армия получила

на 20 тысяч самолетов больше, чем гитлеровская.

Великий полководец

По поводу назначения И. В. Сталина Верховным Главнокомандующим прославленный маршал времен Великой Отечественной войны Г. К. Жуков писал в своих воспоминаниях: «И. В. Сталин внес большой личный вклад в дело завоевания победы над фашистской Германией и ее союзниками. Авторитет его был чрезвычайно велик, и поэтому назначение Сталина Верховным Главнокомандующим было воспринято народом и войсками с воодушевлением».[20]

И далее: «Действительно ли И. В. Сталин являлся выдающимся военным мыслителем в области строительства вооруженных сил и знатоком оперативно-стратегических вопросов?

Как военного деятеля И. В. Сталина я изучил досконально, так как вместе с ним прошел всю войну. И. В. Сталин владел вопросами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими с полным знанием дела, хорошо разбираясь и в больших стратегических вопросах… В руководстве вооруженной борьбой в целом И. В. Сталину помогали его природный ум, богатая интуиция. Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, оказать противодействие врагу, провести ту или иную крупную наступательную операцию. Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим».[21]

О полководческой деятельности Сталина во время Великой Отечественной войны всемирно известный и признанный военный авторитет, долгое время возглавлявший в войну мозг советских Вооруженных сил — Генеральный штаб, маршал Александр Михайлович Василевский писал: «Ведущая и руководящая роль в деятельности Ставки на протяжении всей войны безусловно принадлежала Верховному Главнокомандующему. Он обладал огромным умом, железной силой воли и поразительной памятью, умел отлично разбираться в самой сложной военной обстановке».[22]

И далее по поводу назначения И. В. Сталина Верховным Главнокомандующим: «И. В. Сталин стал хорошо разбираться не только в военной стратегии, что давалось ему легко, так как он был мастером политической стратегии, но и в оперативном искусстве. Вследствие этого он оказывал более сильное влияние на ход разработки операций. (…) Полагаю, что Сталина несомненно можно отнести к разряду *выдающихся полководцев* (выделено мною. — *В. Ж.)*».[23]

А вот как описывал военный талант И. В. Сталина Уинстон Черчилль: «Я затем точно разъяснил операцию «Торч». Когда я закончил свой рассказ, Сталин проявил живейший интерес. (…) Сталин, по-видимому, внезапно оценил стратегические преимущества «Торч». Он перечислил 4 основных довода в пользу «Торч». Во-первых, это нанесет Роммелю удар с тыла, во-вторых, это запугает Испанию, в-третьих, это вызовет борьбу между немцами и французами во Франции, в-четвертых, это поставит Италию под непосредственный удар. (…) Это замечательное заявление произвело на меня глубокое впечатление. Оно показало, что русский диктатор (определение диктатор оставим на империалистической совести Черчилля. — *В. Ж.)* быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него. Очень немногие из живущих людей смогли бы понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все это оценил молниеносно».[24] Даже Гитлер отдавал должное политическим и военным способностям Сталина. В 1953 г. были изданы так называемые «Застольные беседы Гитлера», стенографические записи его изречений в тесном кругу. «Оба англосакса, — говорил в одной из таких бесед Гитлер, — стоят друг друга. (…) Черчилль и Рузвельт, что за шуты! (лихо определялся с противниками Гитлер! — *В. Ж.)*. Что касается Сталина, то он безусловно заслуживает уважения и в своем роде великолепный деятель».

Министр иностранных дел фашистской Германии Риббентроп в разгар войны, ознакомившись с оценкой СССР службой Шелленберга, говорил ему: «Я хорошо изучил ваши специальные доклады о России и обдумал положение. Затем я пошел к фюреру и откровенно заявил ему, что наш главный и самый опасный противник — Советский Союз, а Сталин обладает большими способностями как стратег и государственный деятель, чем Черчилль и Рузвельт, вместе взятые. Фюрер разделяет это мнение. Он заметил, что он относится с должным уважением только к Сталину»[25].

Столь единодушная оценка полководческих способностей Сталина не случайна. Он действительно выдающийся полководец и сыграл решающую роль в крупнейших в истории человечества битвах на полях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., которые готовились и проходили под непосредственным руководством Верховного Главнокомандующего. По всем главным вопросам его слово было решающим.

Поскольку роль Сталина как Верховного Главнокомандующего и полководца подвергается фальсификации как со стороны дилетантов в военном искусстве, вроде

«опереточных генералов» типа Волкогонова, так и отдельных военных специалистов, лучше всего рассказать о ней словами всемирно признанных военных авторитетов — очевидцев этой деятельности. Маршалы Г. К. Жуков и А. М. Василевский оставили подробные воспоминания о том, как во время войны работал Верховный.

Г. К. Жуков рассказывал: «И. В. Сталин обычно вызывал начальника Генерального Штаба и его заместителя и кропотливо вместе с ними рассматривал оперативно-стратегическую обстановку на всем советско-германском фронте: состояние войск фронтов, данные всех видов разведки и ход подготовки резервов всех родов войск. Потом в Ставку вызывались начальник тыла Красной Армии, командующие родами войск и начальники главных управлений Наркомата обороны, которым предстояло практически обеспечивать операцию.

Затем Верховный Главнокомандующий, заместитель Верховного и начальник Генштаба обсуждали оперативно-стратегические возможности наших войск. Начальник Генерального штаба и заместитель Верховного получали задачу — продумать и рассчитать наши возможности для той или тех операций, которые намечались к проведению. Обычно для этой работы Верховный отводил нам 4–5 дней. По истечении срока принималось предварительное решение. После этого Верховный давал задание начальнику Генштаба запросить мнение Военных советов фронтов о предстоящей операции. Пока работали командование и штаб фронта, в Генштабе шла большая творческая работа по планированию операции и взаимодействию фронтов. Намечались задачи органам разведки, авиации дальнего действия, партизанским силам, находящимся в тылу вражеских войск, органам военных сообщений по переброске пополнения и резервов Верховного Главнокомандования, материальных запасов. Наконец, назначался день, когда командующие фронтами должны были прибыть в Ставку для доклада плана операции фронта. Обычно Верховный слушал их в присутствии начальника Генштаба, заместителя Верховного и некоторых членов ГКО. После тщательного рассмотрения докладов И. В. Сталин утверждал планы и сроки операции с указанием, на что именно следует обратить особое внимание. Определялось, кто персонально направляется представителем Ставки для координации действий фронтов и кому осуществлять контроль за материально-техническим обеспечением войск, своевременной перегруппировкой войск и резервов Верховного Главнокомандования. (…) Решения Ставки доводились до исполнителей в виде директив, подписанных Верховным

Главнокомандующим и начальником Генерального штаба. (…) При разработке менее крупных операций командующие фронтами обычно не вызывались в Ставку, а по ее требованию письменно представляли свои соображения по проведению операции. (…) И. В. Сталин в годы войны выполнял пять обязанностей. Кроме Верховного Главнокомандующего, он оставался на посту Генерального секретаря ЦК ВКП(б), был Председателем Совета Народных Комиссаров СССР и Председателем Государственного Комитета Обороны, являлся народным комиссаром обороны. Работал он напряженно по 15–16 часов в сутки. (…) И. В. Сталин высоко ценил работу Генерального штаба и полностью доверял ему. Как правило, он не принимал важных решений без того, чтобы предварительно не выслушать анализа обстановки, сделанного Генштабом, и не рассмотреть его предложения. (…) Ставка была хорошо осведомлена о положении на фронтах и своевременно реагировала на изменение обстановки. (…) Верховным Главнокомандующим был установлен твердый порядок, по которому Генштаб два раза в сутки докладывал ему карту обстановки на фронтах со всеми изменениями за истекшее время.

К карте прилагалась краткая поясняющая записка начальника Генерального штаба».[26]

Свидетельства Г. К. Жукова о полководческой деятельности Сталина в годы Великой Отечественной войны дополняют воспоминания маршала А. М. Василевского.

«И. В. Сталин, как Верховный Главнокомандующий, вызывал для рассмотрения очередного вопроса то одно, то другое ответственное лицо как с фронта, так и из тыла. Он требовал исчерпывающих сведений по любому обсуждавшемуся вопросу и, получив таковые, иногда спрашивал совета, а в первое время чаще сразу решал сам, отдавал распоряжения без единого лишнего слова. (…) Он был отличным организатором. А организаторские способности играли тогда, конечно, огромную роль, ибо непосредственно от них зависело принятие верного оперативного плана, обеспечение фронта и тыла материальными и людскими ресурсами, действия с учетом перспективы длительной и тяжелой войны. (…) Сталин изо дня в день очень внимательно следил за всеми изменениями во фронтовой обстановке, был в курсе всех событий, происходящих в народном хозяйстве страны. Он хорошо знал руководящие кадры и умело использовал их. (…) И. В. Сталин справедливо требовал, чтобы военные кадры решительно отказывались от тех взглядов на ведение войны, которые устарели, и настойчиво овладевали опытом развернувшейся войны. (…) Как правило,

предварительная наметка стратегического решения и плана его осуществления вырабатывалась у Верховного Главнокомандующего в узком кругу лиц. Обычно это были некоторые из членов Политбюро, ЦК и ГКО, а из военных — заместитель Верховного Главнокомандующего, начальник Генерального штаба и его первый заместитель. Нередко эта работа требовала несколько суток. Входе ее Верховный Главнокомандующий, как правило, вел беседы, получая необходимые справки и советы по разрабатываемым вопросам, с командующими и членами военных советов соответствующих фронтов, с ответственными работниками Наркомата обороны, с наркомами и особенно руководившими той или иной отраслью военной промышленности».[27]

«Воспоминания о представителях Ставки, — рассказывает А. М. Василевский, — невольно воспроизводят в памяти вопрос, неоднократно задаваемый мне в последнее время некоторыми военными историками: выезжал ли на фронты И. В. Сталин? Мне известна лишь одна его поездка. Это было в первых числах августа 1943 года в период подготовки Смоленской операции. Тогда Главнокомандующий побывал на командных пунктах Западного и Калининского фронтов, где и состоялась его встреча с командующими этими фронтами генералами армии ВДСоколовским и А. И. Еременко. Поездка заняла двое суток. О других выездах на фронт Сталина мне ничего неизвестно. Думаю, что их и не было. Да, собственно, характер деятельности Верховного Главнокомандующего не требовал таких выездов. Ставка ежедневно получала обширную и разнообразную информацию о положении на фронтах, о боевой обстановке, о состоянии советских войск, их морально-боевых качествах, о деятельности командующих фронтами и армиями, а также данные о противнике. Все это позволяло Верховному Главнокомандующему точно знать ход вооруженной борьбы на каждый день и принимать правильные решения. Кроме того, он ежедневно держал связь с представителями Ставки на фронтах и с командующими фронтами и другими военачальниками».[28]

Полководческая деятельность Сталина во время Великой Отечественной войны имела ряд особенностей, потребовавших от Верховного Главнокомандующего исключительных знаний в области военного искусства и колоссального, поистине нечеловеческого напряжения сил. Ему пришлось руководить войсками на фронте огромной протяженности до 6000 километров и не одной крупной военной операцией, а одновременно сразу несколькими. При этом из 8 крупнейших операций времен Отечественной войны, в которых были

разгромлены основные силы гитлеровской Германии, шесть были осуществлены в ходе наступательных кампаний, отличавшихся большой эффективностью, и в каждой немецко-фашистские захватчики понесли потери от одного до полутора миллионов человек.

В зимней кампании 1941/42 гг. наступление советских войск охватило территорию около 1000 км (25 % от всей общей протяженности фронта). В 1942/43 гг. — 3200 км (более 50 % от общей протяженности фронта), при этом глубина наступления колебалась от 200 до 700 км. Во второй половине Великой Отечественной войны наступление уже велось по фронту, который колебался от 2000 до 4000 км, а в глубину от 300 до 1100 км.

Другой особенностью полководческой деятельности Сталина был общевойсковой характер боев времен Отечественной войны, которая потребовала от Верховного Главнокомандующего умелого сочетания действий всех родов войск и служб.

Вот что рассказал об одном из совещаний в Ставке еще один прославленный маршал Иван Христофорович Баграмян:

«В тот памятный вечер, оставивший у меня неизгладимое впечатление, И. В. Сталин не раз по ходу доклада и в процессе его обсуждения также разъяснял нам, как наилучшим образом использовать боевые свойства пехоты, танков, авиации в предстоящих летних операциях Красной Армии. (…) Из Кремля я вернулся весь во власти новых впечатлений. Я понял, что во главе наших Вооруженных Сил стоит не только выдающийся политический деятель современности, но также и хорошо подготовленный в вопросах военной теории и практики военачальник». И далее: «Во время обсуждения предложений командующих Верховный был немногословен. Он больше слушал, изредка задавал короткие, точно сформулированные вопросы. У него была идеальная память на цифры, фамилии, названия населенных пунктов, меткие выражения. Сталин был предельно собран».[29]

Для полководческой деятельности И. В. Сталина, приведшей к победе в Великой Отечественной войне, характерен ряд отличительных моментов, убедительно характеризующих его как выдающегося стратега и полководца.

1. Умелый выбор отражения и нанесения главного удара на том или ином этапе войны

Общеизвестно, что от решения этой проблемы целиком

зависит победа.

Полководец должен четко и ясно представлять, где ему необходимо сосредоточить основные силы, чтобы разгромить противника. С разрешением этих проблем И. В. Сталин и работавшие под его командованием полководцы справлялись успешно. Благодаря этому были одержаны победы под Москвой, Сталинградом, Курском, на Украине и в Белоруссии, в Висло-Одерской и Берлинской операциях. Причем победа лишь в одной из них навечно внесла бы имя Сталина и его помощников в ряд выдающихся полководцев.

2. Создание и умелое использование стратегических резервов

И. В. Сталин, на основе опыта Гражданской войны и разгрома иностранной военной интервенции, созданию резервов уделял первостепенное значение. Еще до войны по его предложению был создан резерв вооруженных сил, получивший в годы войны наименование резерва Ставки Верховного Главнокомандования, воинские части из которого направлялись в войска, наносившие главный удар на том или ином этапе войны.

В 1941/42 гг. из этого резерва на фронты было направлено 67 стрелковых, 24 танковые и механизированные бригады, в 1943 г. — 155 стрелковых дивизий, 37 танковых и механизированных корпусов, в 1944 г. — 134 стрелковые дивизии, 21 танковый и механизированный корпус. Кроме того, на помощь фронтам, в наиболее трудные для них моменты, направлялись авиационные и артиллерийские полки, инженерные части и соединения.

Исключительно важную роль в отражении немецкого наступления в первые недели войны сыграли артиллерийские полки резерва Главного командования.

Выполняя приказ Верховного Главнокомандующего, разработавшего вместе с Генеральным штабом план активной стратегической обороны — выбивать в первую очередь немецкие танки, советские артиллеристы, танкисты и летчики в первые два месяца войны уничтожили более 60 % наступавших танков противника. Например, только одна 100-я Краснознаменная дивизия под Минском уничтожила более 300 немецких танков.

Вот как описывал действия советских войск в первые дни войны маршал Константин Константинович Рокоссовский:

«20-я танковая дивизия на рассвете 24-го головным полком с ходу атаковала располагавшиеся на привале в районе Олыка моторизованные части 13-й танковой дивизии немцев, нанесла

им большие потери, захватила пленных и много трофеев. Уже в этот день полковник Черняев показал, что обладает настоящей воинской хваткой. Закрепившись, его части весь день успешно отбивали атаки подходивших танковых частей противника.

131-я мотодивизия, отбросив за Стырь форсировавшие ее передовые части противника, вела бой на рубеже Луцк и южнее, отражая попытки немцев снова переправиться на восточный берег.

Мы видели с НП, как шла на 20-ю танковую внушительная сила врага. И увидели, что с ней стало. Артиллеристы подпустили немцев близко и открыли огонь. На шоссе осталась чудовищная каша — мотоциклы, обломки бронемашин, тела убитых. (…) Враг понес большой урон и был отброшен. (…) Мы заставили противника довольно долго по тем временам топтаться на месте.

Там, где были крепкие кадры командиров и политработников, части в любой обстановке дрались уверенно, оказывая врагу достойный отпор. (…)

Гитлеровцам не удалось разгромить нас, как они к этому ни стремились. Враг смог лишь выталкивать наши войска, неся при этом большие потери. (…)

Подлинный героизм проявили гарнизоны Бреста, Либавы. С беззаветной храбростью дрались многие наши части и соединения.

Не было никакой растерянности, угнетенности или неуверенности. Была озабоченность».

В докладе Гальдеру начальника организационного отдела германского Генштаба сухопутных войск о чудовищных потерях наступавших немецко-фашистских войск на советско-германском фронте, сделанном им 28 августа 1941 г., говорилось: «Количество грузовых автомашин в моторизованных дивизиях понизилось на 1/2, в частях резерва — на 1/4, в пехотных дивизиях — также на 1/4. Части 1-й танковой группы в среднем потеряли 50 % своих танков. Части 2-й танковой группы в среднем имеют 45 % своих танков. Части 3-й танковой группы: 7-я танковая дивизия имеет 24 % своего первоначального количества танков. Остальные дивизии этой группы в среднем имеют 45 % своего первоначального количества танков. Лучшее положение с танками в дивизиях 4-й танковой группы. Дивизии этой группы имеют в среднем от 50 до 75 % своих танков».

В свете этих неопровержимых исторических фактов нельзя согласиться с утверждением профессора, генерала армии ПАКурочкина и других, разделявших его точку зрения авторов, писавших на тему истории Великой Отечественной войны, что наши вооруженные силы накануне нападения фашистской

Германии на Советский Союз якобы не были готовы к отражению немецко-фашистской агрессии. Наоборот, действительные, правдивые факты истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. говорят совсем о другом, о том, что наши вооруженные силы в своем подавляющем большинстве встретили нападение гитлеровских войск исключительно стойко и мужественно. Об этом свидетельствуют конкретные исторические факты Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Начальник Генерального Штаба сухопутных войск фашистской Германии генерал-полковник Ф. Гальдер вел дневник войны, куда заносил все главное, что в тот или иной день происходило на фронтах. Вот несколько выдержек из этого дневника о ходе военных действий на германо-советском фронте в первые дни войны после нападения фашистской Германии на Советский Союз.

24 июня 1941 г. (3-й день войны):

«… Войска группы «Север» почти на всем фронте отражали сильные танковые контратаки противника».

26 июня 1941 г. (пятый день войны):

«Группа армий «Юг» медленно продвигается вперед, к сожалению, неся значительные потери. На стороне противника, действующего против группы армий «Юг», отмечается твердое и энергичное руководство».

29 июня 1941 г. (8-й день войны): «Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека, лишь местами сдаются в плен».

Эта запись Гальдера подтверждается не только архивными документами, но и дошедшими до нас письмами и записками советских воинов, стоявших насмерть в первые дни войны на защите рубежей нашей Родины. Об одном из таких примеров 9 марта 1978 г. рассказала газета «Правда»: «Ученицы седьмого класса 130-й Минской школы Инна Лазарева и Жанна Нерон, будучи с классом в походе в 20 км от поселка Березино, среди мха наткнулась на гильзу, пролежавшую тут более 30 лет. В ней обнаружили полуистлевшую записку. В этой записке, написанной неизвестным советским воином, говорилось следующее: «Из батальона осталось три человека. Но уже 2. Сашок ранен. Сам я из деревни Заврутка. Мы держим оборону за рекой Березина. Реку перешли, а… фашисты. Помер мой друг Александр Бручкин. Я остался один, осталось шее… гранат. Но танки лезут. Перебил ногу… Скоро не бу… меня. Товарищи, отомстите за нас. Мы не отступили. Сражались до последней капли крови». Многоточия означают, что в этом месте восстановить текст письма не удалось».

Под влиянием ряда успешных для Германии боев 3 июля 1941 г. в дневнике Гальдера появляется более чем оптимистическая запись: «Не будет преувеличением, если я скажу, что поход против России был выигран в течение 14 дней».

Но уже 11 июля 1941 г. (20-й день войны) от этого оптимизма не осталось и следа: «Командование противника, — записал в этот день Гальдер, — действует умело. Противник сражается ожесточенно и фанатически, танковые соединения понесли значительные потери в личном составе и материальной части. Войска устали…».

17 июля 1941 г. Гальдер записал: «Боевой состав наших соединений, действующих на фронте, резко сократился».

К 14 июля 1941 г. из 2887 действующих на германо-советском фронте танков у гитлеровцев осталось 1700. С начала войны к 19 июля 1941 г. немецкая авиация потеряла более 1300 боевых самолетов.

А вот что, например, записал Геббельс о первых днях боев на советско-германском фронте в своем личном дневнике: «24 июня 1941 г. Противник сражается хорошо. (…) Русские защищаются мужественно. Южный фронт отчаянно сопротивляется и имеет хорошее командование. Положение не угрожающее, но у нас по горло дел».

Начальник же личной охраны Гитлера обергруппенфюрер «СС» Раттенхубер был более откровенен. Он так охарактеризовал эти дни: «24 июня 1941 г. Большевики не из трусливых». «1 июля 1941 г. Русские сопротивляются сильнее, чем предполагалось в начале. Наши потери в людях и материальной части значительны. (…) В общем происходят очень тяжелые бои. О «прогулке» не может быть и речи. (…) Наши солдаты еле справляются».

Как мы видим, никакой растерянности, а тем более бегства с поля боя в советских Вооруженных силах не было. Советские воины в начальный период войны стойко и мужественно отражали бешеные атаки врага. Бои в районах Минска, Киева, Смоленска, Ельни, Ленинграда, Одессы и Севастополя подготовили разгром немецких фашистов под Москвой, сорвали гитлеровский план «молниеносной» войны. Только в боях под Смоленском гитлеровцы потеряли сто тысяч человек, а в боях под Одессой — более 110 тысяч солдат и офицеров и большое количество военной техники. В течение первых трех недель войны немецко-фашистские захватчики потеряли убитыми, ранеными и пленными более миллиона солдат и офицеров, 2300 самолетов, 3000 танков. К концу второго месяца войны потери немецко-фашистских войск составили уже 2 млн. человек, 8000 танков, 10 000 орудий и 7500 самолетов.

Даже профессиональные зарубежные антисоветчики, типа американского историка генерала Фуллера, вынуждены были признать в своих «трудах» по истории Второй мировой войны беспримерную стойкость, которую проявила Красная Армия в момент внезапного нападения фашистской Германии на Советский Союз.

«До 3 июля 1941 г., — пишет Фуллер, — на всем фронте продолжались упорные бои. Русские отходили на восток очень медленно и часто только после ожесточенных контратак против вырвавшихся вперед немецких танковых частей. (…) Скоро выяснилось, что русские расположили вдоль границ не все свои армии, как думали немцы. Вскоре также выяснилось, что сами немцы совершили грубейший просчет в оценке русских резервов».

Конечно, при подготовке к отражению немецко-фашистской агрессии действительно имели место недостатки. Но разве на основе этих недостатков можно делать такой необъективный и ошибочный вывод, что якобы из-за «просчетов» И. В. Сталина советские Вооруженные силы накануне нападения фашистской Германии на Советский Союз не были готовы к отражению агрессора? На такой ошибочный вывод, откровенно позорящий павших советских воинов, доблестно защищавших Родину в первые дни войны и ценой своих жизней заложивших фундамент будущей победы, явно оказали свое влияние работы современных буржуазных фальсификаторов истории, зарубежные издания, в которых в той или иной мере рассматриваются и фальсифицируются проблемы, связанные с историей Великой Отечественной войны.

Вот что, например, говорилось в широко разрекламированной на Западе антисоветской фальшивке «Коммунистическая партия Советского Союза», выпущенной в свет еще в 1960 году в Нью-Йорке за подписью профессора Лондонской школы политических наук Леонарда Шапиро: «Вторжение немцев на советскую территорию, — пишет он в главе «Партийный контроль над армией», — 22 июня 1941 года застало страну совершенно не готовой к войне».

А еще до выхода в свет книги Шапиро другой буржуазный фальсификатор истории, профессор Колумбийского университета США Фредерик Шуман, в книге «Россия после 1917 года» (четыре десятилетия советской политики) выдавал «рецепты» для последующих борзописцев: «Первые пять месяцев войны — трагическое лето и черная осень 1941 года — были для СССР временем страшных катастроф. На всем фронте, растянувшемся на 2 тысячи миль, непобедимые, все сокрушающие на своем пути войска противника (которые молниеносно в несколько недель

или дней, разгромили все остальные армии континента) пробивали бреши, обходили советские войска, уничтожали их или заставляли массами сдаваться в плен».

Внимательно прочитав статьи и выступления ряда отечественных современных историков, утверждающих, что они были призваны ликвидировать «белые пятна» в истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., статьи, содержащие ярые и столь же необъективные нападки на И. В. Сталина, нельзя не заметить, что по изложению исторических «фактов» они удивительно совпадают с тем, что до них уже было давно, еще в шестидесятых годах, «изложено» зарубежными фальсификаторами истории.

Не было в предвоенные годы и беспечности и благодушия, которые столь охотно сегодня приписывают советским воинам антисоветчики всех мастей и расцветок.

Вот что о настроениях в советских вооруженных силах накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. писал маршал Рокоссовский:

«В товарищеских разговорах офицеры корпуса — я имею в виду его руководящий состав — обязательно и с волнением затрагивали вопросы международного положения нашего отечества. На душе было неспокойно. Откровенно говоря, мы не верили, что Германия будет свято блюсти заключенный с Советским Союзом договор. Было ясно, что она все равно нападет на нас. Но договор давал нам возможность выиграть время для укрепления нашей обороны и лишал империалистов надежды создать единый антисоветский фронт. Сколько эта «оттяжка» продлится — в нашем корпусном масштабе знать было не дано. Однако времени мы не теряли. В первую очередь сосредоточили свое внимание на подготовке командиров и штабов. Проводились командно-штабные выходы в поле со средствами связи и обозначенными войсками, военные игры на картах и полевые поездки по наиболее вероятным маршрутам движения корпуса на случай внезапной войны. Обязали всех офицеров обеспечивать повседневную боевую готовность подразделений и частей, не дожидаясь полного укомплектования. (…)

Офицеры глубоко осознали, насколько необходимы были все наши мероприятия, исходившие из ожидания близкой войны. Те дни не прошли бесследно, они дали результат в июне сорок первого. (…)

Атмосфера настороженности была создана. Мне было известно, что и в других корпусах с тревогой и озабоченностью готовились ко всяким неожиданностям. (…)

Еще во время окружной полевой поездки я беседовал с

некоторыми товарищами из высшего командного состава. Это были генералы И. И. Федюнинский, С. М. Кондрусев, Ф. В. Камков (командиры стрелкового, механизированного и кавалерийского корпусов). У них, как и у меня, сложилось мнение, что мы находимся накануне войны с гитлеровской Германией».[30]

3. Внезапность при проведении операций

Например, во время сражений под Москвой и Сталинградом сосредоточение огромных многомиллионных советских войск в этих районах оказалось для немецко-фашистских захватчиков полной неожиданностью.

В результате гитлеровцы были разгромлены под Москвой, а под Сталинградом ликвидирована лучшая, 6-я армия гитлеровцев, насчитывающая 300 тысяч солдат и офицеров. После сражения на поле боя было подобрано 147 тысяч трупов немецко-фашистских захватчиков, остальные попали в плен.

4. Целеустремленность и решительность при проведении операций, отличный подбор военачальников

И. В. Сталин, как Верховный Главнокомандующий, упорно и бескомпромиссно добивался, чтобы во всех крупных военных операциях войска противника обязательно добивались до конца. После московской битвы во всех последующих крупных сражениях это ему всегда удавалось.

За это убедительно говорит такой исторический факт. За 47 месяцев Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. советские войска разгромили 507 немецких дивизий. Потери немецко-фашистской армии на советско-германском фронте составили более 8 миллионов солдат и офицеров.

И, наконец, об «утверждениях», что война против гитлеровской Германии, в которой Верховный Главнокомандующий Советскими Вооруженными Силами был Сталин, якобы выиграна исключительно большой кровью, что, мол, одержана чуть ли не пиррова победа. Известно, сколь часто и недобросовестно в последнее время обыгрывается разномастными фальсификаторами истории Великой Отечественной войны цифра погибших в этой войне советских людей — 20 млн. человек. Однако стоит только проанализировать цифру погибших, чтобы и этот «довод» горе-критиков Сталина оказался несостоятельным. Известно, что на

временно оккупированной территории в гитлеровских лагерях смерти находилось более 18 млн. советских граждан, из них более 11 млн. были в этих лагерях уничтожены. На фронтах в годы Великой Отечественной войны погибло 7,5 млн. советских воинов. Почти миллион советских людей погиб в годы блокады Ленинграда, более миллиона погибло во время бомбежек немецко-фашистской авиации.

В заключение нельзя не сказать, что роль И. В. Сталина, как Верховного Главнокомандующего, сыгравшего огромную роль в достижении победы, под влиянием Хрущева и стоящих за его спиной темных сил, многими историками и писателями долгие годы после смерти Сталина либо замалчивалась, либо откровенно искажалась. Например, в первом издании многотомной истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. имя Хрущева, третьестепенного человека в войне, подхалимами от истории хвалебно упоминалось несколько сотен раз, о роли же Сталина фактически ничего не говорилось, разве что возводилась клевета на его деятельность.

Получился курьез: войну выиграли без Верховного Главнокомандующего! Более того, «с легкой» руки Хрущева по свету пошла гулять лживая выдумка; Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин «не пользовался военными картами, воюя по глобусу».[31] Хрущев пытался создать у слушателей и читателей впечатление, что в самое ответственное для страны время на пост Верховного Главнокомандующего был выдвинут «малограмотный» в военном отношении человек, который при разработке военных операций Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. даже не пользовался оперативными картами. Тем самым на И. В. Сталина вольно или невольно «взваливалась вина» за миллионы погибших советских людей в этой войне. При помощи примитивной выдумки о том, что Сталин «воевал по глобусу», Хрущев и его приспешники, подпевая заокеанским хозяевам, пытались натравить советский народ (война задела все советские семьи, в которых имелись раненые и убитые) против И. В. Сталина. Сегодня можно со всем основанием сказать, что делалось это не случайно. Уже тогда началась подготовка к тому, чтобы путем дискредитации Сталина скомпрометировать социалистическое строительство, идеологически подготовить почву для осуществления заветной мечты англо-американских империалистов — реставрации капитализма в СССР.

Вот что об этом «утверждении» Хрущева писал маршал Советского Союза КАМерецков:

«В некоторых книгах у нас получила хождение версия, будто

И. В. Сталин руководил боевыми операциями «по глобусу». Ничего более нелепого мне никогда не приходилось читать. За время войны, бывая в Ставке и в кабинете Верховного Главнокомандующего с докладами, присутствуя на многочисленных совещаниях, я видел, как решались дела. К глобусу И. В. Сталин тоже обращался, ибо перед ним вставали задачи и такого масштаба. Но вообще-то он всегда работал с картой и при разборе предстоящих операций порой, хотя далеко не всегда, даже «мельчил». Последнее мне казалось излишним. (…) Неверно упрекать его в отсутствии интереса к деталям. (…) Даже в стратегических военных вопросах И. В. Сталин не руководствовался ориентировкой «по глобусу». Тем более смешно говорить это применительно к вопросам тактическим, а они его тоже интересовали и немало. (…) В сентябре 1941 года я получил новое назначение. Помню, как в связи с этим был вызван в кабинет Верховного Главнокомандующего. И. В. Сталин стоял у *карты* (выделено мною. — *В. Ж.)* и внимательно вглядывался в нее, затем повернулся в мою сторону, сделал несколько шагов навстречу и сказал:

— Здравствуйте, товарищ Мерецков! Как вы себя чувствуете?

— Здравствуйте, товарищ Сталин! Чувствую себя хорошо. Прошу разъяснить боевое задание!

И. В. Сталин не спеша раскурил свою трубку, подошел к карте и спокойно стал знакомить меня с положением на Северо-Западном направлении. (…) Через два дня я вылетел в качестве представителя Ставки Верховного Главнокомандующего на Северо-Западный фронт».[32]

«Идти же на доклад в Ставку, к И. В. Сталину, — писал в своих воспоминаниях Г. К. Жуков, — скажем, с *картами* (выделено мною. — *В. Ж.*), на которых были хоть какие-то «белые пятна», сообщать ему ориентировочные, а тем более преувеличенные данные, было невозможно. И. В. Сталин не терпел ответов наугад, требовал исчерпывающей полноты и ясности».

Или вот еще одно воспоминание о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. видного государственного деятеля Николая Семеновича Патоличева:

«И. В. Сталин с каждым из нас поздоровался за руку и тут же всех позвал к столу. *На большом столе его рабочего кабинета лежала карта* (выделено мною. — *В. Ж.)*. На карте разноцветными карандашами изображена какая-то схема. Сталин подробно разъяснил, что это схема оборонительных рубежей».[33]

Сохранилось большое количество документов, исходивших во время Великой Отечественной войны непосредственно от

И. В. Сталина как Верховного Главнокомандующего и касавшихся решения самых важных оперативностратегических вопросов. А. М. Василевский рассказывал, что, заслушав однажды доклады об обстановке на фронтах и приняв решение по конкретному вопросу, Сталин тут же лично диктовал свои приказы войскам, которые затем оформлялись в виде директив Ставки Верховного Главнокомандования. Наиболее ответственные решения принимались И. В. Сталиным после детального и всестороннего обсуждения их в Ставке и с командующими фронтами. В качестве примера вот некоторые из этих документов.

1. Из выступления И. В. Сталина при обсуждении в Ставке 5 января 1942 г. проекта общего наступления Красной Армии: «Немцы в растерянности от поражения под Москвой, они плохо подготовились к зиме. Надо наступать. Заставить немцев израсходовать свои резервы еще до весны. (…)

Главный удар нанести по группе «Центр». Разгром осуществить силами левого крыла Северо-Западного, Калининского и Западного фронтов путем двухстороннего охвата с последующим окружением и уничтожением главных сил в районе Ржева, Вязьмы и Смоленска. Войска Юго-Западного и Южного фронтов — разгромить группу армий «Юг» и освободить Донбасс.

Кавказский фронт во взаимодействии с Черноморским флотом — освободить Крым. Два условия необходимо соблюдать, чтобы иметь боевые успехи:

Первое. Действия ударными группами. Наши войска наступают обычно отдельными дивизиями или бригадами, расположенными по фронту в виде цепочки. Понятно, что такая организация наступления не может дать эффекта, так как не дает нам перевеса сил на каком-либо участке. Такое наступление обречено на провал. Необходимо, чтобы в каждой армии, ставящей себе задачу прорыва обороны противника, была создана ударная группа, группа в виде трех или четырех дивизий, сосредоточенных для удара на определенном участке фронта. В этом первейшая задача командования армии, ибо только таким образом можно обеспечить решительный перевес сил и успех прорыва обороны противника на определенном участке фронта.

Второе. У нас нередко бросают пехоту в наступление против оборонительной линии противника без артиллерии, без какой-либо поддержки со стороны артиллерии, а потом жалуются, что пехота не идет против обороняющегося и окопавшегося противника. Понятно, что такое «наступление» не может дать желательного эффекта. Это не наступление, а преступление —

преступление против Родины, против войск, вынужденных нести бессмысленные жертвы. Это означает, во-первых, что артиллерия не может ограничиваться разовыми действиями в течение часа или двух часов перед наступлением, а должна наступать вместе с пехотой, должна вести огонь при небольших перерывах за все время наступления, пока не будет взломана оборонительная линия противника на всю ее глубину.

Это означает, во-вторых, что пехота должна наступать не после прекращения артиллерийского огня, как это имеет место при так называемой «артиллерийской подготовке», а вместе с наступлением артиллерии, под гром артиллерийского огня. Это означает, в-третьих, что артиллерия должна действовать не вразброс, а сосредоточенно, и она должна быть сосредоточена не в любом месте фронта, а в районе действия ударной группы армии, фронта и только в этом районе, ибо без этого условия немыслимо артиллерийское наступление».

Эти простые и в то же время исключительно важные положения И. В. Сталина были оформлены в виде директивного письма Ставки, которое 10 января 1942 г. получили командующие фронтами и армиями.

В письме давались практические указания фронтам по действию ударными группами и организации артиллерийского наступления.

2. 28 августа 1942 г. И. В. Сталин инструктировал Г. К. Жукова перед его направлением на Сталинградский фронт в качестве представителя Ставки:

«В связи с тяжелой обстановкой мы приказали срочно перебросить 1-ю гвардейскую армию, которой командует Москаленко, в район Лозное и с утра 2 сентября нанести его и другими частями Сталинградского фронта контрудар по прорвавшейся к Волге группировке противника и соединиться с 62-й армией. Одновременно в состав Сталинградского фронта перебрасываются 66-я армия генерала Малиновского и 24-я армия генерала Козлова. Вам следует принять меры, чтобы 1-я гвардейская армия генерала Москаленко 2 сентября нанесла контрудар, а под ее прикрытием вывести в исходные районы 24-ю и 66-ю армии. Это две армии вводятся в бой немедленно, иначе мы потеряем Сталинград».

3 сентября 1942 г. Жуков получил телеграмму Сталина:

> «Положение со Сталинградом ухудшилось. Противник находится в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если

северная группа войск не окажет немедленную помощь. Потребуйте от командующих войсками, стоящих к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь к сталинградцам. Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации осталось очень мало».[34]

5 сентября 1942 г. поздно вечером Сталин приказал Жукову: «Продолжайте атаки. Ваша главная задача — оттянуть от Сталинграда возможно больше сил противника».

11 ноября 1942 года Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин в телеграмме Г. К. Жукову разъяснил, как нужно использовать авиацию в ходе предстоящего контрнаступления:

«Если авиаподготовка операции неудовлетворительна у Еременко и Ватутина, — телеграфировал Сталин, — то операция кончится провалом. Опыт войны с немцами показывает, что операцию против немцев можно выиграть лишь в том случае, если имеем превосходство в воздухе. В этом случае наша авиация должна выполнить три задачи:

Первое — сосредоточить действие нашей авиации в районе наступления наших ударных частей, подавить авиацию немцев и прочно прикрыть наши войска.

Второе — пробить дорогу нашим наступающим частям путем систематической бомбежки стоящих против них немецких войск.

Третье — преследовать отступающие войска противника путем систематической бомбежки и штурмовых действий, чтобы окончательно расстроить их и не дать им закрепиться на ближайших рубежах обороны.

Если Новиков[35] думает, что наша авиация сейчас не в состоянии выполнить эти задачи, то лучше отложить операцию на некоторое время и накопить побольше авиации. Поговорите с Новиковым и Ворожейкиным, растолкуйте им это дело и сообщите мне ваше общее мнение».

Когда действия правого крыла войск Донского фронта не удовлетворили Верховного Главнокомандующего, он 23 ноября 1942 года направил следующую телеграмму командующему этим фронтом К. К. Рокоссовскому:

> «… 3-я мотодивизия и 16-я танковая дивизия немцев целиком или частично сняты с Вашего фронта, и теперь они дерутся против фронта 21-й армии. Это обстоятельство создает благоприятную обстановку для того, чтобы все армии вашего фронта перешли к

активным действиям. Галанин действует вяло, дайте ему указание, чтобы не позже 24 ноября Вертячий был взят. Дайте также указание Жадову, чтобы он перешел к активным действиям и приковал к себе силы противника. Подтолкните как следует Батова, который при нынешней обстановке мог бы действовать более напористо».

3. Полководческий талант Сталина ярко проявился при разработке плана битвы на Курской дуге, поражение в которой поставило фашистскую Германию перед катастрофой. Пытаясь взять реванш за поражение в Сталинграде, Гитлер бросил сюда 50 лучших своих дивизий (среди них было 16 танковых и моторизованных), 2 танковые бригады, 11 танковых батальонов и дивизионов штурмовых орудий, свыше двух тысяч самолетов — около 60 процентов находившихся на Восточном фронте. Готовились начать наступление 900 тысяч отборных гитлеровских солдат. Сталин заблаговременно в директиве предупредил об этой угрозе Центральный, Брянский, Воронежский и ЮгоЗападный фронты.

«Командование фронтов, — писал Г. К. Жуков, — получив предупреждение Ставки, провело ряд новых мер по усилению системы огня в обороне, противотанковой обороны и инженерных заграждений».

Встал вопрос, как проводить сражение на Курской дуге: ожидать ли, пока начнут наступление немцы, или самим нанести упреждающий удар врагу.

Генерал армии Н. Ф. Ватутин и бывший у него член Военного совета фронта Н. СХрущев внесли предложение нанести противнику упреждающий удар, не дожидаясь его наступления. Маршалы Г. К. Жуков и А. М. Василевский и генерал армии А. И. Антонов выступили против этого предложения. Решающее слово было за Верховным Главнокомандующим.

«И. В. Сталин, — рассказывал Г. К. Жуков, — опасался, что наша оборона может не выдержать удара немецких войск, как не раз это бывало в 1941 и 1942 годах. В то же время он не был уверен в том, что наши войска в состоянии разгромить противника своими наступательными действиями.

После многократных обсуждений Верховный решил встретить наступление немцев огнем всех видов глубоко-эшелонированной обороны, мощными ударами авиации и контрударами оперативных и стратегических резервов. Затем, измотав и обескровив врага, добить его мощным контрнаступлением на белгородско-харьковском и орловском направлениях, после чего

провести глубокие наступательные операции на всех важнейших направлениях».

Решение И. В. Сталина оказалось совершенно верным и предопределило разгром немцев в битве на Курской дуге.

4. В разгар битвы на Курской дуге Сталин под утро 9 июля 1943 г. позвонил Жукову. Он спросил:

— Не пора ли вводить в дело Брянский фронт и левое крыло Западного фронта, как это было предусмотрено планом?

Получив утвердительный ответ, приказал:

— Выезжайте к Попову и вводите в дело Брянский фронт.

В ходе битвы на Курской дуге Сталин очень умело использовал для усиления Воронежского фронта контрнаступление Степного фронта. Говоря об этой операции, Г. К. Жуков отметил, что если войска Степного фронта в ходе оборонительного сражения не были бы введены для усиления Воронежского фронта, то последний мог оказаться в крайне сложном положении.

12 июля 1943 г. Сталин приказал Г. К. Жукову вылететь в район Прохоровки для координации действий Воронежского и Степного фронтов. Одновременно Верховный Главнокомандующий поручил А. М. Василевскому организовать наступление на Юго-Западном фронте в поддержку Воронежского и Степного фронтов. Эти указания Сталина сыграли важную роль в деле достижения победы.

5. 4 января 1943 г. Сталин продиктовал телеграмму Генеральному штабу для командующего Закавказским фронтом генерала армии Тюленева. Эта телеграмма убедительно доказывает, насколько высокой была компетентность Сталина в полководческом искусстве.

«Первое. Противник отходит с Северного Кавказа, сжигая склады и взрывая дороги. Северная группа Масленникова превращается в резервную группу, имеющую задачу легкого преследования противника. Нам невыгодно выталкивать противника с Северного Кавказа. Нам выгоднее задержать его с тем, чтобы ударом со стороны Черноморской группы осуществить его окружение. В силу этого центр тяжести операций Закавказского фронта перемещается в район Черноморской группы, чего не понимают ни Масленников, ни Петров.

Второе. Немедленно погрузите 3-й стрелковый корпус из района Северной группы и ускоренным темпом двигайте в район Черноморской группы.

Масленников может пустить в дело 58-ю армию, которая у

него в резерве и которая в обстановке нашего успешного наступления могла бы принести большую пользу.

Первая задача Черноморской группы — выйти на Тихорецкую и помешать таким образом противнику вывезти свою технику на запад. В этом деле Вам будет помогать 51-я армия и, возможно, 28-я армия.

Вторая и главная задача Ваша состоит в том, чтобы выделить мощную колонну войск из состава Черноморской группы, занять Ботайск и Азов, влезть в Ростов с востока и закупорить таким образом северокавказскую группу противника с целью взять ее в плен или уничтожить. В этом деле Вам будет помогать левый фланг Южного фронта — Еременко, который имеет задачей выйти севернее Ростова.

Третье. Прикажите Петрову, чтобы он начал свое наступление в срок, не оттягивая этого дела ни на час, не дожидаясь подхода резервов. Петров все время оборонялся, и у него нет большого опыта по наступлению. Растолкуйте ему, что он должен дорожить каждым днем, каждым часом.

Четвертое. Немедленно выезжайте в район Черноморской группы и обеспечьте выполнение настоящей директивы»[36].

И так было на протяжении всей Великой Отечественной войны. Не умаляя поистине огромной роли маршала Г. К. Жукова в достижении Победы, следует отметить, что он, как заместитель Верховного Главнокомандующего, участвовал лишь в коллективной разработке наиболее важных военных операций и осуществлял по директивам Ставки, выработанным под руководством Сталина, самые ответственные, но все же отдельные военные операции. В то время как Верховный Главнокомандующий маршал *И. В. Сталин на всем протяжении войны осуществлял непосредственное руководство всеми операциями на всех фронтах.*

Деятельность И. В. Сталина в годы Великой Отечественной войны убедительно свидетельствует, что наша страна в его лице имела гениального полководца, может быть, самого великого в истории человечества.

После победы. Новые испытания

По окончании Великой Отечественной войны перед советским народом встала трудная задача: в кратчайшие сроки устранить тяжелые последствия фашистского нашествия — залечить раны, нанесенные им советской экономике и культуре, жизненному уровню населения. А урон был страшный — 20 миллионов погибших, советский народ потерял почти треть своих национальных богатств.

На временно оккупированной врагом территории Советского Союза немецкие фашисты сожгли и разрушили десятки тысяч городов и сел, заводов и фабрик, 227 000 сельских школ, 7250 больниц и амбулаторий, 2250 детских яслей и множество других культурно-бытовых зданий.

В результате этого после победы было немало отстающих промышленных предприятий и даже отдельных отраслей промышленности. Многие колхозы и даже целые сельскохозяйственные районы находились в запущенном состоянии. Земля давала низкие урожаи. Поэтому материальные и культурные запросы народа удовлетворялись недостаточно.

Анализируя этот факт, Сталин в своем выступлении перед избирателями в 1946 г. говорил, что понеся такие колоссальные потери в войне, любое капиталистическое государство, даже самое мощное, без помощи извне никогда бы не встало на ноги, превратилось бы во второразрядную державу. С СССР — экономически мощной социалистической державой — этого не случилось. Советский социалистический строй в который уже раз продемонстрировал миру свои неоспоримые преимущества перед капиталистическим.

Но восстановлению экономики страны серьезно мешало резкое обострение послевоенной международной обстановки.

Вторая мировая война существенно изменила лицо мира. В международной обстановке произошли коренные изменения. Соотношение сил на мировой арене изменилось в пользу социализма. Советский Союз, разгромивший основную ударную силу мирового империализма в лице фашистской Германии и империалистической Японии, вышел из этой войны, вопреки расчетам американских и английских империалистов, в военном отношении более сильным, чем был до нашествия. Исключительно вырос престиж Советского Союза и его влияние в решении международных проблем. В то же время после Второй мировой войны начался второй этап общего кризиса капитализма, прямым результатом которого явились революции в

странах Центральной и Юго-Восточной Европы, а вскоре цепь империализма была прорвана и в Азии. Социализм вышел за рамки одной страны и превратился в мировую систему. Великие победы Советского Союза привели к созданию после Второй мировой войны военного равновесия между социализмом и капитализмом.

Отсюда стремление правящих кругов США если и не уничтожить СССР, то, по крайней мере, хотя бы вернуть утраченные империализмом позиции и захватить новые источники сырья, рынки сбыта, расширить сферу приложения капиталов и таким образом попытаться выйти из экономического кризиса. В этом Вашингтон видел свою генеральную задачу. Она была четко сформулирована президентом США Гарри Трумэном, открыто заявившим: «Победа во Второй мировой войне поставила американский народ перед жгучей проблемой руководства миром». Так была вновь поднята на щит бредовая идея мирового господства. Претворение же в жизнь американского плана Маршалла привело к невиданному еще в истории развития мировых отношений внедрению американского капитала в экономику европейских, африканских, азиатских и латиноамериканских стран.

В борьбе за мировое господство американский империализм раздувает атомный шантаж и сопутствующую ему «холодную войну» с призывами начать «крестовый поход» против коммунизма. США усиленно готовятся к нападению на СССР, план которого официально был разработан в директиве 1496/2 от 18 сентября 1945 г., озаглавленной «Основа формулирования военной политики», и в директиве 1518 от 9 октября 1945 г. под названием «Стратегическая концепция и план использования вооруженных сил США». Объединенный разведывательный комитет США наметил 20 советских городов, подходящих для атомной бомбардировки. При этом отмечалось, что атомные бомбардировки малоэффективны против обычных вооруженных сил, транспортной системы, поэтому атомная бомба более пригодна для массового истребления населения городов. Так США приняли на вооружение доктрину «первого удара», внезапной атомной агрессии против СССР. В ноябре 1945 г. генерал Эйзенхауэр, преемник Трумена на посту президента США, заявил: «Нет смысла закрывать глаза на тот факт, что мы думаем о войне с Россией».

Развертывая мирное строительство, Сталин правильно оценил реальную угрозу для СССР со стороны США, обладавших атомным оружием, и принял все меры к тому, чтобы в кратчайшие сроки создать свое ядерное оружие и надежные

средства доставки его к цели. В результате за семь-восемь послевоенных лет (1946–1953 гг.) у СССР появилось свое атомное оружие. А в августе 1953 г., раньше чем в США, в Советском Союзе успешно прошли испытания одного из видов водородной бомбы, несравнимо более мощной, чем атомная. Одновременно быстрыми темпами решалась труднейшая научно-техническая задача — развернулось в необходимых размерах производство ракет различного назначения, могущих нести ядерные боеголовки. Был создан новый тип войск — ракетные войска стратегического назначения.

Одновременно в советских Вооруженных силах были внедрены более совершенные образцы автоматического оружия, танков, артиллерии, радиолокационной и другой боевой техники, созданные советскими учеными. На смену поршневой авиации пришла реактивная, осуществлена полная моторизация армии. Открытое нападение США на СССР стало невозможно. Констатируя впоследствии этот факт, президент США Ричард Никсон говорил: «С тех пор, как Советский Союз достиг равенства в области систем стратегического оружия, всякое столкновение с ним стало означать потенциальную угрозу ядерного уничтожения цивилизованных стран».

В этих условиях правящие круги США, не отказываясь в случае ослабления по каким-либо причинам военной мощи СССР от открытого на него военного нападения, свои основные усилия направили на подрыв Советского Союза изнутри. На это были брошены миллиарды долларов. Начались активные попытки забрасывать в СССР американскую агентуру, а внутри страны вербовать неустойчивых, морально разложившихся, озлобленных по тем или иным причинам на советскую власть людей. В недрах Центрального разведывательного управления США возник детально разработанный план мероприятий, направленных на реставрацию капитализма в СССР. Вновь на свет божий поспешили вытащить заветную мечту империалистов: добиться распада СССР, превратить его из великой сверхдержавы в жалкий сырьевой придаток капиталистического мира.

18 августа 1948 года в секретной директиве Совета национальной безопасности США (СНБ 20/1) говорилось:

> «Правительство вынуждено в интересах развернувшейся ныне политической войны наметить более определенные и воинственные цели в отношении России. (…) Наша цель — свержение Советской власти. (…) Наше дело работать и добиться того, чтобы там (в СССР) свершились внутренние события. Речь идет

прежде всего о том, чтобы сделать и держать Советский Союз слабым в политическом, военном и психологическом отношениях».

А вот как все в той же директиве представляли себе американские правящие круги новую некоммунистическую власть в России, если их агентам удастся свергнуть власть Советов:

«Следует со всей силой подчеркнуть, что независимо от идеологической основы любого некоммунистического режима и независимо от того, в какой мере он будет готов на словах воздать хвалу демократии и либерализму, мы должны добиться осуществления наших целей. Мы должны создавать автоматические гарантии, обеспечивающие, чтобы даже некоммунистический и номинально дружественный к нам режим:

а) не имел большой военной мощи,

б) в экономическом отношении сильно зависел от внешнего мира,

в) не имел серьезной власти над главными национальными меньшинствами,

г) не установил ничего похожего на железный занавес.

В случае, если такой режим будет выражать враждебность к коммунистам и дружбу к нам, мы должны позаботиться, чтобы эти условия были навязаны не оскорбительным или унизительным образом. Но мы обязаны не мытьем, так катаньем навязать их для защиты наших интересов».

Так империалисты США тайно объявили войну Советскому Союзу.

Пришлось Советскому правительству большинство капиталовложений направить для организации обороны страны и вкладывать в военную промышленность. И все же размах восстановительных работ под руководством Сталина был поистине грандиозным.

Бывший министр нефтяной промышленности Байбаков в опубликованных воспоминаниях писал:

«Я вспоминаю заседания у Сталина, где мне, как наркому, приходилось бывать. Там остро ставились вопросы, члены Политбюро высказывали свое мнение, назывались сроки, ответственные за исполнение. И мы знали, что, если есть указание Сталина, для нас оно — закон. Хоть лопни, но все

выполни».

В 1947 году СССР успешно решил проблему с хлебом, была создана прочная основа для устойчивого развития зернового хозяйства. Если царская Россия, в лучшие свои годы, могла вырастить лишь 250 кг зерна на душу населения, то Советский Союз в 1979 году производил уже 930 кг с учетом увеличения количества населения более чем вдвое:

7 пятилетка	8 пятилетка	9 пятилетка	10 пятилетка
130,2 млн. т	167,6 млн. т	181,5 млн. т	215 млн. т

К 1948 году был восстановлен довоенный уровень промышленного производства, а к 1951 году сравнялись с довоенными и урожаи.

Это была поистине большая победа. Восстанавливать и развивать сельское хозяйство после победы в войне пришлось в условиях колоссальных разрушений, которые ему нанесли немецко-фашистские захватчики. В бывших оккупированных ими районах Советского Союза было полностью уничтожено, сожжено и разрушено около миллиона жилых домов и 850 000 хозяйственных построек колхозников, 130 000 зернохранилищ, 4200 мельниц, тысячи машинно-тракторных станций, колхозов и совхозов. Они угнали в Германию десятки миллионов голов крупного рогатого скота, бесчисленное количество свиней, овец, птицы.

По мере освобождения захваченных районов от врага уже в 1944 году по инициативе Сталина в первую очередь начали постройку и восстановление жилья для колхозников, оставшихся без крова. В результате за короткий срок восстановили и вновь построили 536 000 жилых домов. Колхозникам было выдано кредитов на индивидуальную застройку на огромную по тем временам сумму — 255,2 миллиона рублей.

Восстановление и развитие сельского хозяйства помимо урона, нанесенного войной, серьезно осложнялось и постоянно действующими объективными причинами. 47 % территории Советского Союза находилось в зоне вечной мерзлоты, где земля промерзала на три метра и абсолютно не годилась для земледелия. В то же время приходилось вести так называемое «рискованное» земледелие, когда в большинстве краев страны среднегодовая температура составляла лишь плюс 5 градусов. Земля систематически подвергалась засухам и суховеям, а ведь чтобы вырастить хороший урожай, нужно 770 миллиметров осадков в год. В Советском Союзе таких земель было 1–6 %. Для сравнения — в США 60 % земель имеют 770 миллиметров осадков в год.

Восстановлению экономики страны И. В. Сталин отдавал себя

целиком, по-прежнему, как и в годы войны, работая по 12–16 часов в сутки. Однако вскоре состояние здоровья вынудило его сократить кипучую деятельность.

Все чаще и чаще он перепоручает руководство важнейшими отраслями экономики своим заместителям по партии и Совету Министров СССР. Подготовку к этому Сталин начал заранее, еще в 1945 году.

6 сентября 1945 года было принято решение об образовании оперативных бюро Совета Народных Комиссаров. В Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б), написанном Сталиным, говорилось:

«В связи с упразднением Государственного Комитета Обороны для повседневного оперативного руководства деятельностью наркоматов и ведомств образовать оперативные Бюро Совета Народных Комиссаров.

а) Оперативное Бюро Совета Народных Комиссаров по вопросам работы Народного Комиссариата обороны, Народного Комиссариата Военно-Морского Флота, сельскохозяйственных и пищевых наркоматов, торговли и финансов, а также комитетов и управлений при Совете Народных Комиссаров СССР.

б) Оперативное Бюро Совета Народных Комиссаров по вопросам работы промышленных наркоматов и железнодорожного транспорта.

По первому Комитету: Молотов (председатель), Вознесенский (заместитель), Микоян, Андреев, Булганин, Шверник.

По второму: Берия (председатель), Маленков (заместитель), Вознесенский, Микоян, Каганович, Косыгин».

Помимо состояния здоровья, Сталина серьезно огорчали открывавшиеся недостатки в работе и даже преступления отдельных партийных, советских работников и высших военных руководителей, заболевших «трофейной» болезнью.

Неприятности в среде высокопоставленных военных начались еще в годы войны с дел маршалов Советского Союза Г. И. Кулика и К. Е. Ворошилова. Поскольку существуют разные мнения о степени их виновности и даже имеют место попытки представить их обоих как жертв «кровожадности» Сталина, целесообразно, в целях объективности, предоставить слово документам того времени.

19 февраля 1942 года Политбюро ЦК ВКП(б) на своем заседании рассмотрело дело по обвинению в антигосударственных преступных действиях заместителя наркома обороны СССР, Маршала Советского Союза Кулика Г. И. В его решении говорилось, что член ЦК ВКП(б) Маршал Советского Союза и заместитель наркома обороны Кулик Г. И., являясь

уполномоченным Ставки Верховного Главнокомандования по Керченскому направлению, вместо честного и безусловного выполнения приказа Ставки от 7 ноября 1941 г. об активной обороне Севастополя и Керченского полуострова всеми силами и приказа Ставки от 14 ноября 1941 г. «удержать Керчь во что бы то ни стало и не дать противнику занять этот район», самовольно, в нарушение приказов Ставки и своего воинского долга, отдал преступное распоряжение об эвакуации из Керчи в течение двух суток всех войск и оставлении Керченского района противнику, в результате чего и была сдана Керчь 15 ноября 1941 г.

Кулик, по прибытии 10 ноября 1941 г. в Керчь, не только не принял на месте решительных мер против командования крымских войск, но своим поведением только усилил пораженческие настроения и деморализацию в среде командования крымских войск.

Такое поведение Кулика не случайно, так как аналогичное его пораженческое поведение имело место также при самовольной сдаче в ноябре 1941 г. гор. Ростова, без санкции Ставки и вопреки приказу Ставки.

За все эти преступные действия ГКО отдал Кулика Г. И. под суд. Специальное Присутствие Верховного Суда СССР установило виновность Кулика. Кулик признал себя виновным в предъявленных ему судом обвинениях. Суд приговорил лишить Кулика званий Маршала и Героя Советского Союза, а также лишить его орденов и медали «XX лет РККА». Президиум Верховного Совета апелляцию Кулика отклонил.

Кроме того, ЦК ВКП(б) стали известны также факты, что Кулик во время пребывания на фронте систематически пьянствовал, развратничал и, злоупотребляя званием Маршала и заместителя наркома обороны, занимался самоснабжением и расхищением государственной собственности, растрачивая сотни тысяч рублей из средств государства.

Г. И. Кулика вывели из состава членов ЦК ВКП(б) и сняли с поста заместителя наркома обороны.

Не избежал неприятностей и Маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов, в прошлом один из ближайших соратников И. В. Сталина, герой Гражданской войны.

После того, как была детально рассмотрена его деятельность на посту наркома обороны накануне и во время войны с Финляндией и на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., ЦК ВКП(б) принял следующее постановление, написанное Сталиным:

«О работе т. Ворошилова.

1. Война с Финляндией в 1939–1940 гг. вскрыла большое

неблагополучие и отсталость в руководстве Народным Комиссариатом обороны. В ходе этой войны выяснилась неподготовленность Народного Комиссариата обороны к обеспечению успешного развития военных операций. В Красной Армии отсутствовали минометы и автоматы, не было правильного учета самолетов и танков, не оказалось нужной зимней одежды для войск, войска не имели продовольственных концентратов. Вскрылась большая запущенность в работе таких важных управлений Народного Комиссариата обороны, как ГАУ (Главное артиллерийское управление), Управление боевой подготовки, Управление Военно-Воздушных Сил, низкий уровень организации дела в военных учебных заведениях и др. Все это отразилось на затяжке войны и привело к излишним жертвам.

Т. Ворошилов, будучи в то время Народным комиссаром обороны, вынужден был признать на Пленуме ЦК ВКП(б) в конце марта 1940 г. обнаружившуюся несостоятельность своего руководства.

Учтя положение дел в Народном Комиссариате обороны и видя, что т. Ворошилову трудно охватить такие большие вопросы, как Народный Комиссариат обороны, ЦК ВКП(б) счел необходимым освободить т. Ворошилова от поста наркома обороны.

2. В начале войны с Германией т. Ворошилов был назначен Главнокомандующим Северо-Западного направления, имеющего своею главною задачею защиту Ленинграда. Как выяснилось потом, т. Ворошилов не справился с порученным делом и не сумел организовать оборону Ленинграда. Ввиду всего этого Государственный комитет Обороны отозвал т. Ворошилова из Ленинграда и дал ему работу по новым воинским формированиям в тылу.

3. Ввиду просьбы т. Ворошилова он был командирован в феврале месяце (1942 г.) на Волховский фронт в качестве представителя Ставки для помощи командованию фронта и пробыл там около месяца. Однако пребывание т. Ворошилова на Волховском фронте не дало желаемых результатов.

Желая еще раз дать возможность т. Ворошилову использовать свой опыт на фронтовой работе, ЦК ВКП(б) предложил т. Ворошилову взять на себя непосредственное командование Волховским фронтом. Но т. Ворошилов отнесся к этому предложению отрицательно и не захотел взять на себя ответственность за Волховский фронт, несмотря на то, что этот фронт имеет сейчас решающее значение для обороны Ленинграда, сославшись на то, что Волховский фронт является трудным фронтом и он не хочет провалиться на этом деле».

ЦК признал, что т. Ворошилов не оправдал себя на порученной ему работе на фронте, и направил его на тыловую военную работу.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Александр Бондаренко, «Красная звезда»

У СТАЛИНА БЫЛА СВОЯ РАЗВЕДКА

Эта тема привлекает многих, всерьез занимающихся или просто интересующихся историей, а в особенности — историей спецслужб. Ну а когда речь заходит о спецслужбах, то неизбежно опускается завеса секретности. С одной стороны, это вполне объяснимо: спецслужбы по определению не имеют права выставлять всю свою деятельность напоказ. С другой же стороны, завеса секретности порождает таинственность, загадки, а нередко и вовсе провоцирует непрерывное генерирование всевозможных версий и предположений. Недаром же главный вопрос данной темы сродни гамлетовскому — только с неизбежной для историка корректировкой во времени: «Было или не было?» Речь в данном случае о так называемой «тайной разведке» Сталина, упоминания о которой в прессе и литературе в последнее время появляются достаточно часто, несмотря на то, что наличие таковой решительно отрицают как многие специалисты-историки, так и ветераны спецслужб. С «гамлетовского вопроса» мы и начинаем разговор с бывшим сотрудником Внешней разведки, автором многих книг по истории Арсеном Мартиросяном.

— У Сталина, — уверен он, — были собственные разведка и контрразведка! Между прочим, были с дореволюционных времен. Ведь еще в Закавказском бюро РСДРП он отвечал за партийную разведку и контрразведку…

— *Точнее сказать, за «службу безопасности»?*

— Да, а это, как вы понимаете, требовало установления определенных связей и с правоохранительными органами Российской империи. Так что у него еще тогда были хорошие связи с жандармерией и полицией. Недаром же некоторые из знакомых ему сотрудников спецслужб после революции остались в стране. Они спокойно проживали в СССР — другие же были беспрепятственно отпущены за границу, а вот дети их, которые

достигли больших высот в некоторых странах, стали агентами «личной разведки».

— Без примера не обойтись…

— Пожалуйста. В свое время Сталин имел дело с гянджинским (Гянджа, ранее Кировабад, Азербайджан) полицмейстером Сари Имам Кули-оглы Мамедовым, являвшимся агентом большевиков в том регионе. Он отвечал за всю деятельность царской охранки, направленную против большевиков на территории Азербайджана. В ходе Гражданской войны этого полковника никто не тронул, а незадолго до того, как Закавказье стало советским, Сталин побывал там и встречался с полковником. Через него были организованы какие-то контакты — суть их не вскрывается, но, думаю, приход Красной Армии и в Баку, и в Тбилиси был обеспечен, в том числе и по каналам старых связей Сталина со спецслужбами.

— Хотите сказать, что именно Сталин обеспечил победу советской власти в Закавказье?

— Не только он! Но и он тоже, в том числе и через свои старые связи. Замечу также, что немалую роль в установлении советской власти в Азербайджане и Грузии сыграл еще и Лаврентий Берия, который по заданию партии внедрился в ряды мусаватистской разведки… Но главное, конечно, что сыграло роль в то время — это, повторю, старые связи Сталина.

— Арсен Беникович, но вы говорили и о детях сотрудников «охранки», которые…

— Именно об этом я и продолжаю рассказ. В 1920 году Сари Имам Кули-оглы Мамедов уехал в Турцию вместе со своим сыном, который впоследствии вошел в ближайшее окружение первого президента Турецкой Республики Кемаля Ататюрка, под патронажем которого стал руководителем турецкой военной разведки. Жена же и две дочери Мамедова до начала 30-х гг. спокойно проживали в СССР, откуда в 1931 г. Сари Имам без затруднений забрал их в Турцию. Очевидно, все это и было основой вербовки его сына — Сахида Окули. Он немало потрудился на нас: об этом уже написано, так что говорю совершенно спокойно. Хочу заметить также, что его деятельность сыграла значительную роль в удержании Турции от нападения на нас в 1941 году.

— То есть история «личной разведки» началась даже до октября 1917-го?

— Да, истоки ее уходят в дореволюционные времена. Когда же Сталин стал генеральным секретарем, возглавил партию, то, естественно, учитывая обстановку в стране — оппозицию и прочее, он, опираясь на прежний опыт и структуры, стал

создавать свою личную спецслужбу в новых условиях и на новых принципах.

— *Единолично?*

— Не совсем. В числе тех, кто создавал эту спецслужбу, был Амаяк Назаретян — один из секретарей Сталина. Для нее подбирались разные люди, немало было, так сказать, «бывших графьев, князьев» и прочих «бывших», но патриотически настроенных, обладавших колоссальными связями за рубежом. Сталин просто так себе агентуру не подбирал. Особое внимание уделялось интеллекту этих людей, их аналитическим способностям. Если сравнивать с чем-то более понятным для современников, то минимальное требование к интеллекту отбиравшихся для работы в его личной разведке кандидатур было равнозначно требованиям, предъявляемым к претендентам на ученое звание доктора наук. В особом почете были специалисты-гуманитарии.

— *И никакие официальные структуры здесь ни при чем?*

— Как сказать? В эту структуру были влиты некоторые сегменты бывшей военной разведки царской России, в частности, через братьев графов Игнатьевых. Главную роль играл Алексей Игнатьев, который впоследствии стал генерал-лейтенантом Советской Армии и был очень близок к Сталину. Вы помните его замечательную книгу «Пятьдесят лет в строю»?

— *Конечно.*

— Так вот, в руках Алексея и Павла сохранилась отличная агентурная сеть, которая так и не была раскрыта. Хотя еще до Февральской революции пара его агентов была засвечена небезызвестным Милюковым, случайно подсмотревшим один из докладов братьев Игнатьевых Николаю II. Тем не менее, абсолютное большинство их агентурных сетей, работавших по всей Центральной и Западной Европе, в том числе и с ориентацией на Германию, сохранилось…

— *Алексей Алексеевич впоследствии вывез эти материалы в СССР?*

— Нет, основные архивы до сих пор хранятся во Франции: Игнатьев сумел так удачно их спрятать, что к ним очень сложно подобраться! В СССР были сконцентрированы только те материалы, которые относились к его работе на Сталина, начиная с 1924 года. Но и они абсолютно недоступны, так как до сих пор неизвестно, где находятся. Сталинские разведчики умели прятать концы в воду…

— *Могущественная, как вы говорите, спецслужба, очень серьезная, как можно понять, агентура, а почему об этом практически никто не имеет представления?*

— Потому что подавляющая часть этой деятельности проходила мимо Лубянки. Но, поверьте, было бы просто удивительно, если бы Сталин вел эту деятельность официально, а сотрудников и агентуру брал на учет. У Сталина вообще была привычка, выработанная десятилетиями подпольной работы, кое-что всегда держать в секрете, так сказать, про запас…

Здесь надо правильно все воспринимать. Дело в том, что это нормальная практика всех руководителей больших государств. А нередко и малых тоже. Причем во все времена, эпохи и века. Чтобы было понятней, я примеры далеко искать не буду: ну кто из сотрудников госбезопасности в соответствующие годы знал, что, например, у Андропова есть своя личная разведка, которая работала, в частности, на установление нормальных отношений с Западной Германией?

— А что, разве была такая?

— Вот видите! Этим делом занимался генерал Вячеслав Кеворков. Имя его теперь на слуху, он автор нескольких интересных книг, но тогда ведь никто не знал, что он выполняет особо секретные личные приказания Андропова, который в свою очередь выполнял указания Брежнева. Никто ни по каким учетам или документам не видел результатов его деятельности. Все документы, которые готовил Кеворков, адресовались только к Андропову. В лучшем случае Андропов лично показывал тот или иной документ Брежневу — и все! Никто ведь не знал, как СССР сумел нормализовать отношения с ФРГ и как все дальше развивалось. И не узнали бы, если бы он уже в наше время не опубликовал свои очень интересные воспоминания. И это всего лишь частный пример из недавнего прошлого.

— И тут я задаю вопрос, который, как понимаю, интересует каждого из наших читателей: а вы лично откуда все это знаете?

— Частично — из литературы, из описаний, частично — от стариков. Ну и что-то установлено сугубо аналитическим путем.

— В одной из книг вы вспоминаете старинного друга своего отца, которого называете Константином Мефодиевичем. Расскажите о нем. Он жив?

— Нет, к сожалению, скончался в середине 1990-х годов — был уже в солидном возрасте. Он был одним из руководящих сотрудников «личной разведки» Сталина. В то время, когда я уже более-менее что-то понимал в этой жизни, он формально числился пенсионером. Открылся же он мне только под конец жизни моего отца, который скончался в 1988 году…

— Простите, а кем был ваш отец?

— При жизни Сталина — его личным юрисконсультом по международно-правовым вопросам. Гвардии майором, он был

отозван с фронта и назначен… Могу вам сказать, что он был занят международно-правовым сопровождением сотрудничества с зарубежными компартиями. Вот тогда и произошло его знакомство с Константином Мефодиевичем, потому что иногда справки на эти темы были нужны и сотрудникам личной разведки Сталина. Познакомились, подружились — и так потом по жизни и прошли.

— Понятно. Возвращаемся к Константину Мефодиевичу…

— Зная меня с детства, зная, естественно, что я сотрудник КГБ, он постепенно начал рассказывать о пережитом. Почувствовав опасности пресловутой «перестройки» Горбачева, Константин Мефодиевич стал все более откровенно и подробно рассказывать о своей работе у Сталина. Видимо, не хотел все унести в могилу. Конечно, далеко не сразу он объяснил мне, кто он, что и как делал… Многое вообще не рассказывал и не объяснял, потому что в практике спецслужб есть секреты, что называется, на века… Он мне это все на таких примерах рассказывал, что я просто не мог не поверить. При этом, несмотря на все мои профессиональные навыки, Константин Мефодиевич постоянно «дрессировал» меня на тщательность проработки и анализа информации с тем, чтобы впоследствии я мог восстановить все, что он мне рассказывал, но без ссылок на него…

— Почему так — без ссылок?

— Он же не хранящийся в архивах документ, чтобы на него можно было ссылаться. В частности, с согласия тогда еще живых сотрудников личной разведки Сталина, которые мне абсолютно неизвестны, он обучил меня пользованию уникальной по своей эффективности технологией разведывательно-исторического анализа особо острых проблем истории и современности. По содержанию моих книг нетрудно заметить, что их автор стремится как можно тщательнее прорабатывать любой вопрос — как правило, на стыке многих отраслей знаний, причем со всеми теми нюансами, которые можно увидеть в момент написания книг. Когда Константин Мефодиевич рассказывал о своей деятельности и событиях его времени, я всегда обращал внимание на то, с какой потрясающе выверенной точностью он произносит каждую фразу. Все у него было настолько выверено, что просто исключало двойное толкование. Хотя я уже был достаточно подкован, тем не менее всегда поражался этой абсолютной точности в смысловом построении фразы. Действительно, это была школа! Сталинская школа!

— Рискну спросить, чем же он в «личной разведке» занимался?

— Он специализировался на проникновении в особо

секретные государственные архивы зарубежных стран. Эту работу начал еще до Второй мировой войны. Они, так сказать, «взламывали» эти архивы, получая доступ к наиболее важным документам, — фотографировали, снимали копии. Добытая таким образом информация позволяла осмыслить генезис тех или иных политических процессов в мировой политике на протяжении веков, изнутри и в деталях разобраться в механизмах мировой политики, подлинных взаимоотношениях различных политических и экономически сил, правильно понять движущие мотивы тех или иных их действий. Почему ни Черчилль, ни Рузвельт, ни кто-либо иной из современных Сталину политических деятелей ничего не мог противопоставить его принципиально жесткой позиции при защите коренных интересов СССР?! Да потому, что он настолько глубоко знал все проблемы и вопросы, что они и заикнуться-то не смели. А уступал он лишь тогда, когда это было выгодно СССР. Что тот же Черчилль и признал в своих мемуарах.

— *Кто ж непосредственно руководил этой тайной спецслужбой после Сталина?*

— Не знаю. Константин Мефодиевич никогда об этом не говорил, и я чувствовал, что спрашивать не надо.

— *В печати сейчас появились сведения о «Спецотделе ЦК» — это и есть «личная разведка», ставшая в послесталинский период «партийной разведкой»?*

— В Центральном Комитете КПСС действительно был отдел «К», но это не какая-то «партийная разведка» — это была, скажем так, контора для контрпропаганды. Некий мозговой центр, а совсем не то, что было в период Сталина. При Сталине спецотдел занимался — как бы это помягче назвать — в общем, тем, чем сейчас занимаются службы собственной безопасности в ряде министерств. Но это еще не личная контрразведка Сталина. Это известный для партийно-советской элиты предпоследний фильтр проверки, если так можно сказать.

— *Так что, эта сталинская организация вообще не имела сколько-нибудь известных организационных структур?*

— Нет, почему же? После войны, например, «личная разведка» частично базировалась на Государственном комитете по управлению имуществом за границей. Кстати, одно время этот комитет возглавлял бывший нарком госбезопасности Меркулов. А «личная контрразведка» Сталина частично держалась под «крышей» Министерства (до войны наркомат) госконтроля, который возглавлял Мехлис. Вы знаете, что сотрудники Госконтроля достаточно жестко держали всех под присмотром и имели право проверять кого угодно — хоть военных, хоть

гражданских, хоть низового бухгалтера, хоть директора завода или министра. Может быть, поэтому не случайной была всеобщая ненависть к Мехлису? Просто невероятная злоба, буквально со всех сторон! Человек он был, скажем откровенно, резкий, нередко неуместно прямой, но, мне кажется, честный, принципиальный и, что самое удивительное, способный признать свои ошибки, если понимал, что ошибся.

— Ну, насколько я знаю, Лев Захарович уж слишком переусердствовал в 1942 году, будучи представителем Ставки на Крымском фронте, что привело к очень тяжелому поражению наших войск…

— Ну, это, скажем мягко, общеизвестная и устоявшаяся точка зрения: со времен Хрущева в общественном сознании появилось немало стереотипов, которые, скажу опять-таки мягко, неадекватны реалиям истории. К примеру, один из современных американских ученых — Говард Фрер — насчитал в пресловутом докладе Хрущева на XX съезде 61 положение, по которым Хрущев обвинил Сталина. И все фальшивые! Американец убедительно это доказал. Ни одно не является правдой! Фрер пришел к справедливому выводу, что весь доклад — глобальное мошенничество Хрущева! А в крымской катастрофе далеко не во всем был виноват именно Мехлис. Ныне документы рассекречены, и многое стало более понятно. Но это, к сожалению, выходит за рамки темы нашей беседы. Что же до «личных спецслужб» Сталина, то они были надежно прикрыты указанными конторами. Кстати говоря, Меркулов и Мехлис были достаточно осведомлены об их делах. Думаю, Мехлису очень повезло, что он скончался 13 февраля 1953 года, а потому был торжественно погребен у Кремлевской стены. Меркулова же ждала та же участь, что и Берию.

— Вы знаете, бытуют версии, что Лаврентий Павлович якобы был не убит, а выслан за границу или что его казнили совсем не так и не тогда…

— Ну, это сказки. Они всплывают, что называется, с незапамятных времен… На сегодня есть только два вопроса. Был ли Берия расстрелян после объявления приговора суда или же без суда и следствия застрелен по приказу Хрущева? И когда состоялся расстрел — 26 июня или же в конце того самого 1953 года?

— Арсен Беникович, если в стране существовали две основные разведки — НКВД-НКГБ и военная, для чего были нужны иные спецслужбы, действующие, скажем так, в том же направлении?

— Любой государственный деятель высшего уровня — как Сталин, Рузвельт или Черчилль — всегда заинтересован в

абсолютно беспристрастном канале получения абсолютно беспристрастной информации. Умышленно иду на тавтологию. И разведчики, и агентура — это в принципе обычные люди. Только обладающие специфическими знаниями и навыками, а потому умеющие делать то, о чем не сообщают на первых полосах газет или в выпуске теленовостей. Но они так же, как и все нормальные индивиды, подвержены каким-то эмоциям, страстям, слабостям. Иногда могут что-то и не заметить, причем случайно, и столь же случайно могут оказаться жертвой дезинформации, а затем, прошу обратить на это внимание, не злоумышленно дезинформировать свой центр. Здесь все достаточно просто: если противоборствующая спецслужба выявила ваши агентурные и иные информационные каналы, то по закону жанра в них потихоньку будут вбрасывать ложную информацию. Это обычная практика спецслужб.

— Опыт свидетельствует, что от подобных ситуаций не застрахована никакая спецслужба…

— Безусловно! Вот только в тех вопросах, которые стояли перед Советским Союзом с момента его возникновения, а это всегда были вопросы войны и мира, ошибаться было нельзя! Малейшая ошибка могла привести к тому, что нашу державу смели бы к чертям, и все! Поэтому необходимость такой разведки, которая бы сотрудничала с самыми лучшими специалистами, была острейшая… Главным образом для многократной проверки и перепроверки различными способами всей важнейшей информации, не говоря уже о ее добывании.

— С самыми лучшими специалистами — в какой области?

— Разве можно назвать те области человеческого бытия или те отрасли человеческих знаний, которые бы вообще никогда не интересовали разведывательную службу? Разведку может заинтересовать любой вопрос, конечно, в определенное время и при определенных условиях. Так, например, мне известно, что в отдельных случаях для оценки внешнеполитической информации «разведка» Сталина привлекала знаменитого академика Евгения Тарле. Это же был лучший специалист по истории европейских войн, до сих пор считающийся лучшим в мире наполеоноведом! Его знаменитый труд «Наполеон» — шедевр мирового наполеоноведения. К слову, и написан-то он был при активной поддержке Сталина, как непосредственный ответ с советской стороны на выданный Англией в начале 1935 года Гитлеру карт-бланш на агрессию в восточном направлении. Книга ясно напоминала, чем конкретно для Наполеона закончилась агрессия против России. И вот еще что: во время войны Евгений Викторович преподавал в разведшколе НКВД-НКГБ историю

международных отношений.

— Даже из этого вашего примера об академике Тарле можно сделать вывод, что какие-то контакты и соприкосновения в разведывательном сообществе неизбежны. Скажите, были ли контакты между Лубянкой и «личной разведкой» Сталина?

— Скорее, было взаимодействие. Насколько я понял из рассказов, в ряде случаев было взаимодействие на уровне нелегальных резидентур. «Личная разведка» располагала такими подразделениями, которые при определенных обстоятельствах могли контактировать с резидентурами Лубянки и военной разведки на уровне резидентов, а при необходимости и с резидентурами Коминтерна. В основном это происходило на германском направлении — в частности, в январе 1933 года разведки сообща контролировали сговор между фон Папеном, Шахтом, германскими банкирами и их англосаксонскими покровителями и активно пытались ему противодействовать. Увы, не вышло! Примерно с 1939 года такое взаимодействие было налажено и в работе по англосаксам. С этими ухо надо было держать куда более востро, чем с тем же Гитлером.

— Вы, говоря о «личной разведке» Сталина, упоминали аналогичную службу при Андропове… «Спецслужба главы государства» — это отечественное изобретение?

— Нет, конечно! В истории многих государств подобное не раз имело место. Вспомните хотя бы того же кардинала Ришелье. Со времен прочтения легендарных «Трех мушкетеров» Александра Дюма у нас у всех сложилось к нему весьма негативное отношение. Но это несправедливо: Ришелье был выдающимся государственным деятелем Франции своего времени, обладал редкостной мудростью и знаниями. А они-то, его мудрость и знания, опирались в первую очередь на ту уникальнейшую информацию, которую добывала его личная разведка. Кстати, Дюма вполне недурно описал ее, хотя и растворил эти описания в общем тексте «Трех мушкетеров» и последующих книг. Наш канцлер Бестужев-Рюмин тоже обладал собственной личной разведкой и потому, как правило, выходил победителем во всех тайных политических интригах, особенно во внешней политике. Вспомните прекрасный киносериал выдающегося кинорежиссера Светланы Дружининой о гардемаринах. Ведь там же четко показаны действия бестужевской личной разведки. Английские короли с давних времен обладают собственной секретной службой…

— До настоящего времени?

— Ну да — именно по этим каналам происходил основной сговор с Гитлером по всем важнейшим проблемам. Кстати, у

фюрера со времен партийной деятельности также была личная разведка. И свои личные — нет, не шпионы, а высококлассные агенты стратегического влияния. Он ее никогда не передавал в печально знаменитое Управление имперской безопасности (РСХА). А тот же Черчилль создал свою «личную разведку» еще в 1936 году. Подробных данных об этой организации нет, но в литературе проскальзывает информация, что именно тогда на него вышли представители таинственной организации «Фокус», костяк которой составляли очень влиятельные в Великобритании евреи — представители финансовой олигархии. «Фокус» и создал ему эту разведку, а сэр Уинстон перетащил туда из МИ-6 (британской разведки) и из других ведомств ряд особо квалифицированных специалистов, которые потом снабжали его суперинформацией. Аналогичной личной спецслужбой обладал и Рузвельт, а также его всемогущий министр финансов Генри Моргентау. Так что оснований заявлять, что Россия и в этом случае уникальна, нет.

— Интересно… Но вот мы все время говорим о «личной разведке», а ведь была еще и, как вы сказали, «личная контрразведка». Чем она занималась? Ловила тех же вражеских агентов, что и контрразведывательное управление НКГБ?

— Личная контрразведка Сталина работала по нашей, советской партийно-государственной элите. Что греха таить — далеко не все там были ангелами… Ведь, к примеру, и тогда воровали капитально. Со времен революции и НЭПа у многих наших деятелей капиталы вообще были за рубежом. Так что кое-кого приходилось к ногтю прижимать в прямом, физическом смысле, пока они не обратят в пользу государства свои валютные счета. Надо отдать должное Сталину: очень многих тогда заставили сдать наворованное. Была такая операция «Крест» по возвращению денег — еще с конца 1920 годов проводилась. Награбили? Извольте вернуть. Частично операция проводилась силами Лубянки, но в большей степени силами личной контрразведки и разведки Сталина. В сущностито эта операция — аналог того, что недавно мы узнали из сообщений СМИ: как германская разведка с помощью своей агентуры раскрыла зарубежные счета многих вороватых государственных чиновников Германии.

— Но все-таки вопросами коррупции в большей степени занимается милиция…

— А разве у нее это получается? Скажите, почему у нас не эффективна борьба с коррупцией? Почему ничего не могут с ней поделать? Да потому, что все правоохранительные органы повязаны, и любой их успех в конечном итоге может бумерангом

ударить по ним же, особенно если они заденут представителей элиты.

— То есть можно считать, что у Сталина был некий вариант даже «финансовой разведки»?

— Не совсем так. «Личная контрразведка» активно работала и по вражеской агентуре. К примеру, та же коррупция всегда идет рука об руку с предательством. И чем выше уровень коррупционера, тем страшнее могут быть последствия его измены. Вот, для сведения — хотя это прямо и не относится с советской истории. Мало кому известно, что престарелого президента Веймарской Германии вынудили назначить Гитлера рейхсканцлером благодаря убойной силы компромату о его коррупционных деяниях. Очень уж глубоко он запустил свою фельдмаршальскую руку в государственную казну. Тем и прижали его англичане совместно с заинтересованными силами внутри самой Германии, требуя назначить Гитлера рейхсканцлером. Вот так мир и получил свое проклятие в виде этого коричневого исчадия ада. А мы — самую страшную войну за всю историю России. Но, как говорят французы, вернемся к теме нашей беседы. Большое внимание уделялось и своевременному вскрытию особо опасных с точки зрения государственной безопасности политических процессов в советско-партийной элите. Если, например, внимательно приглядеться к тому же «ленинградскому делу», то нетрудно будет заметить за его кулисами реальный сепаратизм части партийно-советской элиты, угрожавший государственной безопасности Советского Союза. Кстати, удивительным образом совпадавший с тайными планами США по уничтожению Советского Союза, которые были изложены в ныне хорошо известных директивах Совета национальной безопасности США первых послевоенных лет…

— И все-таки, почему этими делами занималась именно «личная контрразведка»?

— Потому, что официальная контрразведка так или иначе связана с обществом. Эти люди ведь не отдельно живут и, естественно, подвержены каким-то пристрастиям — могут что-то недоговорить, не доложить своевременно, а могут и вовсе на тормозах спустить… Разве в современной жизни мы такого не видим?! А ведь есть ситуации, когда необходима абсолютно беспристрастная, многократно проверенная и перепроверенная информация.

Сотрудников личных спецслужб Сталина проверяли не просто очень тщательно, а, если так можно сказать, сверхтщательно. Поскольку на них возлагалась задача доскональной и беспристрастной проверки информации, полученной по другим

каналам. Фактически они выполняли функцию предпоследней инстанции, потому как на основе результатов их деятельности Сталин принимал окончательное решение. К тому же они присягали на верность одному только Сталину, перед которым и несли личную ответственность, в том числе и головой. Если же говорить о качестве этой работы, могу сказать, что здесь не срабатывало обычное правило разведки (контрразведки) о трехкратном как минимум подтверждении информации. В «личной службе» Сталина подтверждение должно было быть три раза по три. Только в этом случае он начинал — только начинал! — с доверием относиться к полученной информации.

— *А как это можно реально представить?*

— В качестве примера могу сослаться на малоизвестный, если вообще известный пример на очень широко эксплуатируемую тему. Уж сколько десятилетий антисталинская пропаганда эксплуатирует «дело врачей», особенно его еврейский аспект. Но мало кому известно, что истинная позиция Сталина в этом вопросе коренным образом отличалась от стереотипа, который десятилетиями нам навязывают. В связи с якобы выявившимся сильным еврейским акцентом в «деле врачей» Сталин всерьез заподозрил неладное. Тем более что он прекрасно знал по информации разведки о решении сессии совета НАТО способствовать разжиганию антисемитизма в странах Восточной Европы и СССР. Эта информация была добыта разведкой в конце 1952 года. Как и всегда в особо сложных и щепетильных случаях, Сталин в целях организации тщательной и объективной проверки информации по «делу врачей» пошел весьма необычным путем. Он, вообще-то, нередко прибегал к подобным действиям и ранее. Так вот, не увидев реальной и ясной картины в пресловутом «деле врачей-отравителей», Сталин поручил его тщательную проверку и перепроверку не сотрудникам ЦК и даже не сотрудникам «личной разведки и контрразведки». Парадоксально, но факт; в этом случае он предложил своей контрразведке подобрать несколько лиц, которые хорошо знали бы оперативную практику не понаслышке, но какое-то время уже не работали в органах госбезопасности. В результате ему были представлены кандидатуры В. Зайчикова, П. Колобанова и Н. Месяцева. О первых двух ничего не известно, кроме фамилий, а вот третий в 1943–1945 годах был начальником следственной части ОКР «СМЕРШ» 5-й гвардейской армии. К моменту представления его кандидатуры Сталину он был аспирантом Высшей партийной школы. Именно этим трем лицам Сталин и поручил через каналы личной контрразведки осуществить дополнительную, всестороннюю и очень тщательную проверку «дела врачей» и

доложить свои выводы. Причем поручил порознь, чтобы иметь три варианта результатов такой проверки и соответственно три варианта выводов. Личная же контрразведка Сталина осуществляла лишь оперативное прикрытие этих людей, не вмешиваясь в их действия. А параллельно шла работа и по каналам «личной разведки» и контрразведки, Лубянки и партийного аппарата. То есть Сталин хотел досконально и объективно разобраться с этим вопросом, дабы примерно наказать тех, кто злоумышленно и фактически в интересах НАТО разжигал пожар антисемитизма в стране. Но довести задуманное до конца Сталин не успел. Напомню: «дело врачей» набрало обороты, когда Н. С. Хрущев курировал органы госбезопасности по партийной линии…

— *Так что обязательно имело место дублирование информации, получаемой от различных спецслужб?*

— Вы правы, действительно было так. Особенно характерно это было для разведок, потому что функционально все разведки выполняли одни и те же задачи. Как раньше писали в постановлениях правительства и Политбюро: «В целях своевременного вскрытия интервенционистских планов империалистических держав…» Но «личная разведка» вскрывала их по тем каналам, по которым другие разведки этого сделать не могли или не всегда могли. Эти каналы никогда не имели отношения ни к Коминтерну, ни к компартиям… В основном опирались на агентурные каналы в рамках деловой, финансовой и политической элиты — на людей, которые были далеки от советских, тем более коминтерновских дел. Агентура была именно там — в элите.

— *Почему вы так уверены?*

— Потому, что уровень информированности был просто невероятный! Я даже представить себе не мог, что такие вещи могли быть известны советскому руководству сталинского периода… Кстати, как я понимаю, именно этим объясняется столь непонятное для окружения поведение Сталина в какие-то определенные моменты.

— *Например?*

— Самый хрестоматийный пример — поведение Сталина накануне начала Великой Отечественной войны. Известно, что до 24 мая 1941 года он вел себя относительно спокойно, хотя и разрешил переброску армий к западным границам из глубины страны. И вдруг 24 мая Сталин произносит на Политбюро: «В ближайшее время мы подвергнемся внезапному нападению со стороны Германии!» Да еще и открыто сказал, что этим делом дирижируют Англия и США. Заявление прозвучало на заседании

расширенного состава Политбюро — при Тимошенко, Жукове и прочих. После этого последовали всякие команды в округа, и началось движение… С одной стороны, причина такого заявления кроется в том, что незадолго до этого разведка НКГБ доложила Сталину строго документальные данные о том, что с 22 мая график воинских перевозок вермахта переводится в режим максимального уплотнения. Так на языке германского Генштаба назывался график отсчета времени «Х». С другой же стороны, Сталин даже документальным данным верил не сразу. Тем более когда это касалось вопросов войны и мира. Уж слишком тяжелые последствия могли быть в случае мгновенного доверия к разведывательной информации. Естественно, что последовала проверка по каналам «личной разведки». И когда та тоже подтвердила сей факт, Сталин и произнес на Политбюро те самые слова.

— По-моему, у нас принято считать, что Сталин был спокоен вплоть до 22 июня, верил Гитлеру и больше всего боялся провокаций…

— Поверьте, всю получаемую информацию Сталин проверял вплоть до каждого сегмента, каждого слова, в самом прямом смысле до последней закорючки. Полагаю, никто спорить не будет, что разведывательная информация по вопросам войны и мира автоматически предполагает соответствующую реакцию высшего руководства страны, в том числе и в плане «игры мускулами», то есть войсками, в том числе и на границе.

— Если начать подобную «игру» не вовремя, можно здорово «подставиться»…

— Конечно! Это та реакция, оборотной стороной которой могут стать обвинения в агрессивности. Вот откуда проистекало его недоверчивое отношение к разведывательной информации и боязнь провокаций. Это не психоз, не пренебрежение к разведке и ее информации, которые без устали приписывают Сталину. Надо четко понимать: на нем ведь лежала беспрецедентная, колоссальнейшая ответственность за судьбу страны и государства, за судьбу советского народа. Слишком много было желающих уничтожить дотла Советский Союз — в их числе и наши будущие «союзники» по антигитлеровской коалиции, те же Черчилль, Рузвельт и их ближайшее окружение, подавляющее большинство из которого страдало неизлечимой патологией в форме оголтелой русофобии и антисоветизма. Да и сами они не очень-то скрывали это. Особенно тот же Черчилль. Так что Сталин был просто обязан держать ухо особенно востро и все проверять досконально. А что касается провокаций, то он и здесь был прав. Гитлеровцы-то, как впоследствии выявилось, вплоть до

22 июня горько сетовали, что Сталин и СССР не дают ни малейшего повода для обвинений в агрессивности, дабы Германия под этим предлогом могла оправдать свое нападение на Советский Союз.

— То есть, скажем так, вариант «Гляйвиц» — повторение в каком-то виде знаменитой провокации с захватом радиостанции на германо-польской границе, с чего началась Вторая мировая война, — на этот раз у Гитлера не получился?

— Не получился. Хотя имейте в виду, что у нас практически неизвестно о том, что и в ночь с 21 на 22 июня война началась с провокаций гитлеровцев. На отдельных участках границы гитлеровские диверсанты применяли огнестрельное оружие еще в два часа ночи, пытаясь спровоцировать пограничников и регулярные воинские части на ответный удар по германской территории до официально утвержденного времени нападения на СССР. Так что правота Сталина в этом вопросе абсолютна. И не надо по этому поводу иронизировать. Нет повода.

— Ну а по поводу тех же англичан — мол, они хотели столкнуть СССР с Германией… Возможно, и хотели, но ведь реально для этого ничего не сделали!

— Вы ошибаетесь. Сталин знал практически все, что они делали, дабы сорвать любые договоренности о ненападении между Советским Союзом и Германией — даже на этапе предварительного зондажа перед заключением договора о ненападении. Мало кому известно, что еще до заключения советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года — еще 20 марта — в структуре британской разведки МИ-6 было создано Управление специальных операций (УСО). И с того же момента британская разведка вплотную занялась провоцированием немцев на нападение на СССР, а чуть позже, уже после заключения договора о ненападении, и провоцированием СССР на нападение на Германию. А что творили так называемые будущие «союзники» весной и летом того же 1939 года?! Они только тем и были заняты, что разрабатывали планы, как втянуть СССР в войну с Германией, на развязывание которой все время толкали и Гитлера. Причем занимались этим не только политики, но и генштабовские комиссии Англии и Франции.

— Откуда это известно?

— Сталин своевременно узнавал обо всем, что за рубежом замышляли. Только англо-французские генштабовские комиссии соберутся — он уже на следующий день, максимум через сутки, имеет все материалы. Кстати, хотя я и знал об этом от Константина Мефодиевича, открытую информацию пришлось

разыскивать в английских источниках — долго пришлось искать, но, слава богу, нашел… Эти материалы приведены в двух моих книгах — очень интересно, что и как они мыслили. Но то, что они замышляли тогда, простите, ни в каких парламентских и даже просто цензурных выражениях не описать — настолько это было подло, гнусно и варварски. Судите сами. Вот что они замышляли, исходя из тех документов, которые добыла «личная разведка» Сталина:

1. Секретный меморандум британского МИДа от 22 мая 1939 года, направленный правительству Франции. В меморандуме открыто признавалась нецелесообразность заключения тройственного пакта о взаимопомощи между Великобританией, Францией и СССР, зато совершенно четко было прописано, что «в случае войны важно попытаться вовлечь в нее Советский Союз».

2. Секретный доклад британского министра по координации обороны лорда Чэтфилда от 27 мая 1939 года об итогах проходивших в апреле — мае 1939 года секретных англо-французских штабных переговорах (на уровне генштабов)ˆ В этом докладе черным по белому и с невероятной циничностью англо-французские генштабовские деятели откровенно показали, как они намерены проигнорировать свои же гарантии безопасности Польши: «Если Германия предпримет нападение на Польшу, то французские вооруженные силы займут оборону по линии Мажино и будут сосредоточивать силы для наступления на… Италию»?! Что же касается Англии, то она, видите ли, «сможет осуществить эффективное воздушное наступление в случае… если в войну вступит Бельгия»?! То есть совершенно открыто расписались, что выданные ранее гарантии безопасности Польше являлись преднамеренным обманом последней! Зато «в случае войны важно попытаться вовлечь в нее Советский Союз»! Они, значит, будут отсиживаться и сосредоточиваться неизвестно для чего, а СССР — иди и отдувайся за них!

3. Запись секретной беседы от 29 июля 1939 года политического деятеля Великобритании Родена Бакстона с влиятельным германским дипломатом — сотрудником службы дипломатической разведки германского МИДа Т. Кордтом. Содержание этой беседы свидетельствовало о том, что Англия намеревалась осуществить «польский вариант» Мюнхенской сделки с Гитлером. То есть сдать ему «в аренду» территорию Польши для нападения на СССР в обмен на очередной пакт о ненападении с Германией, ради чего Бакстон от имени правительства Англии наобещал прекратить идущие в то время переговоры о заключении пакта о взаимопомощи с СССР, начатые под давлением Москвы. Проще говоря, Великобритания

намеревалась по аналогии с Мюнхенской сделкой отдать Польшу Гитлеру, дабы тот получил бы наконец столь желанный для него плацдарм для нападения на СССР в лице Восточной Польши. То есть именно тот плацдарм, с которым фюрер и его генералы еще на рубеже 1936–1937 годов открыто увязывали грезившийся им успех в блицкриге «Дранг нах Остен». Одновременно такой же вариант готовился и для прибалтийских государств-лимитрофов.

Ну а завершилось это тем, что именно Черчилль гарантировал Гитлеру полную безнаказанность однофронтового разбоя вплоть до 1944 года! И — ну ведь это ж надо было до этого додуматься! — у Черчилля «хватило ума» проболтаться об этом советскому послу Ивану Майскому, о чем свидетельствует запись в его дневнике от 4 сентября 1941 года. Да и после нападения Германии на СССР так называемые «союзники», мягко выражаясь, вели себя не самым приличным образом, но это уже выходит за рамки нашей беседы. Скажу лишь одно: нашим разведслужбам приходилось напрягать все свои силы не только для того, чтобы заблаговременно вскрывать планы гитлеровского командования, но и чтобы не проморгать всевозможные фокусы антисоветского характера со стороны англосаксов. Так что не надо делать из них «белых и пушистых». Перефразируя знаменитые слова Франклина Рузвельта о никарагуанском диктаторе Сомосе, Гитлер действительно сукин сын, но…

— *Вы очень уж мягко выражаетесь…*

— Согласен! Но это цитата. Так вот, он — их, англосаксонский, сукин сын. И Сталин знал обо всем этом в мельчайших деталях. Потому и заставил Англию и США все-таки стать на нашу сторону, но одновременно внимательно приглядывал за ними. И, между прочим, был более чем прав. Англосаксы и в начале войны, и тем более в середине уже всерьез подумывали, как бы сговориться с немцами да и поделить ими награбленное. Хуже того! Они уже тогда активно закладывали основы всего того, что впоследствии назовут «холодной войной». Только ответственность за нее припишут Сталину.

— *Вернемся, однако, к предыстории 22 июня…*

— Хорошо. Говоря об этом, нужно назвать двух агентов «личной разведки» — Ольгу Чехову и Сергея Алексеевича Вронского.

— *Знаменитого астролога?*

— Да, именно его. Судя по всему, он был завербован по каналам Коминтерна, на что указывает присутствие рядом с ним в молодые годы знаменитого латышского писателя Вилиса Лациса, который занимался тогда больше коминтерновской деятельностью, нежели литературной. К Вронскому

присматривались, проверяли, а потом он был передан на связь в «личную разведку» Сталина. И вот в 1938 году он получил информацию, которая свидетельствовала о том, что Гитлеру открыто рекомендуют напасть на СССР весной 1941 года.

— Откуда же пришли такие сведения?

— 15 марта 1938 года в старинном замке Вартбург прошло совещание самых именитых астрологов Третьего рейха. СС тайно установило там микрофончики, астрологи догадались о подслушивании, но их убедили в обратном. Ну это ладно! Так вот, во время этой конференции астрологи и выработали рекомендацию Гитлеру напасть на Советский Союз не позднее весны 1941 года.

— Известно, что фюрер прислушивался к подобным рекомендациям…

— Не только он. Вронский говорил, что составлял какие-то астрологические прогнозы для Гесса, и тот на базе этих прогнозов решил рвануть в Англию, дабы согласовать с ней вопрос о нападении на СССР и получить гарантию, разбой на Востоке. То есть получить гарантию, что рейх будет хотя бы в относительной безопасности с запада. Такое решение Гесс принял в самом начале апреля и начал готовиться. И едва ли он пошел бы на это без согласования с Гитлером. Точнее, без прямого указания Гитлера. Не говоря уже о том, что в то время Гесс был единственным в рейхе руководителем высшего ранга, который имел право принимать решения общегосударственного характера от имени фюрера. К тому же он единственный знал точную дату нападения на СССР задолго до того, как Гитлер ее, так сказать, озвучил. До 30 апреля 1941 года этого не знали ни германский Генеральный штаб, ни его оперативное управление. Официально же на бумаге дата 22 июня была отражена только 10 июня, а в войска была передана 12 июня, когда англичане уже более месяца возились с Гессом…

— Самое обидное, что м-м Тэтчер отложила рассекречивание материалов о полете Гесса до 2017 года. До сих пор о его причинах можно только гадать.

— А чего обижаться-то?! Все материалы у них в руках. Гесса прикончили, когда тот и так был уже беспомощным стариком. И подоплека этого беспрецедентного события еще долго будет оставаться в секрете — не факт, что они и тогда все откроют.

— Как вы думаете, Сталин знал о неотвратимости войны?

— Безусловно. Тогда все наши разведки, как говорится, «стояли на ушах». Однако даже сам факт такого знания тогда должен был оставаться в секрете. Ну вот смотрите: апрель 1941-го, началась первая фаза переброски войск к западным границам.

В апреле то и дело всплывает дата: 15 мая… 15 мая… 15 мая… Никакой реакции! Даже когда один из лучших агентов ГРУ — АВС в начале мая сообщил эту дату, никакой реакции! Вечером 10 мая на английскую территорию вдруг сваливается Гесс. А 13 мая Сталин «вдруг» дает команду на выведение следующей группировки войск в сторону границы. Здесь, конечно, в первую очередь сыграл роль непосредственно факт миссии Гесса. Но не только. Откуда он мог получить информацию о ее сути? Только из ближайшего окружения Гитлера и из Англии — от своей «личной разведки». Точно так же произошло и с директивой от 12 июня о выдвижении дивизий приграничных округов из глубины округов в сторону границы.

— То есть Сталин понял, что нападение неизбежно?

— Принципиально нападение Германии было неизбежным с момента злоумышленного привода Западом Гитлера к власти. Его для этого и привели к власти. Сталин это знал, понимал и любыми средствами пытался нападение предотвратить, а затем, видя неминуемость войны, оттянуть ее начало, дабы лучше подготовиться.

— Дата нападения тоже не составляла секрета?

— Учтите, что ведь и сам Гитлер долгое время точно не знал ее! Болтать о том, что он готов уничтожить СССР, чтобы захватить его богатства и территорию, болтал чуть ли не на всех перекрестках. А вот когда он сможет это сделать, и сам не знал. По всем данным, которыми располагали разведка НКВД, НКГБ и военная разведка, фюрер планировал начать войну против СССР не раньше 42-го, а то и 43-го года. Кстати говоря, 1942 год фигурировал не случайно. Дело в том, что на этот год приходилось 1200-летие со дня рождения почитаемого на Западе основоположника «Дранг нах остен» — Карла Великого. Вот и хотели нацисты по этому поводу устроить разгром не столько Советского Союза, ибо тут больше идеологии, сколько именно России!

— Ознаменовать победоносной войной «юбилейный год» — это по-нашенски. Но причины должны быть более серьезными?

— Гитлер понимал, что к войне с Россией надо как следует подготовиться. Начало агрессии должно было соответствовать хронологическому шагу в перманентной мировой войне между Западом и Россией, план которой был принят еще в 1890 году. Там хронологический шаг между войнами — 25 лет, то есть время, за которое подрастает новое поколение. Гитлер отсчитывал этот срок от момента окончания Первой мировой войны, то есть от 1918 года. Прибавьте 25 лет — и получится 1943-й, соответственно плюс-минус один год. Хотя уже в 1936

году Гитлер получил, что называется, ускоряющий пинок под зад от своих западных покровителей и в меморандуме «Об экономической подготовке к войне» от 20 августа 1936 года впервые указал, что экономика рейха должна быть готова к войне через четыре года. То есть формально вроде бы получается, что к 1941 году. Но там же стояла и принципиальная оговорка фюрера, суть которой в том, что он черным по белому расписался в том, что и сам пока толком не знает, когда же реально сможет развязать войну. Так ведь и написал, негодяй!

— Вырастает поколение, о котором можно сказать, что оно не отягощено отрицательным опытом войны… Отсюда хронологический шаг в четверть века?

— Нет, не только отсюда. Дело в том, что к концу этого временного шага новое поколение активно вступает в детородный период. И, чтобы не допустить увеличения демографического потенциала России (СССР) — а ведь этот потенциал является одним из важнейших слагаемых оборонной мощи государства, Гитлера усиленно натравливали на СССР еще в 1939 году. Его уже тогда открыто обвиняли в том, что он, видите ли, клятвоотступник: пообещал Западу скоро напасть на СССР, а сам пошел на заключение с Советами договора о ненападении. Ведь по итогам мюнхенского сговора и еврейских погромов ноября 1938 года, вошедших в историю, как «Хрустальная ночь», американский журнал «Тайм» присвоил ему звание «Человек года» и выразил надежду, что он и дальше будет так действовать.

А он, сукин сын, пошел на заключение договора о ненападении с СССР! «Праведному» гневу его англосаксонских покровителей не было предела. А что касается плана перманентной мировой войны против России, то он был опубликован еще на Рождество 1890 года в английском журнале «The Truth» — «Правда» в виде памфлета «Сон кайзера» и карты с уникальными изменениями границ практически всех европейских государств. Судьба России там была указана прямо: «Русская пустыня»! То есть территория без населения! План действует до сих пор, и известные заявления отдельных лидеров англосаксонского мира в начале 1990-х годов о том, что их, видите ли, вполне устроило бы резкое сокращение населения России, проистекают именно из этого плана… За последние без малого три с половиной века Запад таких планов настряпал уйму.

— Как раз в те времена — на заре XX века — был опубликован ряд документов, сразу объявленных фальшивками или бредовой фантазией авторов, но впоследствии оказавшихся вполне реальными планами, полностью или частично выполненными…

— Именно так… А теперь о той разведывательной эпопее, что

была накануне войны. 16 июня от посла в Берлине Деканозова приходит информация, что якобы Германия согласна вступить переговоры и урегулировать какие-то нерешенные проблемы. Это была дезинформация со стороны Риббентропа, которую он запустил по приказу Гитлера, как якобы реакцию на Заявление ТАСС от 13 июня 1941 года. Именно от 13-го. 14-го оно было всего лишь опубликовано в газетах — а то ведь все путают. В тот же день приходит сообщение от выдающегося агента ГРУ «Альта» — Ильзы Штебе: 22-го начнется! По линии Лубянской разведки, от «Старшины», также пришло сообщение, что все к войне готово…

— А Сталин не поверил и отверг разведсообщение матерной резолюцией…

— А вы сам документ с этой резолюцией видели? Это такая же выдумка, как и печально знаменитая фальшивка писателя Овидия Горчакова, утверждавшего, что-де Берия намеревался всех стереть в лагерную пыль за сообщения о скорой войне. До сих пор не можем расхлебать эти, скажем мягко, нелепости! Разве Берия мог пойти на такую глупость, если еще 16 июня с санкции Сталина и по согласованию с Наркоматом обороны и Генштабом передал командованию погранвойск приказ о том, что в случае нападения Германии пограничные войска переходят в подчинение полевого командования РККА? Такие приказы отдаются только в преддверии агрессивного нападения, о котором знают, что оно неминуемо. Кстати, этот приказ — убедительное свидетельство того, что ни в какие походы на Запад ни Сталин, ни Берия, ни тем более СССР и его славная РККА не собирались, как пытаются нам доказать из-за бугра. Пограничные войска переходят в подчинение полевого армейского командования только в одном случае — в оборонительных боях! Такова их природа — природа защитников рубежей Отечества. Разве мог Берия написать придуманную Горчаковым докладную, если единственные силы, которые действительно были приведены в полную боевую готовность — это пограничные и внутренние войска, подчинявшиеся Лаврентию Павловичу? В 21.30 21 июня они все уже были в боеготовности, как, впрочем, и органы внутренних дел и госбезопасности.

— Так что, Сталин ничего подобного не писал?

— Что касается «матерной резолюции», то нет даже намека на то, что он позволил себе такую выходку. Есть такой блестящий историк спецслужб — А. Дамаскин. Он просмотрел сотни архивных документов разведки, которые докладывались Сталину, и ни на одном не увидел чего-либо подобного. Министр иностранных дел СССР Андрей Громыко, который многократно

общался со Сталиным, в своих мемуарах подчеркнул, что у Сталина не было привычки матерно выражаться, в том числе письменно. А придумать, «нарисовать» у нас могут что угодно. В архивах творится нечто невероятное! Кто угодно и что угодно могут написать на старых документах, не говоря уже о том, что готовы состряпать и новые!

— А вдруг, так сказать, в порядке исключения Сталин выругался…

— При публикации донесения разведки на основе сообщения «Старшины» (о нем-то и идет речь!), осуществленном ФСБ и сотрудниками Мосгорархива, никаких матерных резолюций не приведено. Архивные же документы печатают со всеми пометками и резолюциями. Не подтверждают версию о раздраженности Сталина и воспоминания разведчиков предвоенного периода, в том числе и начальника разведки НКГБ той поры Павла Фитина, и даже монументальный труд «Очерки истории Российской внешней разведки», составленный и изданный под руководством выдающегося государственного деятеля России академика Евгения Максимовича Примакова. Кстати, обратите внимание на то, что фальшивка с матерной резолюцией появилась только в канун 50-летия Великой Победы, когда бал в антисталинской пропаганде правил небезызвестный Александр Яковлев.

— Что же было тогда на самом деле?

— Итак, 16 июня от посла в Берлине пришла информация, что якобы Германия согласна вступить в переговоры и урегулировать какие-то нерешенные проблемы, — но это была «деза» со стороны Риббентропа. И в тот же день пришли сообщения по линии ГРУ и от лубянской разведки — мол, все к нападению готово…

— То есть совершенно противоположная информация…

— Да, произошло редкое в политике столкновение двух глобально противоречивших друг другу информаций. Одна говорит, что Берлин якобы хочет урегулировать все проблемы мирным путем, другая, что война на пороге. Что должен делать руководитель государства, крайне заинтересованный в том, чтобы лучше подготовиться к отражению агрессии?

— Наверное, прежде всего понять, где истина?

— Правильно. Доверять, но еще раз все проверить насчет того, что вот-вот бабахнет, и одновременно попытаться вступить в диалог даже с таким смертельным врагом, как Гитлер. Сталин это и сделал — приказал еще раз все тщательно проверить. Но тут пограничники сообщили, что с 18-го будет возобновлено выдвижение — оно было начато еще 13 июня, но тут же

приостановлено, так как Англия еще не дала Гитлеру своих гарантий, — ударных группировок вермахта на исходные для нападения позиции. Причем доказывают это документально: приносят листовки с той стороны — немцы требуют от поляков удалиться из 20-километровой зоны, сдать лошадей и т. д. Не могу в этой связи не отметить, что в последние два-три мирных месяца, особенно в последние две недели перед войной, разведка погранвойск, вопреки своей тактической природе, все больше играла роль стратегической разведки. Это было уникальное явление, о котором у нас мало известно…

— Что же в этих условиях делает Сталин?

— Он поручает Молотову: «Дозвонись до Берлина, чтобы тебя там приняли». Не получилось: Берлин специально заблокировал все телефонные линии, что впоследствии подтвердил тогдашний нарком связи. Понимали, супостаты нацистские, что Сталин пытался спутать им карты, о чем записали в своих дневниках. Сталин не успокоился. Уже было ясно, что счет времени пошел в буквальном смысле на часы! А абсолютной — подчеркиваю это особо! — именно же абсолютной ясности с датой и временем нападения нет. Хотя, если честно, он самого Гитлера вынудил проболтаться о том, что агрессия планируется ориентировочно на двадцатые числа июня. Числа с 12–13 июня Сталин уже знал, что нападение планируется на 22 июня, на 4 утра. Это данные британского радиоперехвата, которые по каналам лубянской разведки попадали в Москву. Но в то же время постоянно стоял вопрос: как быть? Ведь не дай-то бог это дезинформация?! Сами гитлеровцы то начинают выдвижение на исходные для нападения позиции, то его отменяют — к примеру нападение на Францию откладывалось 38 раз. И если в такой ситуации начнешь «играть мускулами» на границе, объявишь всеобщую мобилизацию — риск угодить в агрессоры слишком велик! Тем более что по тогдашним понятиям объявление мобилизации было равнозначно объявлению войны. Кстати, нельзя не упомянуть, что правительство Финляндии на пять дней раньше Гитлера объявило нам войну, открыто объявив 17 июня всеобщую мобилизацию в стране! Так что перед Сталиным стоял непростой вопрос: нельзя было дать ни малейшего повода для войны.

— И что же оставалось делать в такой ситуации?

— Скажу так: в повестку дня стал вопрос о срочном получении интегральной разведывательной информации в режиме, как сейчас говорят, реального времени. Сталин вызвал командующего ВВС РККА Жигарева и Берию, которому подчинялись пограничные войска, и приказал силами ВВС Западного Особого военного округа организовать тщательную

воздушную разведку на предмет окончательного установления и документального подтверждения агрессивных приготовлений вермахта к нападению, а пограничники должны оказать авиаторам содействие. Все это четко подтверждается записями в журнале посещений Сталина. В ночь с 17 на 18 июня у него в кабинете были Жигарев и Берия. 18 июня в течение светового дня вдоль всей линии границы в полосе ЗапОВО с юга на север пролетел самолет У-2, пилотируемый наиболее опытными летчиком и штурманом. Через каждые 30–50 км они сажали самолет и прямо на крыле писали очередное донесение, которое тут же забирали у них бесшумно возникавшие пограничники.

— Откуда вы об этом знаете?

— Самое интересное в этом факте то, что он взят из воспоминаний Героя Советского Союза, генерал-майора авиации Георгия Нефедовича Захарова «Я — истребитель». Перед войной он в звании полковника командовал 43-й истребительной авиадивизией Западного Особого военного округа. Вместе с ним в том полете был штурман 43-й авиадивизии майор Румянцев. С высоты птичьего полета они все разглядели, нанесли на карты и письменно отчитались через каждые 30–50 км. Они четко зафиксировали, что началось лавинообразное движение всей армады вермахта к линии границы. Вот как происходила окончательная интегральная проверка разведывательных данных!

— Как распорядились у нас этими данными?

— Именно в тот день, 18 июня, Сталин отдал приказ о приведении войск первого стратегического эшелона в полную боевую готовность! Директива была передана Генеральным штабом в войска, но фактически не была выполнена. Во всяком случае повсеместно не была выполнена. Кстати, длительное время никто не обращал внимания на то, что в поступившей в военные округа в ночь на 22 июня знаменитой директиве № 1 было написано: «Быть в полной боевой готовности». А это означает, что до этого уже была директива, потому что было указано не «привести», а «быть». Как минимум это самое «быть» касалось первого оперативного эшелона.

— Вы сказали, что директива не была выполнена. Но так ли это? Может, никакой директивы и не было — все придумано для последующего самооправдания?

— Впоследствии на суде бывший командующий Западным фронтом генерал Павлов сказал, что 18 июня была директива Генштаба, но он ничего не сделал, чтобы ее исполнить. И его начальник связи тоже это подтвердил. Да и в наше время появились документальные подтверждения, что директива все-таки была. Правда, саму директиву найти пока не представляется

возможным. Возможно, во времена Хрущева она была уничтожена. Однако последние предвоенные приказы, например Прибалтийского округа, четко свидетельствуют о том, что его командование выполняло какое-то специальное указание Москвы. И в Киевском округе то же самое. И флоты отчитались о приведении в боевую готовность уже 19 июня. Тоже по этой директиве Генштаба. Да и материалы судебного следствия по делу Павлова и его генералов сохранились. Как говорится, подтверждение все-таки имеется…

— То есть Сталин даже знал, где будет направление главного удара?

— Да, обратите внимание, что упомянутая блицразведка с воздуха была осуществлена в полосе именно ЗапОВО. Это к тому, что у нас невесть на каком основании все привыкли считать, что катастрофа Западного фронта произошла потому, что-де Сталин приказал считать главным для вермахта направлением удара Юго-Западное, то есть Украинское. Не буду напоминать, что за вермахт решал Гитлер, а не Сталин, однако даже из приведенного выше частного, но имеющего колоссальное стратегическое значение факта видно, что Сталин опасался прежде всего удара на Белорусском направлении в полосе ЗапОВО (с 22 июня — Западный фронт). Именно там и была проведена воздушная блицразведка. В тот момент, видимо, никакой другой информации уже не поступало…

— И все-таки 22 июня произошла катастрофа…

— Так она уже и не могла не произойти. Мало кому известно, например, следующее. Невзирая на директиву о приведении в полную боевую готовность, несмотря на окончательно установленный факт выдвижения ударных группировок вермахта на исходные для нападения позиции, у нас происходило нечто невероятное. К примеру, по свидетельству в прошлом ярого антисталиниста, но впоследствии выдающего философа и державника Александра Зиновьева, отдавались приказания отвести танки в парк (на так называемый парко-хозяйственный день), сдать снаряды на склад. Другие данные свидетельствуют о том, что тяжелую артиллерию оставили без тягачей, в некоторых местах сливали горючее из баков танков и самолетов. В стрелковых частях до сведения командиров не были доведены планы обороны — в ряде мест стрелковым дивизиям даже не были нарезаны полосы обороны. Хуже того! 21 июня приказали отобрать патроны и оружие, разминировать предполье и вывезти все мины и т. д. И это после прямых приказов командования войсками округов о приведении в боевую готовность. Несмотря на четко установленный факт взрывного сосредоточения авиации

люфтваффе на аэродромах передового базирования и даже на то, что, к примеру, командующий ВВС ЗапОВО генерал Колец лично убедился в достоверности всего того, что установили Захаров и Румянцев, Копец и командующий войсками округа отдали более чем странный — это если мягко — приказ. Приказ о разоружении самолетов передового базирования, снятии с них всего боезапаса, отправлении летного, особенно командного состава по домам и т. д. Да и сам Павлов, как известно, в ночь перед войной с упоением смотрел мольеровского «Тартюфа» в окружном театре. И это ведь не домыслы, а свидетельства очень уважаемых людей, боевых генералов, которые лейтенантами встретили войну на границе. Не говоря уже о свидетельствах, зафиксированных в донесениях Особых отделов.

— К чему это привело, известно…

— Да, уже на 15-й минуте агрессии наши летчики — те, которые, несмотря ни на что, сумели взлететь, — вынуждены были идти на таран, потому как нечем было стрелять по вражеским самолетам. В результате — разгром нашей авиации прямо на аэродромах, особенно в полосе ЗапОВО. А ведь этим-то причины катастрофы не исчерпываются. Всего-то за четыре с половиной дня рухнул один из самых сильных — по количеству живой силы и боевой техники — округов.

— Неизбежен традиционный русский вопрос: кто виноват?

— Общество по-прежнему почему-то уверено, что во всем виноват Сталин. Вот же аксиому выдумали! А позвольте спросить, в чем же он виноват, если санкция на приведение войск в полную боевую готовность была дана им за четыре дня до агрессии?! Даже американские историки, коих никак не заподозришь в симпатиях к Сталину, и те поняли, что на XX съезде Хрущев на глазах у всех осуществил глобальное мошенничество! Как говорят в народе, нагородил три короба такого, что до сих пор не можем расхлебать. Из 61 положения хрущевского доклада ни одно не подтверждается! Особенно что касается войны и ее начала.

— Вы сказали, что Сталин пытался разобраться в причинах трагедии 22 июня и даже проводил тщательное расследование…

— Да, оно шло всю войну, начиная с самого первого ее дня, и было завершено только в конце 1952 года. Перед теми генералами, которые были в приграничных округах и уцелели, Верховный поставил ряд вопросов, свидетельствующих о том, что он всерьез подозревал предательство. Основания для этого у Сталина были. Это видно даже по донесениям некоторых партийных секретарей в июне 1941 года, которые я привел во 2-м томе — «Трагедия 1941 года» — нового пятитомника «200 мифов о Великой Отечественной войне», недавно вышедшего из печати.

— Где же вы их нашли?

— Все предельно просто: эти вопросы и часть ответов на них еще в 1989 году публиковал — начиная со своего 3-го номера — «Военно-исторический журнал». Однако в ЦК КПСС быстро спохватились и дальнейшую публикацию запретили. Пропагандой тогда командовал небезызвестный Александр Яковлев…

— По-моему, не все так однозначно. В то время, когда начали усиленно «раскачивать корабль», нужен ли был еще и такой «огонь по штабам»?

— Менее всего мне хотелось бы, чтобы у уважаемых читателей сложилось впечатление, что подобными сведениями бросается жирная черная тень на генералитет! Это было бы в корне неверно. Но мы должны, мы вправе знать о том, как на самом деле произошла трагедия 22 июня, почему, а также кто и в чем был виноват. Пусть самую горькую, самую нелицеприятную, но мы имеем право знать всю правду! Ведь скоро уже 70-летие трагедии 22 июня, а она до сих пор незаживающей раной ноет в исторической памяти общества.

— Извините, а не выглядите ли вы сейчас этаким правдоискателем-одиночкой, который вдруг вознамерился всем открыть глаза?

— Э, нет! Я далеко не первый и совсем не единственный! Вот генерал Николай Червов в книге «Провокации против России» указал, что внезапности нападения в обычном понимании не было, и эта формулировка «была придумана в свое время для того, чтобы взвалить вину за поражение в начале войны на Сталина и оправдать просчеты высшего военного командования в этот период»! А задолго до него маршал артиллерии Николай Дмитриевич Яковлев, пострадавший при жизни Сталина, с мужеством истинного солдата заявил: «Когда мы беремся рассуждать о 22 июня 1941 г., черным крылом накрывшем весь наш народ, то нужно отвлечься от всего личного и следовать только правде, непозволительно пытаться взвалить всю вину за внезапность нападения фашистской Германии только на И. В. Сталина. В бесконечных сетованиях наших военачальников о «внезапности» просматривается попытка снять с себя всю ответственность за промахи в боевой подготовке войск, в управлении ими в первый период войны. Они забывают главное: приняв присягу, командиры всех звеньев — от командующих фронтами до командиров взводов — обязаны держать войска в боевой готовности. Это их профессиональный долг, и объяснять невыполнение его ссылками на И. В. Сталина не к лицу солдатам».

— То есть той самой пресловутой внезапности не было?

— О какой внезапности может идти речь и тем более на каком основании можно ею объяснять причины трагедии 22 июня 1941 года, если, во-первых, 18 июня Сталиным была санкционирована директива Генштаба о приведении войск первого стратегического эшелона в полную боевую готовность (и это не говоря о предупреждении Сталина еще 24 мая!), во-вторых, если в тексте известной директивы № 1 — той, что была передана в войска в ночь с 21 на 22 июня, — было прямо указано, что возможно внезапное нападение Германии, и более того, если четко было указано, что необходимо «быть в полной боевой готовности». Еще раз подчеркиваю, что в переводе с военного на гражданский язык «быть» в документе такого ранга означает, что до этого уже была соответствующая директива. По крайней мере для войск первого оперативного эшелона первого стратегического эшелона. В противном же случае должно было быть только «привести в полную боевую готовность».

— Тогда поясните, почему же все-таки произошла эта кровавая трагедия 22 июня 1941 года?

— В то, о чем пойдет речь, очевидно, трудно будет поверить, однако придется: против фактов и документов нелегко возражать. Так вот, в первом полугодии 1941 года с подачи руководителей военного ведомства в советском военном планировании, на мой взгляд, произошло нечто немыслимое, невероятное…

— Звучит зловеще…

— Да, ибо произошла негласная и незаконная подмена смысла и духа официально утвержденного Правительством СССР плана отражения агрессии, в том числе и принципа обороны. Вместо четко указанного в официальном плане принципа активной обороны, предусматривавшего при необходимости организованный отход войск в глубь своей территории, но с арьергардными боями — чего, к слову, Гитлер очень опасался и требовал от своих генералов не допустить этого, у нас появилась жесткая (упорная) оборона прямо на линии государственной границы.

— То есть в далеко не всегда выгодных для нас условиях?

— Конечно, особенно если учесть, что граница не везде еще была оборудована в достаточной степени. Но самое главное, конечно, что негласно и незаконно был подменен смысл официального плана. Согласно этому плану войска первого стратегического эшелона сдерживали и отражали первый удар, под прикрытием чего наши основные силы должны были быть отмобилизованы и сосредоточены, и затем — но только при благоприятной обстановке — переходили в решительное контрнаступление и уничтожали врага. Вместо этого войска

основных приграничных округов на западных границах были жестко переориентированы на отражение агрессии методом немедленного, то есть по факту нападения, встречно-лобового контрблицкрига. То есть отражение агрессии гитлеровской Германии стали готовить, выражаясь языком военных, методом осуществления стратегических фронтовых наступательных операций.

— Действительно, разобраться непросто…

— Подмена именно тем и была опасна, что она фактически незаметна! Ее и сейчас-то не так уж легко заметить. Не меняя ни единой строчки в официальном документе, а всего лишь за счет переакцентировки усилий приграничных округов на подготовку к немедленному контрнаступлению, которое действительно официально предусматривалось…

— Но ведь не сразу же?

— Правильно, именно в этом все дело. Но тогдашнее руководство Наркомата обороны, как мне видится, практически полностью выхолостило суть официального плана. А ведь никакого другого плана, кроме того, который был утвержден 14 октября 1940 года, в СССР не было. Любая информация о всяких иных, якобы официально действовавших планах, не более чем сказки, к тому же далеко не безобидные.

— «Корректировка» очень походила на довоенные кинофильмы, когда коварный враг нападал и его тут же сметали с нашей земли.

— Еще раз подчеркну, что и в официальном плане контрнаступление планировалось, но только после сдерживания и отражения первого удара гитлеровцев. К тому же после сосредоточения наших основных сил и при наличии благоприятной обстановки. А вот «безграмотный сценарий вступления в войну» — так, кстати, в послевоенное время Тимошенко охарактеризовал произошедшее 22 июня, — составленный не без его активного участия, предусматривал немедленный лобовой встречный удар, как эффективный метод отражения агрессии. Более того! Эта негласная и незаконная подмена произошла в основном на принципах концепции «пограничных сражений» расстрелянного в 1937 году маршала Тухачевского.

— Арсен Беникович, все-таки объясните, чем был бы плох немедленный встречный удар?

— Войска, изготовившиеся отражать агрессию методом немедленного встречно-лобового контрнаступления, с точки зрения обороны находятся в крайне неустойчивом положении, и малейший удар по ним автоматически приведет к кровавой трагедии. Ударивший первым будет, что называется, «в дамках».

Первым ударил Гитлер — СССР ни о какой агрессии не помышлял!

— Из *ваших слов можно прийти к выводу, что трагедия 22 июня — результат не просто ошибок высшего военного командования…*

— Так ставить вопрос и тем более категорически утверждать что-то подобное я не стану — это за пределами моей компетенции. Но, как и у любого другого историка-исследователя, у меня есть право обратить внимание на некоторые важные моменты. 18 июня 1941 года Сталин разрешил привести войска первого стратегического эшелона в полную боевую готовность. Однако эта директива Генштаба, санкционированная Сталиным, оказалась невыполненной. Во всяком случае далеко не везде выполненной, тем более в полном объеме!

— *Как понимаю, вы начисто отвергаете предположение, что Сталин готовил нападение на Германию? Ту самую «Операцию «Гроза», о которой писал небезызвестный Резун-Суворов, объясняя ею причины трагедии 22 июня?*

— Я имею все документальные основания заявить, что написанное Резуном — подлая ложь. Вся его концепция легко опровергается строго документальными данными. Еще в 1974 году в советской исторической литературе был обнародован тот факт, что слово «Гроза» исполняло функцию общегосударственного пароля, по которому командующие войсками приграничных округов обязаны были вскрыть так называемые «красные пакеты» и немедленно ввести в действие находившиеся в них планы прикрытия государственной границы. Указывалось даже архивное дело, подтверждающее этот факт. Далее. На местах, то есть в округах, действовали пароли-аналоги. Например, в Киевском округе — «КОВО-41», в соответствии с которым командование округа вводило аналогичный режим действий. Если, например, спуститься по иерархической воинской лестнице еще ниже, то есть непосредственно в армии, корпуса и дивизии, то там были свои пароли-аналоги — в Западном округе, в частности, для командиров частей и соединений существовали такие пароли, как «Кобрин-41», «Гродно-41». То есть в зависимости от места дислокации того или иного соединения. Для стрелковых и артиллерийских полков этого округа существовал пароль «Буря», по которому командиры должны были немедленно вскрыть так называемые «красные пакеты» своего уровня и действовать в соответствии с находившимися там инструкциями. Так что никаких планов нападения на кого бы то ни было в СССР не было и в помине.

— Да, Резун лукавил…

— А ведь он не мог не знать, что задолго до него британский историк — авторитетнейший Б. Лиддел Гарт в своей книге «Вторая мировая война» открыто признал, что едва войска вермахта пересекли границу СССР, как германские «генералы убедились, сколь далеки были русские от агрессивных намерений, и поняли, что фюрер их обманул»! Не менее известный западногерманский историк Г.-А. Якобсен еще в самый разгар «холодной войны», полвека назад, столь же открыто признал в книге «1939–1945. Вторая мировая война», что «при внезапном нападении летом 1941 г. не было захвачено никаких документов, которые бы, несмотря на сосредоточение советских войск у границы, давали основания для выводов о вражеских наступательных намерениях»! Какие еще, чьи нужны доказательства, чтобы бросить в мусорное ведро вымыслы беглого предателя, оплачиваемые британской разведкой?!

— Кстати, расследованием причин трагедии 1941-го как раз и занималась «личная контрразведка» Сталина?

— Скорее всего так… Но и она опиралась на информацию особых отделов, а затем и СМЕРШ. По документам видно, что эта работа непрерывно шла даже во время войны…

— Но если так, тогда почему 22 июня по радио выступил Молотов? Может, Сталин действительно впал в прострацию и укрылся на даче?

— Учтите, уже двадцать лет кряду прекрасно известно, что на протяжении всего периода работы Сталина в Кремле его помощники тщательно вели «Журнал посещений И. В. Сталина в его кремлевском кабинете», который ранее хранился в «Особой папке Политбюро», а ныне — в Архиве Президента Российской Федерации. Журнал свидетельствует, что Сталин с раннего утра 22 июня 1941 года находился в Кремле, в своем кабинете, и напряженно работал. В среднем — по 14–16 часов в сутки. Записи в журнале свидетельствуют, что в период с 22 по 28 июня включительно Сталин принимал от 20 до 30 человек в день из числа высших должностных лиц, в том числе и военных, партийных работников, руководителей различных гражданских ведомств, ученых, конструкторов, испытателей самолетов, танков, другой военной техники, деятелей культуры и дипломатов. С ними он решал бесчисленное количество вопросов организации обороны, материально-технического снабжения ведущей тяжелые бои Красной Армии, массовой эвакуации населения, промышленных объектов, различных материальных и иных ценностей из зон возможной оккупации, организации партизанского движения на оккупированной территории и т. д.

Даже известный историк-диссидент и антисталинист Рой Медведев в конечном итоге признал, что версия об исчезновении Сталина является «чистой выдумкой» Хрущева. Но что интересно — об этом говорится в его книге, написанной совместно с братом Жоресом Медведевым, THE UNKNOWN STFLIN для Запада. Однако при переиздании того же труда на русском языке сведения о «чистой выдумке» Хрущева были опущены. Почему-то он счел, что нет необходимости рушить чистейший миф, столь удобный для всех антисталинистов.

— То есть версия возникла на пустом месте?

— На первый взгляд кажется, что одна «зацепка» есть. В журнале отсутствуют записи за 29 и 30 июня. Но должно ли это означать, что в эти два дня Сталин пребывал в прострации или что-нибудь в подобном роде? Отнюдь. Он принимал посетителей еще и по адресу: улица Кирова (ныне Мясницкая), дом 33, где была его резиденция, на пункте управления Генштаба, а также на своих дачах. Наконец, с какой стати задним числом Сталина лишают возможности уединиться в одной из своих резиденций, чтобы сосредоточенно обдумать сложившуюся обстановку и наметить конкретные пути выхода из нее и меры по их реализации? Ему же крайне необходимо было уединиться, чтобы детально обдумать тяжелейшую ситуацию. Ведь накануне, 28 июня, стало известно о взятии гитлеровцами столицы Белоруссии — Минска. Кстати, узнал он об этом из сообщений иностранных радиостанций, а не от Генштаба, а также о катастрофическом разгроме войск Западного фронта, который, по сути-то, рухнул менее чем за неделю боев. А это было самое опасное направление удара вермахта, потому как это самая короткая дорога к столице: Минск — Смоленск — Москва.

— Эта дорога была истоптана многими потенциальными завоевателями. Получилось, что советское командование словно бы игнорировало в своих планах этот вариант гитлеровской агрессии. Что же *предпринял Сталин?*

— Сталин пришел к выводу о явной неспособности высшего военного командования организовать достойный отпор агрессору. В такой ситуации необходимо было коренным образом и немедленно менять всю структуру государственного и военного управления в целях максимальной концентрации власти в едином государственном органе. Иначе было бы невозможно мобилизовать все силы и ресурсы для отпора врагу. Ведь в первые дни войны, когда Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня была создана Ставка Главного Командования во главе с наркомом обороны маршалом С. К. Тимошенко, дело доходило, скажем мягко, до странностей.

Являясь официально утвержденным председателем Ставки, Тимошенко ставил такую подпись: «От Ставки Главного Командования народный комиссар обороны С. Тимошенко». Ну и что же должна была означать такая подпись на важнейших директивах?! Одним только фактом столь несуразной подписи он, по сути, расслаблял командующих сражающихся с врагом войск, потому как резко понижал уровень исполнительской дисциплины! Ведь получалось, что не председатель Ставки Главного Командования требует исполнения директив, а всего лишь Тимошенко «от ее имени». Военные, к слову, вообще очень чувствительны к атрибутическому оформлению приказов, тем более в военное время и особенно в период боевых действий. По этим признакам они определяют степень обязательности и срочности выполнения тех или иных приказов вышестоящего командования. А тут всего лишь «От Ставки»…

— Чем вы объясняете такую позицию Семена Константиновича?

— Не следует сбрасывать со счетов то обстоятельство, что в первые дни войны он инициативно стал нарываться на отставку самим тоном в телефонных разговорах со Сталиным. Его ближайший зам тоже вел себя вызывающе, когда Сталин жестко требовал объяснить, что же на самом-то деле происходит с нашими войсками. К тому же с первых дней войны Генеральный штаб вообще потерял управление и связь с войсками и по большей части не знал, что конкретно творится на фронтах.

— Получилось, что ближайшие сподвижники растерялись больше Сталина…

— Подобное положение никак не могло устроить главу государства! Вот потому-то он и уединился на пару дней, чтобы разработать новую систему управления государством в создавшейся критической обстановке. В результате было разработано положение о Государственном Комитете Обороны, которое уже 30 июня было опубликовано. До этого 29 июня Сталин завершил разработку и подписал директиву Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей — о развертывании партизанского движения. Надеюсь, хоть теперь-то стало понятно, куда и, главное, зачем он пропал на двое суток?

— Ну, мне-то известно, что в действительности он никуда не пропадал. Это у вас с другими оппонентами спор.

— Да, 29 июня он дважды посещал Наркомат обороны и Генеральный штаб, у него произошел еще один резкий разговор с Тимошенко и особенно с Жуковым. Что же до бессовестных утверждений Хрущева о том, что-де Политбюро гуртом ездило к

Сталину на дачу, дабы уговорить его вернуться к активной деятельности, так это ложь. Даже невзирая на то, что их «подтвердил» Микоян. Да, они наведывались к нему на дачу, но лишь потому, что он сам их вызвал к себе, поскольку 30 июня он, как указывает Рой Медведев, созвал на даче совещание членов Политбюро, на котором ознакомил их с тем самым решением о создании Государственного Комитета Обороны.

— Кстати, такой деликатный вопрос… 22 июня с первым обращением к народу выступил не Сталин и даже не Молотов, а — с амвона — местоблюститель Патриаршего престола Русской православной церкви митрополит Московский и Коломенский Сергий. Почему он?

— Мне кажется, что, понимая всю иллюзорность возможности возврата к статус-кво по состоянию на 4.00 утра 22 июня, Сталин тем не менее зарезервировал для себя возможность такого возврата. В высшей политике это норма. Лидер всегда оставляет себе возможность не принимать окончательного решения, изучить ситуацию до конца. Это обычная, испокон веку существующая политическая практика. И не только в нашей стране, а во всем мире.

— Все же выходит, что митрополит Сергий на многое отважился раньше Сталина?

— Да нет же, это не так! До 12 часов в открытом радиоэфире последовало санкционированное Сталиным обращение Молотова к правительству Японии с просьбой выступить посредником в урегулировании вспыхнувшего вооруженного столкновения между Германией и СССР. Хотя в том, что это война, ни Сталин, ни Молотов уже не сомневались. Тем более что германский посол Шуленбург еще ранним утром официально передал соответствующее объявление об этом. Однако, во-первых, Сталину было важно на весь мир показать, что СССР действительно подвергся вероломному, ничем и никак не спровоцированному подлому нападению. Это было до чрезвычайности важно, имея в виду перспективы создания антигитлеровской коалиции с США и Великобританией, предварительные принципиальные договоренности о которой имелись еще до начала войны. Во-вторых, не менее важно было и продемонстрировать на весь мир, что даже в такой ситуации СССР до последней секунды пытается решить все мирным путем…

— Ане получалось ли, что он просто хватается за соломинку? Вдруг Гитлер действительно остановит войска?

— Нет, Сталин надеялся, что войска первого стратегического эшелона — а это 3,5 миллиона человек с более чем достаточным

количеством вооружений и боеприпасов, предупрежденные за четыре дня до агрессии, — уж как-нибудь, но сдержат врага до объявления всеобщей мобилизации. И, наконец, в-третьих, Сталину до чрезвычайности важно было лишить Берлин любых возможностей требовать от Японии немедленного вооруженного выступления против Советского Союза. Проще говоря, Сталину чрезвычайно важно было ликвидировать саму угрозу двухфронтового нападения на СССР!

— Каким же образом?

— У Японии действительно было обязательство выступить на стороне Германии, но только в том случае, если Германия подвергнется нападению. Однако своим обращением-предложением к официальному Токио выступить в роли посредника Сталин совершенно ясно и однозначно сообщил японскому руководству, что истинный агрессор Германия, а не СССР. И Япония так и не рискнула напасть на СССР, хотя пакостила нам всю войну.

— Но вернемся к воззванию митрополита Сергия…

— Сейчас, слава Богу, известно, что Местоблюститель Патриаршего престола Русской Православной Церкви митрополит Московский и Коломенский Сергий (Страгородский) обратился с мобилизующим воззванием к русскому народу 22 июня 1941 года, в День Всех Святых, в земле Российской просиявших. Но мало кто знает, что с этим воззванием он обратился сразу же после утренней службы. Более того. Никто никогда не обращал внимания на то, что он собственноручно написал и собственноручно же отпечатал это обращение, которое потом зачитал перед прихожанами с амвона после утренней литургии.

— Так рано?

— Да, до 12.00 22 июня никто в Москве — естественно, кроме высшего государственного руководства, — не знал о начавшейся войне. Каким же образом митрополит узнал о войне, успел написать, да еще и собственноручно, одним пальцем, отпечатать это обращение?! Ведь утренняя служба заканчивается примерно в 10–10.30 утра.

— Значит, о произошедшем он узнал раньше многих. Но откуда, от кого?

— О нападении Германии, уверен, местоблюститель узнал непосредственно от Сталина. А знаете, для чего Иосиф Виссарионович ему об этом сообщил? Чтобы именно он, Местоблюститель Патриаршего престола Русской Православной Церкви в судьбоносный для страны момент лично подвел черту под противостоянием государства и церкви. Кстати, напомню, что со своей стороны Политбюро эту черту подвело еще в 1939 году,

отменив все постановления о гонениях на церковь.

— Но почему именно в тот момент церковь должна была «повернуться лицом к государству»?

— Подведя эту черту и обозначив более понятную для всего народа религиозно-цивилизационную сущность нагрянувшей страшной беды, Местоблюститель Патриаршего престола инициировал бы исконно русский патриотизм, необходимый для массированного отпора врагу! Причем, хочу отметить это особо, не только в этническом смысле. За рубежом нашу страну, при всей ее многонациональное™, всегда называют Россией. И любых представителей нашей страны — русскими. Так вот, вопрос тогда стоял именно о всеобщем, общероссийском патриотизме — при естественно главенствующей роли русского. Только после такого обращения митрополита Сергия у Сталина появились основание и возможность произнести в речи от 3 июля знаменитые слова — «Братья и Сестры!» — и реальный шанс рассчитывать на то, что эти проникновенные слова будут правильно поняты народом! Так и произошло!

— А почему Сталин так жестоко расправился с командованием Западного фронта?

— А вы знаете, что этого в первую очередь требовало руководство Наркомата обороны, а вовсе не Лубянка, которой это приписывают? Но это ладно. Обвинение Павлова и других сначала базировалось на аналоге знаменитой 58-й статьи УК в белорусском Уголовном кодексе. Однако в ходе судебного следствия обвинение было переквалифицировано на 193-й статью УК РСФСР — то есть на воинские преступления. И суровый приговор вынесен по этой же статье. То есть Сталин вовсе не желал устраивать кровавые разборки с генералитетом, наподобие 1937 года. Потому как воевать надо было, а не стрелять в своих. Но в то же время ясно продемонстрировал, что спокойно может обойтись и без пресловутой 58-й статьи. Уж кому-кому, но ему-то было более чем ясно, что на войне все может произойти. И потому всем был дан шанс самоотверженной борьбой против ненавистного врага исправить прежние, даже тяжелые, на грани, а то и за гранью преступлений по уголовному законодательству того времени, ошибки. И многие, надо сказать, доказали, что ошибки исправлять умеют. Убедительно доказали, были произведены в маршалы, стали символом Победы.

Кстати, в этой связи не могу не привести слова выдающегося российского философа, бывшего ярого диссидента и антисталиниста, к сожалению, ныне покойного Александра Зиновьева. В интервью 23 апреля 2005 года вашей газете он заявил: «Наши военачальники стали выдающимися полководцами

только потому, что они были при Сталине — подобно тому, как Даву и Мюрат были великие маршалы при Наполеоне. Без него их не было бы! Это говорю я, антисталинист бывший! Как исследователь, утверждаю, что рассказы про «вопреки» — ерунда!»

— Арсен Беникович, историкам известно, что далеко не все «судьбоносные» решения оформляются документально. Однако даже самая секретная и могущественная организация не в силах полностью скрыть документальные следы своей деятельности. Существуют ли архивы той самой «личной службы», о которой мы вели речь?

— Насколько я знаю, они были. Один документ я имел честь видеть — буквально в течение часа, под непосредственным надзором упоминавшегося выше Константина Мефодиевича. Это был глобальный историко-геополитический анализ — с разведывательно-исторической точки зрения — причин многовекового противостояния между Западом и Россией. Кстати говоря, пользуясь переданной мне технологией разведывательно-исторического анализа «личной разведки» Сталина, я в немалой степени его восстановил, пользуясь открытыми источниками. Наиболее полно он отражен в моей книге «Кто привел войну в СССР?» В документе же, который я видел, все было показано на таких примерах, которые ни при каких обстоятельствах назвать не могу.

— Где этот архив сейчас?

— Не могу знать. Есть, очевидно, какие-то хранители, но где, кто, что — мне этого никогда не говорили. А документы там, насколько понимаю, интересные!.. По целому ряду косвенных признаков могу сказать, что они свидетельствовали о выходах сталинской «личной разведки» на высшие круги и закулисные силы Европы и мира… Занимаясь историческими исследованиями, я неоднократно поражался, насколько детально знал Сталин механику всяческих политических событий, действующих на мировой арене сил, и тому, насколько его действия отличались исключительной выверенностью. Это могло быть следствием только глубочайшего знания. Он ведь буквально за горло держал очень многих — и они ничего сделать не могли ни против самого Сталина, ни против нашей страны. Они его просто боялись, в прямом смысле слова! Как в свое время английский король Георг I боялся Петра Великого.

— Какова же дальнейшая судьба «личной разведки»? Досталась «в наследство» Хрущеву, как-то трансформировалась?

— Нет, она существовала вплоть до смерти Сталина, а потом… исчезла. Ее сотрудники занялись кто чем. Кто стал

писателем, кто исследователем, естественно, помалкивая о своем прошлом… А что, разве ушедшие в запас сотрудники органов безопасности всем известны? Точно так же и тут. Никого не расстреляли, не репрессировали — их просто не знали по именам и делам.

— Не может ли помочь в поиске таких людей, скажем, журнал посещения кремлевского кабинета Сталина? Думается, Иосиф Виссарионович мог и там общаться с какими-то своими агентами?

— Не может. Там же не все фиксировалось — только официальные лица, а неофициальные не фиксировались. Да и не ходили они в Кремль. Для этого существовали более конспиративные места встреч, а Сталин был мастером по этой части…

notes

Примечания

1

Помощник генерала Лаврова, начальника личной разведки и контрразведки И. В. Сталина.

2

Презрительное прозвище в военной среде штатского, не разбирающегося в военном деле.

3

Рыбин А. Г. Сталин и Жуков. 1994, с.22–23.

4

В своих мемуарах Уинстон Черчилль писал, что, когда Сталин, занятый руководством операциями на фронтах, как-то опоздал на одно из заседаний Ялтинской конференции, они договорились с Рузвельтом, что как руководители великих держав не будут вставать при его появлении в зале. Когда же Сталин вошел, то к своему огромному удивлению, Черчилль обнаружил, что приветствует его стоя вместе со всеми. Приподнялся на руках на своей коляске и Рузвельт. Таков был общепризнанный вес и авторитет этого необыкновенного человека.

5

Следователь, который до Комарова допрашивал арестованную Жемчужину.

6

Средний сын Сталина.

7

Адъютанты генерала Василия Сталина.

8

Из членов Политбюро ЦК ВКП(б) калоши носил один Берия, панически боявшийся простуды.

9

Входе судебного разбирательства по его делу арестованный в июле 1953 года Берия под тяжестью улик признался, что подпольной партийной организацией большевиков в муссавитскую контрразведку не направлялся, а поступил туда на работу по личной инициативе. В своем последнем слове на суде Берия сказал: «Я долго скрывал свою службу в муссавитской контрразведке. Однако я заявляю, что, даже находясь на службе там, не совершил ничего вредного».

10

Такого приказа Сталина Джуга не имел. Действовал по личной инициативе.

11

Запись сделана начальником Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковником Гальдером.

12

Первоначально Гитлер намеревался напасть на Советский Союз осенью 1940 года.

13

Подготовку к нападению на СССР Гитлер надеялся замаскировать дезинформацией, создав впечатление у руководства СССР, что он ведет подготовку к нападению на Гибралтар и Англию и к активизации военных действий в Северной Африке.

14

Псевдоним И. В. Сталина, на который для него поступала особо секретная информация.

15

Так открыто и цинично была выдвинута, а затем поставлена на практическую основу людоедская задача так называемого «очищения жизненного пространства от низших рас». В одном из обращений немецкого командования к солдатам, найденного во время Великой Отечественной войны у убитого немецкого лейтенанта Густава Цигеля, уроженца Франкфурта-на-Майне, говорилось: «У тебя нет сердца и нервов; на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание, — убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик — убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее твоей семьи и прославишься навеки». Теперь уже неопровержимо доказано, что гитлеровцы после своей победы намеревались покрыть всю Сибирь лагерями смерти типа «Освенцима» и осуществить на практике свой замысел по массовому уничтожению советских людей. Примерно за 30 лет физически уничтожить подавляющую часть советского народа.

На одном из секретных совещаний Гитлер заявит: «Надо взять у России все, что нам нужно. Надо разработать технику сокращения чужого населения. Кто может оспаривать мое право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как насекомые… Надо прежде всего добиться уменьшения числа славянского населения».

После разгрома фашистской Германии, во время одного из процессов над немецко-фашистскими военными преступниками, физически уничтожавшими советское население (так называемая зондеркоманда-6), эсэсовец Хельфеготт показал:

«Я всегда прилагал усилия, дабы расправы, которые предписывались свыше, осуществлялись гуманно и без жестокостей». На вопрос, что он этим хочет сказать, Хельфеготт пояснил: «Например, когда нам надо было расстрелять женщину с грудным младенцем на руках, то мы сначала расстреливали мать, а затем младенца».

16

На востоке в апреле и мае 1941 г. у Германии имелось только 75 немецких дивизий.

17

«И. В. Сталин сам вел большую работу с оборонными предприятиями, хорошо знал десятки директоров заводов, парторгов, главных инженеров, встречался с ними, добиваясь с присущей ему настойчивостью выполнения намеченных планов». *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1974. С.213.

18

В. М. Молотов вспоминал: «Сталин не был антисемитом, как его порой пытаются изобразить. Он отмечал в еврейском народе многие качества: работоспособность, спаянность, политическую активность». *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С.274.

19

К сожалению, значительная часть людоедского, дьявольского плана «Ваннзее» была гитлеровцами выполнена: более шести миллионов лиц еврейской национальности во время Второй мировой войны было уничтожено в Польше и других оккупированных Германией странах, в Бабьем Яру, в лагерях смерти Треблинка, Майданек, Освенцим и других, в которых в первую очередь уничтожались евреи.

Вот как, например, Борис Полевой описывал зачтение на Нюрнбергском процессе выдержек из отчета немецкого бригаденфюрера СС, генерал-майора Штруппа, направленного рейхсфюреру СС Гиммлеру, о ликвидации варшавского гетто, где были сконцентрированы польские евреи.

23 апреля 1943 года рейхсфюрер СС отдал через фюрера СС в Кракове приказ: «Со всей жестокостью и безжалостностью ликвидировать варшавское гетто». Докладывая начальству о выполнении этого приказа, Штрупп сообщал: «Я решил уничтожить всю территорию, где скрывались евреи, путем огня, поджигая каждое здание и не выпуская из него жителей».

Дальше деловым тоном говорилось, как осуществлялось это мероприятие, как эсэсовцы и приданная им в помощь военная полиция и саперы заколачивали выходные двери, забивали окна нижних этажей и затем поджигали здания. В густонаселенных домах, где теснились согнанные со всего города семьи, слышались душераздирающие вопли заживо горящих людей. Они инстинктивно пытались спасаться от огня на верхних этажах, куда пламя еще не доставало. Но пламя шло за ними по пятам. Пленники выкидывали из окон матрасы, тюфяки и, думая спасти, выбрасывали на эти матрасы детей, стариков, сами же выпрыгивали из окон, ломая ноги, разбиваясь насмерть. Тех, кто чудом оставался невредимым и пытался отползти от пожарища, унося детей, преследовали. В отчете так и писалось: «Солдаты неуклонно выполняли свой долг и пристреливали их… Работали без устали с утра до поздней ночи». Штрупп — чиновник гитлеровской школы — своей рукой описал все это в докладе начальству.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1974. С.342.

21

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 1969. С.297.

Вопросы истории. 1970, № 5. С.59.

Василевский А.М. Дело всей жизни. 1973. С. 127–128.

24

Черчилль У. Вторая мировая война. Т.IV. Поворот судьбы. С. 477–478.

25

Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М.: Молодая гвардия, 1981. С.73.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 1974. С. 327–330.

27

Василевский А. М. Дело всей жизни. 1973. С. 126–127,129.

Там же. С.131.

29

Баграмян И. Х. Так мы шли к победе. М.: Воениздат, 1977. С. 59, 61,300.

Рокоссовский К. К. Солдатский долг. 1968. С. 7–9.

В то же время под влиянием Хрущева и его последующих преемников в учебниках, книгах, кинокартинах, статьях, теле- и радиопередачах, посвященных истории Великой Отечественной войны, подготовка нашей страны к обороне, деятельность Сталина начали систематически подаваться советским читателям, зрителям и слушателям неправильно, в однобоком и умышленно искаженном свете. На первое место выдвигались и крайне преувеличивались недостатки в подготовке к войне. Сама же важная работа, подготовившая победу, проделанная нашим народом перед войной, как бы смазывалась, оставалась в тени.

Мерецков К. А. На службе народу. 1968. С.380.

Патоличев Н. С. Испытания на зрелость. 1977. С.127.

34

Архив Министерства обороны, ф.132-А, оп. 2642, д. 13, л. 21.

35

Командующий Военно-Воздушными Силами.

36

Архив Министерства обороны, ф.132А, оп. 2642, д. 34, л.3–4.